

Methodi

№ 1-2 (11-12), 2025

ISSN 3034-3313

ИСТОРИК
И ИСТОЧНИК

et Praxis

«METHODI ET PRAxis: историк и источник» – рецензируемый электронный научный студенческий журнал

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС77-86688 от 12.01.2024 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Редакционный совет:

Е.В. Барышева, доктор ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Е.М. Бурова, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
В.И. Дурновцев, доктор ист. наук, профессор (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Н.А. Комочев, кандидат ист. наук, доцент (ИСл РАН, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
П.А. Кюнг, кандидат ист. наук (ВНИИДАД, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Е.В. Пчелов, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
З.М. Рубинина, кандидат ист. наук (ГИМ, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
О.В. Саприкина, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Н.Е. Соничева, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Ф.Г. Тараторкин, кандидат ист. наук (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
В.В. Тихонов, доктор ист. наук (ИРИ РАН, Москва, Российская Федерация),
Т.И. Хорхордина, доктор ист. наук, профессор (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
С.Ю. Шокарев, кандидат ист. наук (РАНХиГС, Москва, Российская Федерация),
С.В. Шпирко, кандидат физ.-мат. и ист. наук (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Ю.Э. Шустова, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация)

Редакция:

М.Ю. Борисов, главный редактор,
С.Я. Нисенбаум, заместитель главного редактора,
А.Г. Мирзоян, главный научный редактор,
Ф.А. Белов, научный редактор
М.А. Родионова, научный редактор,
К.С. Шевякова, научный редактор.

Ответственные за выпуск журнала:

Ф.А. Белов, М.Ю. Борисов, А.Г. Мирзоян, С.Я. Нисенбаум,
М.А. Родионова, К.С. Шевякова

Журнал выходит 4 раза в год

Все опубликованные статьи прошли
процедуру рецензирования

Редакция может не разделять выводы и утверждения
авторов

ВКонтакте: <https://vk.com/methetprax>
e-mail: MethetPrax@yandex.ru

© Авторы, 2025

© METHODI ET PRAxis: историк и источник, 2025

Опубликованные материалы распространяются по лицензии
Creative Common | Attribution No Derivatives
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

METHODI ET PRAXIS: historian and source

is a peer-reviewed electronic student academic magazine

Founder and Publisher of the magazine:

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian State University for the Humanities» (RSUH)

Certificate of registration: series ЭЛ № ФC77-86688 from 12.01.2024 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, IT and MassMedia (Russia).

Editorial Board:

E.V. Barysheva, Dr. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
E.M. Burova, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
V.I. Durnovtsev, Dr. Of Sci. (History), professor (RSUH, Moscow, Russia),
N.A. Komochev, Cand. Of Sci. (History), associate professor (ISS RAH, RSUH, Moscow, Russia),
P.A. Kyung, Cand. Of Sci. (History) (VNIIDAD, RSUH, Moscow, Russia),
E.V. Pchelov, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
Z.M. Rubinina, Cand. Of Sci. (History) (SHM, RSUH, Moscow, Russia),
O.V. Saprikina, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
N.E. Sonicheva, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
Ph.G. Taratorkin, Cand. Of Sci. (History) (RSUH, Moscow, Russia),
V.V. Tikhonov, Dr. Of Sci. (History) (IRH RAS, Moscow, Russia),
T.I. Kborbordina, Dr. Of Sci. (History), professor (RSUH, Moscow, Russia),
S.Yu. Shokarev, Cand. Of Sci. (History) (RANEPА, Moscow, Russia),
S.V. Shpirko, Cand. Of Sci. (Physics and Mathematics, History) (RSUH, Moscow, Russia),
Yu.E. Shustova, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia)

Edition:

M.Yu. Borisov, Editor-in-Chief,
S.Ya. Nisenbaum, Deputy Editor-in-Chief,
A.G. Mirzoyan, Chief of Scientifics Editors,
F.A. Belov, Scientific Editor,
M.A. Rodionova, Scientific Editor,
K.S. Shevyakova, Scientific Editor.

Responsible for the issue of the magazine:

F.A. Belov, M.Yu. Borisov, A.G. Mirzoyan, S.Ya. Nisenbaum,
M.A. Rodionova, K.S. Shevyakova

The magazine is published 4 times a year

All published articles have been peer-reviewed

The editors may not share the conclusions and statements
of the authors

VK: <https://vk.com/methetprax>

e-mail: MethetPrax@yandex.ru

© Authors, 2025

© METHODI ET PRAXIS: historian and source, 2025

This work is licensed under CC BY 4.0.

To view a copy of this license, visit:
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

6–7 Intro

Теоретики и практики своим ученикам

8–19 *Т.И. Хорхордина*

Евгений Васильевич Старостин: Жизнь и Судьба

Исторические исследования

20–33 *А.Д. Корнеев*

Sonderweg: 150 years of criticism

34–49 *А.Т. Арсенидзе*

Образ внешнего врага в советских агитационных фильмах 1930-х гг.

Историко-архивоведческие исследования

50–62 *К.Ю. Григорьев*

Источники по истории строительства Чебоксарской ГЭС (по материалам Государственного архива современной истории Чувашской Республики и Государственного исторического архива Чувашской Республики)

Археографические исследования

63–100 *А.М. Захарова, С.В. Злодеева, С.Я. Нисенбаум*

Мстиславский Сергей Дмитриевич (1876–1943): материалы к биографии и творчеству

101–102 Сведения об авторах

CONTENTS

6–7 Intro

Theorists and practitioners to their students

8–19 *T.I. Khor'khor'dina*

Evgeny Vasilyevich Starostin: Life and Destiny

Historical studies

20–33 *A.D. Korneev*

Sonderweg: 150 years of Criticism

34–49 *A.T. Arsenidze*

The Image of the External Enemy in Soviet Propaganda Films of the 1930s

Historical and archival studies

50–62 *K.Yu. Grigoriev*

Sources on the history of Cheboksary HPP construction (based on the materials of the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic and the State Historical Archive of the Chuvash Republic)

Archaeographic studies

63–100 *A.M. Zaharova, S.V. Zlod'eeva, S.Ya. Nisenbaum*

Mstislavsky Sergey Dmitrievich (1876–1943): Materials for Biography and Creative work

101–102 General data about the authors

Intro

Дорогие читатели! Перед вами первый номер журнала *«Methodi et praxis: историк и источник»* за 2025 г. Он посвящен Евгению Васильевичу Старостину (1935–2011), которому в этом году исполнилось бы 90 лет. Евгений Васильевич был яркой фигурой в стенах нашего университета и внес неоценимый вклад в развитие научно-педагогической школы Историко-архивного института РГГУ, сумев сохранить ИАИ как институцию в дни больших испытаний для страны и общества¹.

Будучи преподавателем, Е.В. Старостин посвятил свою научную жизнь фундаментальной разработке и изучению широкого круга проблем в области истории организации архивного дела в России и за рубежом. Его труды были высоко оценены коллегами; многие из них до сих пор не потеряли своей актуальности, а некоторые признаны классическими. Новаторскими стали исследования ученого, посвященные архивам Русской Православной Церкви. Е.В. Старостин смог совместить в себе черты историка-источниковеда с классической подготовкой и архивиста, а также обладал широким научным кругозором, благодаря чему ему удалось достичь успеха на ниве исторической науки.

Широка и насыщена была общественная жизнь и организационная работа ученого. Е.В. Старостин стоял у истоков создания в 1990 г. Российского общества историков-архивистов (РОИА), Центра архивных исследований ИАИ РГГУ, принимал активное участие в деятельности Международного совета архивов (МСА) и реформе архивной отрасли и архивного законодательства в России в 2004 г. Его управленческие таланты ярко проявились в качестве заведующего кафедрой истории организации архивного дела на факультете архивного дела (1981–2011) и директора ИАИ (1992–1996).

Евгений Васильевич за время своей научно-педагогической деятельности воспитал не одно поколение учеников; его наследие и теоретические наработки по сей день продолжают бережно сохраняться на кафедре истории организации архивного дела факультета архивоведения и документоведения ИАИ РГГУ. Е.В. Старостин был вдохновителем и создателем ряда новых профилей на кафедре, среди которых: «Еврейские языки, культура, тексты и архивы», «Архивы Русской Православной Церкви», «История, культура и архивы Франции», «История и новые технологии (Россия – Франция)» (совместно с Национальной школой хартий). На двух из них автор предисловия имел возможность учиться в течение шести лет.

¹ Хорхордина Т.И. Историко-архивный институт в истории отечественной школы: 1930–2020 / под. ред. А.Б. Безбородова. 2-е изд. М.: РГГУ, 2020. С. 242–243.

Открывает номер статья-очерк Т.И. Хорхординой, посвященная памяти Е.В. Старостина. Очерк дает возможность составить живой портрет ученого как многостороннего человека, истинно преданного науке и педагогике. Рубрику «*Исторические исследования*» открывает статья А.Д. Корнеева, посвященная изучению немецкой концепции Особого пути (Sonderweg) в трех стадиях ее развития. Автор прослеживает эволюцию интерпретаций этой концепции, показывая, как в конце XX в. произошло возвращение к исходной идее, но уже в иной исследовательской оптике. В статье А.Т. Арсенидзе поднимаются вопросы изучения образа внешнего врага в контексте государственной идеологической политики на базе анализа агитационных советских фильмов 1930-х гг. Автор на примере разных кинокартин реконструирует основные черты образа предполагаемого противника и соотносит их с выполнением задач советской пропаганды. Рубрику «*Историко-архивоведческие исследования*» представляет статья К.Ю. Григорьева, в которой изучаются архивные источники по истории строительства Чебоксарской ГЭС. В работе проанализирован видовой состав источников, а также с источниковедческой и архивоведческой сторон дана характеристика фондов, в составе которых хранятся документы по истории строительства объекта. В рубрике «*Археографические исследования*» представлена документальная публикация А.М. Захаровой, С.В. Злодеевой и С.Я. Нисенбаум, в которой впервые в научный оборот вводятся несколько документов о жизни и творчестве С.Д. Мстиславского (Масловского) – одного из малоизученных на сегодняшний день революционных и литературных деятелей, оставивших богатое эпистолярное наследие.

Редакция приглашает к подготовке будущих номеров журнала авторов из числа молодых исследователей! Статьи, публикации документов, отчеты о научных конференциях и мероприятиях, сообщения и другие материалы можно присылать по адресу: methetprax@yandex.ru.

*Главный редактор
Максим Борисов*

Теоретики и практики своими учениками

УДК 930:929(47)+930.25

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТАРОСТИН: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Т.И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Поступила в редакцию: 10 марта 2025 г.

Принята к публикации: 16 мая 2025 г.

EVGENY VASILYEVICH STAROSTIN: LIFE AND DESTINY

T.I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia*

Received: 10 March 2025

Accepted: 16 May 2025

Просмотрев большое число литературы и воспоминаний, все больше убеждаюсь, как трудно сказать что-то новое о Евгении Васильевиче Старостине, не впадая в пафос, который, кстати, он очень не любил. Евгений Васильевич, когда я представляла на его суд мои первые публикации, был снисходительно-интеллигентным, я бы сказала, всегда оставался джентльменом, ожидая, очевидно, что повзрослею и пойму все сама. Так и случилось. И сейчас стараюсь побороть излишний пафос, вспоминая незабвенного Евгения Васильевича.

Годы, проведенные рядом с Евгением Васильевичем Старостиным – разносторонне одаренной личностью, добрым, отзывчивым и светлым человеком, были однозначно счастливыми. Мне выпала радость учиться у него и общаться с ним. Свою жизнь Евгений Васильевич прожил как бы на одном дыхании, и главной сущностью его была Любовь – к людям, к семье, Родине, творчеству, науке.

С Е.В. Старостиным наш 3-й курс встретился в 1981 г., когда он пришел вести у нас семинарские занятия по истории и организации отечественного архивного дела. Мы сразу же влюбились в него как в преподавателя – он поразил нас чрезвычайной широтой кругозора и доброжелательностью. Мой дальнейший жизненный путь стал тесно связан с этим крупным ученым, знатоком отечественных и зарубежных архивов, человеком с тонкой и трогательной душой, который стал моим Учителем.

На пятом курсе Евгений Васильевич читал нам дисциплину «Зарубежные архивы». К этому времени я уже готовила под его научным руководством дипломную работу и была потрясена тем, как он крайне деликатно правит текст. По мере дальнейшего общения с ним я поняла, что ему присущи особый такт и деликатность. Доброжелательное, внимательное и, главное, чуткое отношение к ученикам и коллегам было основным свойством его натуры.

Лекторское мастерство Евгения Васильевича – отдельная тема. Первое впечатление от его лекций я помню до сих пор. С первого дня он поразил нас тем, что почти не читал свои лекции по заготовленным конспектам. Но в то же время это не была свободная импровизация на заданную тему – он абсолютно точно знал, как выстроить подачу лекционного материала с максимальным эффектом, и неукоснительно следовал этой сверхзадаче. У Евгения Васильевича была удивительная способность сочетать в себе одновременно качества историка, чувствующего себя комфортно среди коллег разных поколений, и архивиста, который умеет по-своему, оригинально, читать и воспринимать язык документов.

Это были проблемные лекции по истории архивного дела в зарубежных странах. Они носили строго научный характер, были лишены эмоциональных всплесков, «игры на публику». Не актерское красноречие, а логическая последовательность и убедительность – оригинальность его манеры излагать учебный материал. Вместе с тем Евгений Васильевич не упускал случая рассказать тот или иной эпизод, относящийся к истории архивов и архивного дела в зарубежных странах. Умение ненавязчиво, как бы вскользь, показать свою личную сопричастность всему, о чем он говорил, было его отличительным свойством. Шла ли речь об архивах Индокитая, Африки или Западной Европы – он говорил о том, что лично видел, о том, что лично его заинтересовало. Тогда, в конце 1970-х – начале 1980-х гг., мало кто из преподавателей зарубежного

архивоведения мог опереться на такой богатый жизненный и профессиональный опыт. За каждым словом лектора чувствовалось, что теоретические, умозрительные построения – не более чем фон для его видения реального, фактического состояния архивов и архивного дела в каждой из стран, и в архивном мире в целом. Такой подход в начале прошлого века в отечественной историографии был отнесен к «петербуржско-ленинградской», т. е. «индуктивно-рациональной», «интеллектуальной» школе, в отличие от «московской», эмоциональной школы, тяготевшей к дедукции, к сведению отдельных фактов в крупномасштабные системы с использованием заранее принятых за основу широких обобщений. Вместе с Евгением Васильевичем можно было свободно посетить архивохранилища любой страны и сделать собственные выводы. В 1970-е гг. это составляло заветную, практически неисполнимую мечту многих. И всегда, когда мы слушали лекции, за ними чувствовался огромный мир культуры стран далекого зарубежья. Он нам казался Колумбом, хотя, естественно, это происходило помимо воли самого лектора.

В лекциях он избегал прямой полемики, но всегда стремился тихим, но хорошо поставленным голосом донести до студентов собственную концептуальную схему, определить четкие хронологические рамки, дать свое толкование принятых дефиниций, понятий, терминов и категорий, что особенно проявлялось, когда речь шла о его излюбленной теме – архивах Франции. Французское архивоведение было одной из наиболее интересных для Евгения Васильевича тем. Любя Францию и прекрасно зная историю этой страны и ее архивов, он всегда был внутренне совершенно свободен от захватившего многих в 1990-е гг. восхищения «западными» моделями. Используя обширные теоретические и фактические знания, он старался привить студентам умение «не сотворить себе кумира» из какого-либо понятия, учреждения, деятеля или процесса. В его изложении перед ними открывался сложный и многогранный мир профессии историка-архивиста. Его манера объяснять сложное без упрощений отражала присущее ему уважение к разным точкам зрения и культурам. Его лекции являлись уроком потрясающего умения понимать и уважать ценности других, не ставя при этом под сомнение свои ценности и традиции.

Еще одна характерная черта Евгения Васильевича – подлинная интеллигентность, он олицетворял собой, я бы сказала, типичного русского интеллигента чеховского типа. Все знали, что на экзаменах он предельно доброжелателен. Ему можно было сдать предмет без особого напряжения, поскольку при незнании ответа на вопрос казалось, что неловкость испытывал не студент, а сам преподаватель. Но именно поэтому к его экзамену готовились особенно тщательно – ведь такого преподавателя просто стыдно ставить в неловкое положение. И последнее. Евгений Васильевич Старостин был для нас,

студентов конца 1970-х – начала 1980-х гг. чем-то сродни русским западникам. Он свободно оперировал фактами и данными, почерпнутыми из иностранных источников на самых разных языках, недоступных для большинства. Его лекции пробуждали у студентов интерес к исследовательской работе. Широта его интересов была безгранична.

По-спортивному подтянутый, элегантный, никогда не повышающий голоса, он был кумиром многих студенток и идеалом для студентов-юношей.

Так случилось, что в середине пятого курса мне пришлось уехать с семьей на три года в зарубежную командировку. Вернулась я с готовой диссертацией, тему которой мне предложил также Евгений Васильевич. Сразу после защиты мною кандидатской диссертации Старостин предложил мне стать преподавателем руководимой им кафедры истории и организации архивного дела. Он делал все для того, чтобы кафедра стала нашим вторым домом, чтобы на кафедре было всегда душевно тепло и уютно. От него исходила особая доброта, и порой мы пользовались ею бессовестно, он откладывал все дела, пытаясь решить наши возникавшие проблемы... При его жизни мы даже не осознавали, как защищены его именем и его авторитетом. Удивительно скромный, щедрый человек, готовый всегда реально прийти на помощь, поделиться идеями, советами, планами, великолепными рассказами и своими знаниями. Нас потрясала его способность сразу вычленить проблему и обозначить возможные пути ее решения. Все новые направления научной работы кафедры формировались по его инициативе. В последние годы несколько раз он заводил со мной разговор о том, что хочет уйти с должности заведующего кафедрой, оставшись профессором кафедры, чтобы полностью сосредоточиться на научной работе. Но мы все и слушать об этом не хотели – настолько мы не могли даже подумать о другом заведующем.

Еще одна грань таланта Евгения Васильевича, о которой не все знали, потому что он был удивительно скромным человеком – он был великолепным художником. Мы убедились в этом благодаря энтузиазму и подвижничеству В.Ю. Афиани, который организовал выставку картин Е.В. Старостина в Архиве РАН в сентябре 2011 г.

Можно еще много рассказывать обо всех гранях его таланта. Мы всегда будем бесконечно благодарны Е.В. Старостину, понимая и осознавая масштаб его личности, стараясь продолжать и сохранять традиции, заложенные им в историко-архивоведении, таким образом обеспечивая преемственность традиций научно-педагогической школы Старостина. Все, чем занимается кафедра сегодня, есть продолжение его идей, дел, трудов, его научно-педагогической школы в целом.

Он не терял связи с выпускниками института, всегда внимательно следил за их дальнейшей судьбой – ему вообще был присущ демократизм в общении со студентами и подчиненными.

23 марта 2011 г. он был как обычно до вечера на кафедре. Уходя, я попрощалась с ним «до завтра», оказалось, что в земной жизни навсегда... Однако мы часто ловим себя на мысли, что Евгений Васильевич вышел ненадолго, раздадутся его легкие быстрые шаги и войдет наш Учитель.

Великая Отечественная война наложила отпечаток на всю жизнь Евгения Васильевича. Его отец, Василий Николаевич, в 1942 г. погиб на фронте, и в 1945 г. мама отдала 10-летнего Женю и старшего брата в созданное годом раньше Суворовское училище, после окончания которого он в 1956 г. служил лейтенантом на Дальнем Востоке. Евгений Васильевич всегда с гордостью рассказывал о своей учебе в училище, своих соучениках, дружбу с которыми он сохранил на всю жизнь, и неизменно подчеркивал важность первых жизненных установок, которые получил в Суворовском училище. Несомненно, обучение в Суворовском училище привило ему железную дисциплину и организаторский талант. После двухлетней службы Евгений Васильевич демобилизовался из армии и поступил в Московский государственный историко-архивный институт. С 1958 г. и вплоть до безвременной кончины в марте 2011 г. судьба и творчество Е.В. Старостина были неразрывно связаны с Историко-архивным институтом.

Определяющей стала для него встреча с С.О. Шмидтом и участие в работе студенческого кружка источниковедения истории СССР, который, по словам Евгения Васильевича, был «... явлением какого-то планетарного характера». Е.В. Старостин вспоминал, что Сигурд Оттович «... настолько увлекательно освещал историю древней и средневековой Руси, что все мы... были в восторге и иногда устраивали ему овации»¹.

Выделю только несколько пересекающихся векторов его становления как ученого и как личности (а это и у Сигурда Оттовича, и у Евгения Васильевича разделить, как я сейчас понимаю, нельзя).

Уже сами определения «учитель» и «ученик» логически привязывают нас к понятию «научная школа». Самое общее определение феномена «научной школы», которое мне пришлось в процессе подготовки к настоящей публикации выделить среди не менее дюжины аналогичных или почти тождественных дефиниций, сводится к тому, что понятие «научная школа» подразумевает содержательную близость разрабатываемой проблематики, единство методологии и методики. Иногда словосочетание «научная школа» употребляется как собирательное понятие: «петербургская историческая научная школа», «московская историческая научная школа».

¹ Е.В. Старостин. о С.О. Шмидте: *Старостин Е.В., Архипова Т.Г., Коляда В.А., Овчинников В.Р., Сергеева А.В.* «Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы...»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. // Отечественные архивы. 2009. №3. С. 96.

С моей точки зрения, научную историческую школу составляют ученые-единомышленники: учитель и ученики, коллеги. Но, думаю, важно иметь в виду, что многие отечественные выдающиеся ученые и педагоги-исследователи (В.И. Вернадский, С.И. Гессен и др.) подчеркивали: специфика образования и развития научных школ в России определяется тем, что они создаются интеллигенцией, как правило без прямой государственной поддержки, благодаря «их личным усилиям, по личной инициативе или путем образуемых ими организаций...»². В.И. Вернадский делал акцент на свободе, независимости русских ученых. С нашей точки зрения, научная школа по сути являет собой эффективную модель образования как трансляции, помимо чисто предметного содержания, культурных норм и ценностей от старшего поколения к младшему. Как правило, научная школа получает название по имени основавшего ее ученого. Наличие лидера является обязательным условием существования научной школы. С.И. Гессен писал: «Метод научного мышления передается путем устного предания, носителем которого является не мертвое слово, а всегда живой человек. На этом именно зиждется незаменимое значение учителя и школы. Никакие книги никогда не могут дать того, что может дать хорошая школа»³.

Важно то, что определение «научная школа» позволяет глубже понять роль и место, которое Е.В. Старостин навсегда занял в непрерывной, чаще всего неформальной, преемственной связке «Учитель – ученик – учитель...», что и составляет, на наш взгляд, сущность отечественной научной школы.

Однако остановимся здесь на одной, если хотите, мистической случайности, которая пока еще незримо сводит воедино судьбы Сигурда Оттовича и Евгения Васильевича. Дело в том, что в истоке их будущих отношений как Учителя и Ученика лежала общая любовь и привязанность к Франции, французскому языку и культуре.

Думаю, вряд ли кого эти связи с Францией во всем окружении Сигурда Оттовича интересовали больше, чем Евгения Старостина. Одновременно с поступлением в 1957 г. на факультет архивного дела МГИАИ он начал учиться на франкоязычном отделении педагогического факультета Высших пятигодичных курсов иностранных языков. В дальнейшем Е.В. Старостин заложил фундамент тесного взаимовыгодного сотрудничества отечественных историков и архивистов с коллегами и друзьями из Франции.

Для возникновения научной школы в подлинном смысле этого слова именно С.О. Шмидт олицетворял ту нравственную компоненту, которая необходима для становления преемственности Учителя и ученика.

² Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М. 1988. С. 65.

³ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. 1995. С. 35.

Одновременно студент Е. Старостин посещает вместе с В. Муравьевым, Е. Швейковской, И. Беленьким и кружок по западно-европейскому просвещению у Фаины Абрамовны Коган-Бернштейн. Опять же, мы сегодня можем только догадываться, насколько С.О. Шмидт прямо или косвенно повлиял на выбор юным Старостиным в качестве темы дипломной работы «П.А. Кропоткин как историк Великой французской революции». Говоря о научном наследии ученого, следует иметь в виду не просто свободу, а дерзость в выборе направления своих фундаментальных исследований.

Интерес к Кропоткину, основателю русского теоретического анархизма и гуманисту, в те годы выглядел неуместным и идеологически подозрительным. В этой ситуации проявились не только приобретенное Е.В. Старостиным в Институте умение отстаивать свои принципы и убеждения, но и смелость выбирать и развивать «опасные» и «пограничные» темы исследований, исходя не из господствующей идеологии, а единственно из научного интереса проблемы. Думаю, что С.О. Шмидт вряд ли оставался сторонним наблюдателем в этом противостоянии науки и идеологии, тем более что диплом по Кропоткину был защищен Е.В. Старостиным в 1964 г. под руководством С.О. Шмидта,

Благодаря прекрасному знанию французского языка Евгению Васильевичу представилась возможность поработать чуть больше года переводчиком группы советских геологов в Гвинее, затем – в ряде других африканских и азиатских стран, где он наблюдал за трудными процессами становления национальных архивных структур. Отработав год референтом в Минвузе СССР, Е.В. Старостин перешел на преподавательскую работу в Московский автодорожный институт (МАДИ), где, являясь доцентом, а затем заведующим кафедрой на факультете для иностранных граждан, почти 10 лет читал лекции по русской истории на французском языке.

И вновь крутой поворот. В мае 1972 г. Н.В. Бржостовская предложила Е.В. Старостину продолжить чтение курса «Архивы и архивное дело в зарубежных странах» в Историко-архивном институте. «Не могу сказать, что история архивного дела очень привлекала меня. Я себя рассматривал, как историка общественной мысли России, русского народничества, анархизма. Но впоследствии и в этой области знания я обнаружил чрезвычайно интересные темы, изучение которых требовало глубокого образования и источниковедческого мастерства. В области зарубежного архивоведения я сосредоточился на изучении историографии, зарубежной архивной Россики, проблем архивной теории», – писал Е.В. Старостин в своей автобиографии в марте 2011 г.

Думаю, и здесь сказалась нравственная закалка, которую получил Евгений Васильевич у С.О. Шмидта. Он делает свой выбор, поскольку после ухода Н.В. Бржостовской дело всей ее жизни оказалось бы, мягко говоря, в крайне неопределенном состоянии.

Таким образом, Е.В. Старостин был приглашен на преподавательскую работу в МГИАИ, где с 1973 г. и началась его блистательная карьера ведущего ученого в области зарубежных архивов, методологии и истории зарубежного и отечественного архивоведения, зарубежной архивной Россики, архивной реституции, а в последние два десятилетия и архивов Русской православной церкви. Е.В. Старостину по праву принадлежит приоритет в постановке и разработке многих проблем этих научных направлений. Как ученый, он совместил в себе черты историка-источниковеда и архивиста, что предопределило широту его научного кругозора – диапазон его разносторонних и многогранных научных интересов поражает.

Он впервые в отечественной историко-архивоведческой науке предпринял комплексное исследование теории, истории и методологии зарубежного западного архивоведения, отдельные аспекты которого соотнесены с развитием отечественного архивного дела. Иными словами, ученый поставил вопрос (и попытался на него ответить рядом компаративистских исследований) о том, насколько адекватно человеческие сообщества документируют свою историю. В этом смысле его научные исследования смыкаются с теорией историко-культурного наследия, которая активно разрабатывается отечественной и зарубежной архивной наукой.

Работы Е.В. Старостина по теории, методологии и терминологии архивоведения оказали значительное влияние на развитие отечественного архивного дела⁴. Глубокий анализ истории, современного состояния и тенденций развития зарубежного архивоведения явился основой для дальнейших исследований в этой области учеников Е.В. Старостина.

В конце 1980-х гг. Старостин обратился к практически неизученной теме: истории и организации архивов Русской православной церкви. Он первым в отечественной историографии проследил историю архивов Русской православной церкви как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья для восстановления и понимания утраченных после 1917 г. комплексов документов. По его мысли курс архивов РПЦ должен был стать основой курса об архивах всех представленных в России конфессий: ислама, буддизма, иудаизма.

⁴ *Старостин Е.В.* Архивное дело во Франции. Учеб. Пособие. М. 1984. 76 с.; *Он же.* Архивы современной Франции // Французский ежегодник за 1978 год. М. 1980. С. 233–246; *Он же.* Методологические проблемы истории архивного дела в современном французском архивоведении // Вопросы критики методологии и теории буржуазного архивоведения. М. 1980. С. 110–119; *Он же.* Архивное дело в странах Западной Европы к началу XX века и зарождение международного сотрудничества // Советские архивы. 1982. № 3. С. 67–75; *Он же.* Зарубежная буржуазная историография архивоведения: Учеб. пособие. М. 1986. 82 с.; *Старостин Е.В., Чудиновских В.А.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах: Учеб. пособие. Свердловск. 1991. 88 с.; *Старостин Е.В.* Развитие международного архивного сотрудничества до Второй мировой войны. Учеб. пособие. М. 1983. 55 с.; *Он же.* Международные архивные организации и их деятельностью М. 1989. 81 с.; *Он же.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М. 1997. 327 с. и др.

В марте 2011 г., за полмесяца до кончины Евгения Васильевича, вышел из печати его фундаментальный учебник по истории архивов РПЦ, охватывающий грандиозный хронологический период в истории и развитии церковных архивов – с X по XX вв.⁵ Это первый в истории науки труд, посвященный историко-документальному наследию РПЦ, знакомящий с составом и содержанием церковных комплексов источников, а также с важнейшими документальными публикациями по церковной истории. Отметим, что в последние годы он развивал и исследовал тему «Библия и архивы». Статья под одноименным названием была им опубликована в 2007 г.⁶ Эту работу в автобиографии, написанной им за восемь дней до кончины, он назвал «самой значительной в своем научном наследи»⁷.

Е.В. Старостин вел огромную общественно-педагогическую деятельность. В 1981 г. Евгений Васильевич становится заведующим кафедрой истории и организации архивного дела, которой руководил более 30 лет, что составило целую эпоху в жизни кафедры и Института в целом. Благодаря своим научным трудам, а также организаторскому таланту Е.В. Старостина кафедра под его руководством стала признанным центром историко-архивоведческой мысли в России и за рубежом. Так, после тщательной подготовительной работы Евгения Васильевича, в 1991 г. при кафедре впервые в нашей стране была открыта специализация «Еврейские языки, культура, тексты и архивы».

Вместе с тем он провел и ряд практических исследований – в созданном им в 1990 г. Центре архивных исследований и при его непосредственном участии был подготовлен и издан уникальный трехтомный путеводитель «Документы по истории еврейского народа в архивах г. Москвы»⁸.

В 1994 г. при кафедре была создана специализация «Архивы Русской Православной церкви», на открытие и деятельность которой было получено благословение Патриарха Алексия II. Это направление кафедра продолжает и ныне.

Благодаря научным трудам Е.В. Старостина, получившим международное признание, кафедра под его руководством установила крепкие профессиональные связи с Национальной школой хартий (Франция) и Международным советом архивов. Так, после огромной организационной подготовки, в 2005 г. была открыта совместно с Национальной школой хартий специализация «История, культура и архивы Франции». В 2008 г. открыта первая международная магистратура среди архивоведческих и документоведческих кафедр ИАИ совместно с Национальной школой хартий – «История и новые технологии (Россия – Франция)».

⁵ Старостин Е.В. Архивы Русской православной церкви (X-XX вв.): Учеб. пособие. М. 2011. 255 с.

⁶ Старостин Е.В. Библия и архивы // Отечественные архивы. 2007. №4. С. 33–41.

⁷ Старостин Е.В. Автобиография // Гуманитарный университет в Москве: История идеи / авт. – сост. Т.И. Хорхордина. М. 2012. С. 253.

⁸ Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы: Путеводитель / вступ. ст., сост. Е.В. Старостин и др. М. 1997. 601 с.

В 1992 г. Е.В. Старостин был избран директором Историко-архивного института РГГУ и в течение пяти лет возглавлял Институт, делая все, чтобы сохранить уникальность нашего высшего учебного заведения и его традиции во всей полноте. На этом посту он снискал признательность студентов, преподавателей, выпускников и всех, кому дорог Историко-архивный институт. Сам Евгений Васильевич в автобиографии писал об этом: «... мы сохранили институт, восстановили, а, по существу, заново создали факультет технотронных архивов, возвратили факультет документоведения, сберегли заочное и вечернее образование и т. п.»⁹. Автобиография поражает сочетанием трепетного отношения к людям и профессиональной оценкой процессов, происходивших в те драматические годы...

Е.В. Старостин стоял у истоков создания Российского общества историков-архивистов (РОИА) в 1990–1991 гг., был одним из основателей Общества, заместителем председателя подготовительного комитета. На первом учредительном съезде РОИА 13 ноября 1990 г. он подготовил доклад «О проекте Устава Общества архивистов РСФСР». Вспоминая работу по подготовке Устава, он отмечал, что при обсуждении документа спорили до хрипоты буквально по каждому слову. Больше двух десятилетий он вел огромную работу в РОИА, будучи председателем секции профессиональной подготовки архивистов, а с 1996 г. председателем секции по проблемам архивов РПЦ.

Не одно поколение студентов и аспирантов учатся по методическим пособиям и разработкам ученого. Идеи научно-педагогической школы Е.В. Старостина находят отражение в трудах его учеников. Его имя и труды известны коллегам в ближнем и дальнем зарубежье, а учеников Евгения Васильевича можно встретить в научных учреждениях и архивах самых разных стран мира. Нашей благодарной памятью о Евгении Васильевиче Старостине является реализация его идей и замыслов и сохранение традиций научно-педагогической школы, созданной ученым. Будучи создателем собственной научно-педагогической школы, Е.В. Старостин являл собой пример подлинного служения науке...

У Евгения Васильевича было много планов. После выхода в свет монографии «Архивы и революция» (совместно с Т.И. Хорхординой)¹⁰, где проведен компаративный анализ истории зарождения и становления архивных служб двух стран в периоды крупнейших социальных революций во Франции в конце XVIII в. и в России в начале XX в., продолжением этого направления должна была стать книга «Война и архивы», материалы для которой он собирал несколько лет.

⁹ *Старостин Е.В.* Автобиография // Гуманитарный университет в Москве: История идеи / авт. – сост. Т.И. Хорхордина. М. 2012. С. 253.

¹⁰ *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М. 2007. 180 с.

О своем профессиональном кредо, позволившем создать школу изучения зарубежного архивоведения и историко-архивной компаративистики в МГИАИ, а затем сохранить эту школу в условиях распада СССР и на ее материале и интеллектуальном пространстве вести диалог со всеми новыми, постсоветскими архивными доктринами, сам Е.В. Старостин сказал в интервью газете РГГУ «Аудитория» в 2007 г.: «Как у любого человека, у меня есть исходные принципы, которых я вольно или невольно придерживаюсь. Во-первых, надо честно работать. На склоне своей профессиональной деятельности я могу сказать, что не откажусь ни от одной строчки, которые написал, даже будучи еще студентом. Были, конечно, определенные идеологические выверты, но я старался находиться подальше от них, стремился работать в позитивном ключе.

Во-вторых, историк должен работать с источниками. История, написанная не на базе широкого круга источников, это – политизированная или конъюнктурная (что еще хуже) история. Любая история должна писаться на базе архивных документов, и чем глубже исследователь войдет в архивный мир, чем шире будет охват источников, чем совершенней будет методика, тем ближе он окажется к правде. Я не классический позитивист, просто стараюсь для начала придерживаться принципа: „нет источника – нет истории“».

Эти слова сказаны учеником Учителя С.О. Шмидта и являются основой для продолжения деятельности научной школы в наши дни учениками Е.В. Старостина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России / В.И. Вернадский, сост. М.С. Бастракова, В.С. Неаполитанская, Г.А. Фирсова. – М.: Наука, 1988. – 467 с.
2. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен. – М.: Школа-пресс, 1995. – 447 с.
3. Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы: Путеводитель / науч. ред.-сост. и [авт. предисл.] М.С. Куповецкий, Е.В. Старостин, М. Веб. – М.: РГГУ: Project Gudaica, 1997. – 601 с.
4. *Старостин Е.В.* Автобиография // Гуманитарный университет в Москве: История идеи / авт.-сост. Т.И. Хорхордина. – М.: РГГУ, 2012. – С. 251-256.
5. *Старостин Е.В.* Архивное дело в странах Западной Европы к началу XX века и зарождение международного сотрудничества / Е.В. Старостин // Советские архивы. – 1982. – № 3. – С. 67–75.
6. *Старостин Е.В.* Архивное дело во Франции. Учеб. Пособие / Е.В. Старостин. – М.: МГИАИ, 1984. – 76 с.

7. *Старостин Е.В.* Архивы Русской православной церкви (X–XX вв.): Учеб. пособие / Е.В. Старостин. – М.: РГГУ, 2011. – 255 с.
8. *Старостин Е.В.* Архивы современной Франции // Французский ежегодник. 1978 / ред. З.С. Белоусова. – М.: Наука, 1980. – С. 233–246.
9. *Старостин Е.В.* Библия и архивы / Е.В. Старостин // Отечественные архивы. – 2007. – № 4. – С. 33–41.
10. *Старостин Е.В.* Зарубежная буржуазная историография архивоведения: Учеб. пособие / Е.В. Старостин. – М.: МГИАИ, 1986. – 82 с.
11. *Старостин Е.В.* Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии / Е.В. Старостин. – М.: Русский мир, 1997. – 327 с.
12. *Старостин Е.В.* Международные архивные организации и их деятельность / Е.В. Старостин. – М.: МГИАИ, 1989. – 81 с.
13. *Старостин Е.В.* Методологические проблемы истории архивного дела в современном французском архивоведении // Вопросы критики методологии и теории буржуазного архивоведения / сост. Н.П. Красавченко. – М.: МГИАИ, 1980. – С. 110–119.
14. *Старостин Е.В.* Развитие международного архивного сотрудничества до Второй мировой войны: Учебное пособие / Е.В. Старостин. – М.: МГИАИ, 1983. – 55 с.
15. *Старостин Е.В., Архипова Т.Г., Коляда В.А., Овчинников В.Р., Сергеева А.В.* «Они сохраняли традиции старой университетской дореволюционной школы...»: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. Конец 1940-х – 1960-е гг. / Е.В. Старостин, Т.Г. Архипова, В.А. Коляда, В.Р. Овчинников, А.В. Сергеева // Отечественные архивы. – 2009. – № 3. – С. 94–103.
16. *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция / Е.В. Старостин, Т.И. Хорхордина. – М.: РГГУ, 2007. – 180 с.
17. *Старостин Е.В., Чудиновских В.А.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах: Учеб. пособие / Е.В. Старостин, В.А. Чудиновских. – Свердловск: УрГУ, 1991. – 88 с.

УДК 94(430)+930.85

SONDERWEG: 150 YEARS OF CRITICISM

А.Д. Корнеев

Хайфский университет, Хайфа, Израиль

Аннотация. Концепция особого пути (Sonderweg) по сей день является краеугольным камнем немецкой историографии. В этом обзорном исследовании, охватывающем ее 150-летний период эволюции как понятия, предпринимается попытка комплексного анализа данного феномена. Изначально националистический нарратив XIX века, объясняющий уникальный путь модернизации Германии, в послевоенный период особый путь превратился в критическую теорию, анализирующую исторические ошибки Германии, приведшие к нацистской катастрофе. В данной статье рассматриваются три итерации этой концепции: ее истоки в идеях национальной исключительности Фихте и Гердера, ее переосмысление после Второй мировой войны как оптики для понимания политической и социальной отсталости Германии и ее переосмысление в конце XX века как плюралистического подхода, отвергающего нормативные модели развития. Спор историков (Historikerstreit) рассматривается здесь как поворотный момент, обнаживший идеологические разногласия по поводу уникальности Холокоста и ответственности Германии. В настоящем исследовании рассматриваются структурный анализ и критика Билефельдской школы, выдвинутые зарубежными историками, что подчеркивает сложность концепции особого пути и его роль в формировании дебатов о немецкой идентичности

и модернизации. Несмотря на то, что особый путь так и не стал единым теоретическим подходом, он по сей день остается важным инструментом исторической рефлексии, адаптируемым к глобальным и микроисторическим перспективам, что обеспечивает его актуальность для будущих исследований.

Ключевые слова: Особый путь, немецкая история, национализм, модернизация, Спор историков, Холокост, Билефельдская школа

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.

Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

SONDERWEG: 150 YEARS OF CRITICISM

A.D. Korneev

The University of Haifa, Haifa, Israel

Abstract. The Sonderweg concept, a cornerstone of German historiography, is explored in this overview paper, which traces its 150-year evolution. Initially a 19th-century nationalist narrative celebrating Germany's unique modernization path, Sonderweg transformed a critical framework analysing the nation's historical missteps leading to the Nazi catastrophe in the post-1945 period. The present article examines the concept's three iterations: its origins in Fichte's and Herder's ideas of national exceptionalism, its post-World War II reinterpretation as a lens for understanding Germany's political and social backwardness, and its late 20th-century reframing as a pluralistic approach rejecting normative development models. The Historikerstreit (Historians' dispute) is highlighted as a pivotal moment, exposing ideological divides over the Holocaust's singularity and German responsibility. The present study engages with the structural analyses and critiques of the Bielefeld School as advanced by foreign historians, thereby underscoring the complexity of Sonderweg and its role in shaping debates on German identity and modernization. Although not a unified theory, Sonderweg

remains a vital tool for historical reflection, adaptable to global and micro-historical perspectives, ensuring its relevance for future scholarship.

Keywords: Sonderweg, German history, nationalism, modernization, Historikerstreit, Holocaust, Bielefeld School

Received: 26 May 2025

Accepted: 22 August 2025

The concept of *Sonderweg* is multifaceted and complex. On the one hand, it can be described as a paradigm for the special development of German history, which differs from the similar path of other states. However, upon closer scrutiny, the concept's intricacies become increasingly opaque, potentially leading to its validity being called into question. A similar phenomenon can be observed in numerous other historiographical concepts; however, *Sonderweg* occupies a distinctive position due to its pervasive presence in public discourse, extending far beyond the confines of historical conferences and academic monographs.

The *Sonderweg* can be understood as a fragmented construction of ideas, a kind of agglomeration of similar statements and lines of argumentation, which are intended to trace and explain the thorny history of Germany in the nineteenth and twentieth centuries. Given the intricacies and evolution of this concept, it is imperative to undertake a comprehensive examination of its historical progression, emphasising its developmental stages and acknowledging the seminal contributions of scholars who have sought to interpret the pivotal junctures in German history. This approach is essential to ascertain the true essence of the *Sonderweg* concept and to determine its validity in the context of historical analysis.

Origins of the idea

The idea of perceiving the history of a state as a special path is not unique. Such an idea did not only exist in the German states in the nineteenth century. This process was the consequence of an intellectual revolution at the end of the 18th and 19th centuries when European politics began to be interpreted as an arena of rivalry between nations, among which there were 'old', already established and successful nation-states and young entities whose blossoming was yet to come. Along with the growth of national cultures, hand in hand with nascent nationalism, ideas emerged about each state's national identity, which should lead to a path of development for each. In such optics, the history of mankind was equated to a natural phenomenon

having a universal and eternal character, simply put, to the life course of man within the framework of the Christian world picture. One of the first intellectuals to express such a view was J.G. Herder; according to him, there are no 'barbarian' and 'educated' nations, each nation has its special path, predetermined by divine providence¹.

The idea of Germany's special status was directly introduced into its history by Napoleon Bonaparte, who destroyed the Holy Roman Empire of the German nation, the ancient entity that included German states. It is legitimate to consider the French Revolution as the starting point for European nationalism. During the unsuccessful campaign of the allies for the fourth anti-Napoleon coalition, the German philosopher Johann Georg Fichte began to write his *Address to the German Nation*²; by this time (1807), the rapid defeat of the anti-Napoleonic coalition was already evident. These texts, written as sermons, were a real call to the Germans to come together and release themselves from French oppression. The speeches became a written monument, laying the first stone in German nationalism and the idea of the special path of the German people.

In the text, Fichte expresses resentment towards France not just as a victorious side, but as a new state system that is already beginning to impose its model on defeated nations (e.g. Napoleon's Civil Code). Fichte questions how the Germans can defeat the invaders, and the only way he sees is to unite the Germans. The German nation, Fichte considers in a primordial optic, stating that it has always existed, but for various reasons was fragmented a long time ago. The two key tools Fichte proposes to create a German nation in its first speech are a common language and school education. It was the schools that were to serve as a tool for creating a new identity³. But the more important speech for us is the fourth one, where Fichte proves that Germany is a special civilization designed to link the social order created in ancient Europe with the true religion preserved in Asia (This means Christianity, which came to Europe from the East, but for Fichte, true religion was Protestantism, which represented the authentic Christian faith). Thus, the Germans, who have combined the spirit of Europe and Asia, are called upon to save Europe⁴.

First version of Sonderweg. Onward to a New World...

The foundation laid by Fichte allowed German intellectuals to form the first iteration of an idea about Germany's special path already in the second half of the 19th century. *Sonderweg* in its initial version was a justification of the ambitions of Germany, claiming its way in the modernization process, different from the similar

¹ Herder J.G. *Outlines of a philosophy of the history of man*. Translated by T. Churchill. New York. 1966. 673 p.

² Fichte J.G. *Address to the German Nation* / translated by R.F. Jones and G.H. Turnbull. London. 1922. 269 p.

³ Ibid. P. 15.

⁴ Ibid. P. 52-55.

path of more economically developed countries – Great Britain and France⁵. If we confine ourselves to the process of modernization that has been actively underway in Germany since the second half of the 19th century, we can distinguish several features of Germany from those of the pioneers of modernization and the industrial revolution – the UK and France.

Germany later became a united country, and the failure of the bourgeois revolution of 1848 somewhat slowed not only the political unification of German states but also strained their economic interaction due to customs duties⁶. While the other modernization rivalries developed, Germany lagged. As a result, when Germany became a united state in 1871, Bismarck had to launch the process of modernization from above with 'Blood and Iron' (*Blut und Eisen*). This situation led to the development of processes in different spheres as an organic outcome, as we can see by the end of the 19th century, insufficient synchronisation of economic, political and social spheres that were undergoing modernization at different speeds⁷. German capitalism had made some progress, while the political sphere has been developing more slowly: a full-fledged parliamentarism, comparable to that of France and Great Britain, had not yet emerged. Germany continued to be an authoritarian nation with a strong monarch at its helm. This situation did not meet the public's demands, especially among the rapidly growing working class. As a result, Bismarck had to be the first in Europe to implement the social state model to curb the anger of the masses of people who did not have adequate political representation.

This perspective on Germany is prevalent in the works of numerous historians, with some aspects being concurred upon and others giving rise to vigorous debate. However, when it comes to the subject of modernization and its characteristics, there is a paucity of studies conducted on the German case. Many researchers examining the various aspects of modernization have focused primarily on the UK (and occasionally on France) to explain their success. The reasons proposed for Britain's success over other countries are diverse: Barrington Moore⁸ stressed the importance of constructive interaction between individual social groups, which helped balance political power, Martin Lipset⁹ – democratisation and the willingness of elites to compromise, Robert Allen's economic explanation¹⁰, where high wages and efficient

⁵ Kocka J. German History before Hitler: The Debate about the German Sonderweg // Journal of Contemporary History. 1988. Vol. 23 (1). P. 3.

⁶ This is the origin of Helmut Pleisner's metaphor for a belated nation (*verspätete Nation*).

⁷ Eley G, Blackbourn D. The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-century Germany. Oxford. 1986. P. 7.

⁸ Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston. 1966. 547 p. German modernization was described by Moore as authoritarian, where elites rallied under the rule of the state to create a popular mass and periodically create an illusion of successful modernization.

⁹ Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. New York. 1960. 432 p.

¹⁰ Allen R. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge. 2014. 331 p.

investment for inventors are the cornerstones, Jack Goldstone¹¹ pointed to English law as an important component of modernization (the list goes on). In the mentioned papers, scholars didn't pay much attention to the German case, commonly, they stressed that Germany deviated from the 'right way' of modernization. One of the few researchers who paid considerable attention to German modernization and who characterised it not as unique or deviated was American sociologist Randall Collins¹².

As the pillars of German modernization, he identified: an efficient German bureaucracy, functioning according to meritocratic principles, as well as secularisation and education, which together contributed to the formation of secular autonomous education (school and especially university)¹³. Collins does not deny the fact that there was some lag in the leading capitalists in this period, but it was not as significant as is sometimes claimed¹⁴. In some areas, Germany has been more successful (creation of the social state), in others, Germany has lagged slightly behind (building democratic institutions). That is, in the optics of modernization theory, we cannot find anything out of the ordinary that would allow us to talk about a special path. Germany was moving in the same direction of modernization as other states, and Germans made impressive strides in areas where their neighbours were less respected.

World War I was a natural outcome of the rivalry among European states; now it is pointless to try to explain its causes. In the context of our conversation, more important is the influence of *Sonderweg* in interwar Germany. It is worth saying that during this period, the concept itself did not undergo major changes, and the narrative was only reinforced by a more emotional perception of reality. The participation of a large part of the population in the war became a melting pot for the nation, intensifying nationalist sentiments in society.

The German interwar historiography was largely conservative, full of revanchism and nationalism¹⁵. Historians found it difficult to detach themselves from the context of time; they, like a significant part of society, took an anti-republican stance towards the Weimar Republic. It was at this time that one of the important components of *Sonderweg's* theory blossomed – the Germans' rejection of liberal democracy and their distinct perception of freedom from Anglo-Saxon understanding.

This idea was born after the failure of the 1848 revolution, when liberal revolutionaries failed to unite Germany and obtained only minor concessions from the monarchs. The unification and modernization carried out by Bismarck 'with blood and iron' also did not contribute to the emergence of a robust liberal

¹¹ Goldstone J. *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500-1850*. New York. 2009. 192 p.

¹² Collins R. *Macrohistory: essays in sociology of the long run*. Stanford. 1999. 328 p.

¹³ Ibid. P. 167-168.

¹⁴ Ibid. P. 170-171.

¹⁵ Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб. ст.] / под ред. Э.А. Паина. М. 2010. С. 31.

party in Germany: The National Liberal Party, like its successors during the republic (*DVP* and *DDP*), did not enjoy broad voter support. Parliamentarism also developed at a slow pace, which gave reason to speak of the special path of Germany in modernization, where it can avoid the Western causal chain “bourgeoisie-liberalism-parliamentarism-democracy”. It was in the interwar period that Thomas Mann suggested that, unlike Western democracies, a bureaucratic police state is best for Germans¹⁶. The German national idea was formed ‘by contradiction’ – from its opposition to other states of Europe, especially the ‘old nations’ in the face of England and France. The propaganda of World War I and the subsequent sense of resentment only reinforced that feeling.

Everything related to the Treaty of Versailles was perceived as forced by the West, including the Weimar Republic. Young German democracy in public perception became another weapon of the Allies, forcibly imposed on Germany to further weaken and humiliate it. German historians of this period, such as Fritz Kern, Otto Becker, Gerhard Ritter and Helmut Göring, have both in their works and publicly defended a position that was unsuitable for a parliamentary democracy specific to Germany¹⁷.

Like many other arguments for *Sonderweg*, the ideas about the exceptional undemocratic nature of the Germans were repeatedly revised. British historian Geoff Eley has convincingly proved that the bourgeois revolution can succeed in a different way from the liberal one and consequently misjudge the German path as exceptional. Eley also tried to debunk the myths about the ‘feudalisation’ of the German bourgeoisie, which could not become independent and borrowed much from pre-industrial elites’ traditions. Eley proved that the German bourgeoisie was quite independent, and its reluctance to develop democratic institutions was a conscious choice, combined with the similar intention of the old elites¹⁸.

The bourgeoisie realised that rapid democratization would lead to the power of the left forces, which was unprofitable for both sides of the elites. The better solution for both forces was to combine their efforts in modernization¹⁹. It is from this compromise that the German social state emerged as a concession to the proletariat. From the same compromise came German authoritarianism, with a strong monarch figure and semi-constitutional order, which was merely a consequence of the political and social realms. Thus, it is not to be expected that a strong and popular liberal party could save interbellum Germany from the radicals.

The Weimar Republic of the 1920s was a great experiment for Germany, which had tried to adapt its social and political order in various ways on German soil, but it was not destined to live a long life. Historians have crossed swords, trying

¹⁶ Идеология «особого пути» в России и Германии... С. 20.

¹⁷ Там же. С. 35-36, 104-105.; Ritter G. Ein Politischer Historiker in Seinen Briefen. Reichardt. 1984. P. 220; Kern Fr. Beckerath von H. Autarkie oder internationale Zusammenarbeit? Berlin. 1932. P. 22.

¹⁸ Eley G, Blackbourn D. The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-century Germany. Oxford. 1986. P. 146, 155.

¹⁹ Ibid. P. 154.

to understand the intricacies of the fall of the republic and find the very point of no return of the young and imperfect German democracy. But the core of these debates boiled down to just one sacramental question: *Was Hitler inevitable?*

Second version of Sonderweg. Why the Germans?

After the Third Reich's defeat, the *Stunde Null* of German history in 1945 began the second iteration of *Sonderweg*, but now its connotation has changed to the opposite. Historians now analyse the German 'specialness' as backwardness and have tried to identify the factors that led to the stalemate of 1945, which erased the country's history. As early as 1946, a group of German historians gathered in Cologne, whose theme was the call of Peter Rassow "to return to the bosom of European history"²⁰. The embodiment of this return was West Germany, which finally completed a special path, choosing the road of integration into the Western world and recognising the values of liberalism and democracy. The Federal Republic of Germany became the consequence of reflection under Germany's imperial and dictatorial past. To further this idea, the existence of the German Democratic Republic is seen as the last breath of a special German path, which ended with its defeat after decades of confrontation. The special path was finally completed with the entry of the GDR into West Germany, which had previously renounced any particular status and became part of the Western world.

Among the most prominent representatives of historical science, studying *Sonderweg*, were representatives of the Bielefeld School: Hans-Ulrich Wehler, Heinrich Winkler, and Jürgen Kocka. They analysed Germany's history for important differences from other Western states, using quantitative methods of political science and sociology. One of the innovations used by some of the Bielefeld school representatives was to replace the term, they started using *Eigenweg* – 'own path'. This notion has become a kind of obligatory token, showing that the concept of *Sonderweg* is not understood in a pre-war nationalistic sense.

In this respect, they opposed another group of historians emerged in the 1980s, 'Historian's dispute' (*Historikerstreit*). This widely discussed dispute in society was primarily concerned with the interpretation of the Holocaust and its place in German history. Sparked by Ernst Nolte's 1986 article²¹ suggesting that Nazi crimes were a reaction to Bolshevik violence, the dispute centred on whether the Holocaust was a unique event or comparable to other atrocities. On one side, conservative historians like Nolte, Andreas Hillgruber, Rainer Zitelmann, Michael Stürmer and Hagen Schulze argued for a relativizing perspective, framing Nazi actions as part of a broader context of 20th-century totalitarian violence, including Stalinist purges. They sought to 'normalise' German history by emphasising comparative genocides. On the other side, left-leaning historians in the face of the Bielefeld school and Jürgen Habermas, fiercely opposed

²⁰ Идеология «особого пути» в России и Германии... С. 17.

²¹ Nolte E. Die Vergangenheit, die nicht vergehen will // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1986. June 6.

this view, asserting the Holocaust's singularity due to its systematic, industrialised extermination of Jews. Arguing about the Holocaust they claimed that relativizing Nazi crimes risked diminishing German responsibility and trivializing the Holocaust's moral weight. The debate, unfolding in academic journals and newspapers, reflected deeper questions about German identity, collective guilt, and historical memory in the post-war era, shaping discussions on how to confront the Nazi past.

These public debates motivated Bielefeld historians to construct the complete logic of German history, which led to the catastrophe. The pivotal point of Bielefeld's historians was the rise to power of the National Socialists: was it determined or was it a consequence of a succession of circumstances?²² Historians pointed to many features that made Germany 'special' in comparison with Western democracies, but even then they have questioned the validity of the British experience as an average and an example for other states. Some of these attributes (the feudalisation of the bourgeoisie, anti-democratic and anti-liberal political culture in Germany, the desire for authoritarian rule, and the special path of German modernization) have already been analysed. It is now worth highlighting a phenomenon that is no less important for German history: German bureaucracy.

Germany was one of the first countries in Europe to develop a complex and reliable bureaucratic system based on meritocracy. The most suitable professionals with a relevant university education occupied important public posts. This situation, in turn, was made possible by the decentralised and secular university education system that existed in Germany since the end of the 18th century. As one of the elements of Germany's success in modernization, the German bureaucracy was able to establish its traditions and occupy a special place in the German political system. Its main concept was apolitical, which meant that bureaucrats would carry out their duties in any government. On the one hand, this made it effective, and on the other hand, it also helped the National Socialists because they found good allies in the bureaucracy to build their state²³. Kocka, in his research, along with bureaucracy, defined the fact of the later creation of the state as the special feature of Germany in comparison with other countries. The construction of a state 'from above' led to distortions in class conflict and problems in creating parliamentarism. These two factors, according to Kocka, have created the conditions for the success of a totalitarian state in Germany, however, the author did not consider Hitler's rise to power as deterministic²⁴.

²² *Kocka J.* German History before Hitler: The Debate about the German Sonderweg // *Journal of Contemporary History*. 1988. Vol. 23 (1). P. 4.

²³ *Ibid.* P. 13.; *Wehler H.-U.* «Deutscher Sonderweg» oder allgemeine Probleme des westlichen Kapitalismus? Zur Kritik einigen «Mythen deutscher Geschitsschreibung» // *Merkur*. 1981. Bd. 35. Heft 396. P. 478–487.

²⁴ *Kocka J.* *Op. cit.* P. 12-13.

Kocka's colleague Hans-Ulrich Wehler claimed that Germany's road to catastrophe began in the 1860s and 70s, when economic modernization took place, but political modernization did not end to its full extent so that among other things, the old Prussian rural elite remained quite influential in controlling the army, diplomacy and the civil service. Wehler's argument posits that reactionary traditionalism wielded considerable influence over the political hierarchy of power in Germany, as well as the prevailing social mentalities and class relations. This obstacle, in turn, contributed to the ascendance of a charismatic figure such as Hitler. Wehler's interpretation of the period spanning from World War I to the end of World War II emphasises the notion of delayed modernization as a pivotal factor in shaping this historical juncture.

Nevertheless, Bielefeld historians did not give a definitive answer to the central question about Hitler, but rather they were sympathetic that Germany's complicated history had led to a critical view of German history in terms of the idea of a special path. Several features of Germany played a role in the establishment of the Nazi dictatorship, but the importance of these factors should be carefully assessed. Kocka, for example, explains through the *Sonderweg* the weakness of the German system in the face of a totalitarian threat²⁵. The German experience was not entirely accidental, but rather the result of a combination of preconditions and conditions that had already been established.

Therefore, the establishment of the Nazi dictatorship cannot be considered as predetermined from the very beginning and reduce all German history to it alone. This assertion was also shared by Randall Collins, who refused to consider the Holocaust in a deterministic way and calls Adolf Hitler's rise to power a coincidence, a rambling German modernization²⁶. As I have shown repeatedly before, each of the features can be subjected to constructive criticism that is capable of questioning all of them.

Sonderweg of the third version: Back to the beginning?

Post-war historiography has seen a proliferation of debates surrounding Germany's history. The Bielefeld school has been subject to criticism from British historians Richard Evans, Geoff Eley and David Blackbourn since the 1980s²⁷. In their attempts to discredit certain indications of a distinct trajectory, the British have sought to examine German history from a different perspective, focusing on the role of the working class and the everyday lives of ordinary people to gain a more nuanced understanding of the phenomenon of self-mobilisation in German society. The response to this revisionist

²⁵ Kocka J. Op. cit. P. 13.

²⁶ Collins R. Macrohistory: essays in sociology of the long run. Stanford. 1999. P. 174-175.

²⁷ It is interesting that British historians were equally active in criticizing the conservative historians who followed Nolte's ideas. These disputes became particularly acute after the translation into a German essays written by Eley and Blackbourn: *Blackbourn D.; Eley G. Mythen deutscher Geschichtsschreibung: Die gescheiterte bürgerliche Revolution von 1848*. Frankfurt. 1980. 139 p.

criticism, which questioned the specificity of the Germany's development, was a series of articles from German historians. Two of them written by Kocka and Wehler were translated into Russian in the book *A Special Path: From Ideology to Method*²⁸.

The heated debate about *Sonderweg* within the framework of German comparative historiography by the end of the 20th century led to the emergence of a third approach, which assumed a plurality of historical trajectories of states. The new approach, among whose apologists we can highlight are Thomas Nipperdey and Hans Bödeker. The latest iteration of the theory of a special path implies departing from the established paradigm of 'normal' development of states, destroying the established normative positions like West-East, Progress-Regress, Modernism-Archaic, Coincidence-Destiny, and rejecting the idea of a common norm for the development of states in world history. Each special path of each state is now considered special in its own way, and accepts the comparative-historical method, but only equates its subjects in status. Here we are returning to Herder's idea about the special path of each state in history, determined by divine providence.

If we think about it, *Sonderweg* has never been a complete theory and was built on a lot of assumptions and sometimes myths, it contained only one core idea about the unique way of German history development. Previous approaches were not radically different, the former extolled Germany's successful path to modernity through special institutions and traditions, and the post-war approach only replaced modality with negative, trying to explain why modernization was overdue, trying to overcome the one that Germany fell into the arms of the Nazi dictatorship, the *Sonderweg* idea fell on an attempt to explain the German catastrophe through the undesirable development of German society. It is the fact of moving 'differently' than other European states, expressed in a contradiction between economic modernization and social-political backwardness, according to the thought of representatives of the Bielefeld School, led Germany to Nazism²⁹. The *Sonderweg* is equally a fundamental political and moral conviction of its supporters and closely related to their view on German history and its reinterpretation. And as we can see in the *Historikerstreit*, the attitude to the *Sonderweg* idea is immensely dependent on the author's political position. The public dispute exposed the trauma of German society, which for decades preferred not to think about its painful past. These arguments show that the object of study for historians who should be in the past is still not there. In the late 1980s, for Germany, events from half a century ago were still an unaccomplished time and maybe remain that. For this reason, the arguments in defence of the idea cannot simply be refuted by empirical arguments.

²⁸ Кока Ю. По окончании особого пути: к вопросу о состоятельности идеи // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. 2018. С. 277–296.; Веллер Х.-У. «Особый путь Германии» или общие проблемы западного капитализма? К вопросу о критике некоторых «мифов немецкой историографии» // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. 2018. С. 343–358.

²⁹ Дубина В. «Особый путь» теории *Sonderweg* в интерпретации национальной истории // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. 2018. С. 466.

By adopting such a deterministic view, the historian condemns himself to involuntary theologism – a particular way of making the connection of the historical process based on its outcome, while interpreting the historical process solely according to what it ended is a bad approach. By applying this approach, we narrow the scope of our research, deprive events of their diversity and multiplicity, and fall into the trap of a deterministic view. German history should not become a framework for interpreting only the Third Reich and the Holocaust, as well as other national histories. Furthermore, in the framework of a special path, we need to analyse the history of nation-states, which in research optics becomes autonomous for an inside analysis. In world history, no nation-state operates autonomously without coming under the influence of the states, consequently, such studies cannot ignore the impact of other states.

Historians in such a situation can resort to a 'Global history' macro-historical comparativist approach, comparing large historical processes at a long distance, as Jürgen Osterhammel⁵⁰ whose fundamental book has recently been translated into Russian, devoted to the Europe's 19th century; or alternatively turn to microlevel, exploring particular events, limited in time period.

The enhanced case study method has been demonstrated to facilitate researchers in the examination of complex historical phenomena with greater flexibility. This approach offers researchers a more extensive range of tools and expands the scope of their research⁵¹. Furthermore, it assists researchers in clearly defining their subject of study, reflecting their own identity without the imposition of predetermined norms. Consequently, it has been shown to aid in the avoidance of historicism in the narrative.

Conclusion

The *Sonderweg* concept, spanning 150 years of historiographical debate, remains a dynamic and contested lens for interpreting German history. From its origins in 19th-century nationalism, where it celebrated Germany's unique path to modernity, to its post-1945 redefinition as a critique of historical missteps culminating in the Nazi catastrophe, *Sonderweg* has evolved significantly. The *Historikerstreit* underscored its political and moral weight, revealing how interpretations of Germany's past, particularly the Holocaust's singularity, reflected deeper societal traumas and ideological divides. The Bielefeld School's emphasis on structural factors, contrasted with critics from British historians like Blackbourn and Eley who challenged deterministic narratives, highlights the concept's complexity. The third iteration,

⁵⁰ *Остерхаммель Ю.* Преображение мира. История XIX столетия: обзорный труд. М. 2024. Т. 1: Общества в пространстве и времени. 652 с.; Т. 2: Формы господства. 572 с.; Т. 3: Материальность и культура. 679 с. Such an approach was also used in his earlier papers as: *Osterhammel J., Peterson N.P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München. 2003. 128 s.; *Osterhammel J., Conrad S.* Einleitung Das Kaiserreich transnational Deutschland in der Welt 1871- 1914. Göttingen. 2004. 327 s.

⁵¹ *Дубина В.* «Особый путь» теории *Sonderweg* в интерпретации национальной истории // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М. 2018. С. 473.

embracing plural historical trajectories, returns to Herder's vision of diverse national paths, urging a comparative yet non-normative approach. While *Sonderweg* may never coalesce into a unified theory, its enduring value lies in its ability to provoke critical reflection on German identity, modernization, and responsibility. By integrating global and micro-historical perspectives, future scholarship can leverage *Sonderweg* judiciously, ensuring it remains a vital tool for understanding Germany's past without succumbing to deterministic traps. It can be posited that this concept will not be entirely consigned to history. It is submitted that the *Sonderweg* concept serves as a convenient tool for interpreting German history and can serve as an effective starting point for numerous discussions concerning both past and current events. It is to be hoped that scholars will utilise it judiciously, drawing on the 150 years of experience of their predecessors in the field.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Веллер Х.-У. «Особый путь Германии» или общие проблемы западного капитализма? К вопросу о критике некоторых «мифов немецкой историографии» / Х.-У. Веллер // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. – М.: НЛО, 2018. – С. 343–358.
2. Дубина В. «Особый путь» теории *Sonderweg* в интерпретации национальной истории / В. Дубина // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. – М.: НЛО, 2018. – С. 459–478.
3. Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб. ст.] / Kennan Institute; под ред. Э.А. Паина. – М.: Три квадрата, 2010. – 320 с.
4. Кока Ю. По окончании особого пути: к вопросу о состоятельности идеи / Ю. Кока // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. – М.: НЛО, 2018. – С. 277–296.
5. Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия: обзорный труд / Ю. Остерхаммель; пер. с нем. А. Ананьевой, К. Левинсона, Д. Сдвижкова. – М.: НЛО, 2024. – Т. 1: Общества в пространстве и времени. – 652 с.
6. Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия: обзорный труд / Ю. Остерхаммель; пер. с нем. А. Ананьевой, К. Левинсона, Д. Сдвижкова. – М.: НЛО, 2024. – Т. 2: Формы господства. – 572 с.
7. Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия: обзорный труд / Ю. Остерхаммель; пер. с нем. А. Ананьевой, К. Левинсона, Д. Сдвижкова. – М.: НЛО, 2024. – Т. 3: Материальность и культура. – 679 с.
8. Allen R. *The British Industrial Revolution in Global Perspective* / R. Allen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 331 p.

9. *Blackbourn D.; Eley G.* Mythen deutscher Geschichtsschreibung: Die gescheiterte bürgerliche Revolution von 1848 / D. Blackbourn, G. Eley. – Frankfurt: Ullstein, 1980. – 139 p.
10. *Collins R.* Macrohistory: essays in sociology of the long run / R. Collins. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 328 p.
11. *Eley G., Blackbourn D.* The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-century Germany / G. Eley, D. Blackbourn. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 308 p.
12. *Fichte J.G.* Address to the German Nation / J.G. Fichte; translated by R.F. Jones and G.H. Turnbull. – London: The Open Court Publishing company, 1922. – 269 p.
13. *Goldstone J.* Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850 / J. Goldstone. – New York: McGraw-Hill Education, 2009. – 192 p.
14. *Herder J.G.* Outlines of a philosophy of the history of man / J.G. Herder; translated by T. Churchill. – New York: Bergman Publishers, 1966. – 673 p.
15. *Kern Fr., Beckerath von H.* Autarkie oder internationale Zusammenarbeit? / Fr. Kern, H. von Beckerath. – Berlin, 1932. – 54 s.
16. *Kocka J.* German History before Hitler: The Debate about the German Sonderweg / J. Kocka // *Journal of Contemporary History*. – 1988. – Vol. 23 (1). – P. 3–16.
17. *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics / S.M. Lipset. – New York: Doubleday, 1960. – 432 p.
18. *Moore B.Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World / B.Jr. Moore. – Boston: Beacon press, 1966. – 547 p.
19. *Nolte E.* Die Vergangenheit, die nicht vergehen will / E. Nolte // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 1986. – June 6.
20. *Osterhammel J., Conrad S.* Einleitung Das Kaiserreich transnational Deutschland in der Welt 1871–1914 / J. Osterhammel, S. Conrad. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. – 327 s.
21. *Osterhammel J., Peterson N.P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen / J. Osterhammel, N.P. Peterson. – München: Beck, 2003. 128 s.
22. *Ritter G.* Ein Politischer Historiker in Seinen Briefen / G. Ritter. – Reichardt: Boldt, 1984. – 848 s.
23. *Wehler H.-U.* „Deutscher Sonderweg“ oder allgemeine Probleme des westlichen Kapitalismus? Zur Kritik einigen «Mythen deutscher Geschitsschreibung» / H.-U. Wehler // *Merkur*. – 1981. – 35. Heft 396. – P. 478–487.

УДК 930:791.1(47)

ОБРАЗ ВНЕШНЕГО ВРАГА В СОВЕТСКИХ АГИТАЦИОННЫХ ФИЛЬМАХ 1930-х гг.

А.Т. Арсенидзе

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа внешнего врага в советских агитационных фильмах 1930-х гг. в контексте государственной идеологической политики. В работе подчеркивается растущая роль кинематографа как главного инструмента агитации и мобилизации масс для защиты Родины в случае «большой войны». На примере кинокартин 1930-х гг. о будущей войне с фашизмом рассмотрен транслируемый зрителю образ возможного противника, который должен был стать основой представлений о враге, его идеях и военной мощи. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что «оборонные фильмы» 1930-х гг. формировали образ внешнего врага как опасного, но в итоге слабого противника, противопоставляя его образу советского человека, морально и технически готового к будущей войне.

Ключевые слова: советская пропаганда, советский кинематограф 1930-х гг., образ врага, киноискусство, общественное сознание

Поступила в редакцию: 29 ноября 2024 г.

Принята к публикации: 27 июля 2025 г.

THE IMAGE OF THE EXTERNAL ENEMY IN SOVIET PROPAGANDA FILMS OF THE 1930s

*A.T. Arsenidze
Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of the image of the external enemy in Soviet propaganda films of the 1930s in the context of state ideological policy. The work emphasizes the growing role of cinema as the main tool of agitation and mobilization of the masses for the defense of the Motherland in the event of a «big war.» Using the example of films from the 1930s about the future war against fascism, the article examines the image of the possible enemy that was presented to the audience, which was supposed to become the basis for understanding the enemy, their ideas, and their military power. Based on the research conducted, it is concluded that the «defense films» of the 1930s created an image of the external enemy as a dangerous but weak adversary, contrasting it with the image of the Soviet man, who was morally and technically prepared for the upcoming war.

Keywords: soviet propaganda, soviet cinema of the 1930s., the image of the enemy, cinematography, public consciousness

Received: 29 November 2024

Accepted: 27 July 2025

Кино играет важную роль в формировании общественного сознания. Средствами художественной выразительности кинематограф способен конструировать комплексные образы, которые впоследствии закладываются зрителю, оказывая огромное влияние на формирование его представлений об окружающей реальности. Одним из стереотипных образов, формируемых кинематографом, является представление о враге.

На протяжении многих лет проблема формирования образа врага в кино интересует исследователей разных гуманитарных наук и имеет междисциплинарную направленность. Историческая наука чаще всего рассматривает данный образ с точки зрения его использования для манипуляции сознанием зрителя. В контексте советской агитации

и пропаганды не меньший интерес среди историков вызывает кинематограф 1930-х гг., в котором оказались визуализированы важные политико-идеологические процессы эпохи, формировавшие у зрителя ряд представлений о существующей реальности. Таким образом, историография данной темы очень обширна и включает в себя, как исторические, так и искусствоведческие труды. Например, работами И.В. Беленького¹, Н.А. Лебедева², Н.М. Иезуитова³.

К общим трудам, посвященным истории отечественного кинематографа, относятся работы Н.А. Лебедева, где он рассмотрел контекст эпохи, в условиях которой становился и развивался кинематограф, и сделал вывод, что в 1920–1930-х гг. в кинокартины были заложены идеи борьбы против любых контрреволюционных проявлений в искусстве⁴.

Работы историков дополняет источниковедческий ракурс исследований. В контексте данной статьи интерес представляет работа И.В. Беленького, где в совокупности рассматривается мировой кинематограф. Автор отводит несколько глав на описание состояния кино в СССР в 1920–1930-е гг. Он акцентирует внимание на постоянном усилении его идеологической и пропагандистской направленности. И.В. Беленький отмечает, что количество развлекательных картин к концу 1930-х гг. с каждым годом сокращалось все сильнее, их вытеснял историко-революционный жанр⁵. В свою очередь киновед Н.М. Зоркая, повествуя об эпохе в целом, концентрируется на создании определенных фильмов, через которые раскрывается контекст периода. В данном случае важны ее комментарии о фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», где автор подчеркивает главный смысл создания этой картины – «демонстрация силы русского оружия в преддверии возможной войны»⁶.

Непосредственно образ политического противника Советского Союза в кинематографе и культуре в целом рассматривается в ряде работ. Важным представляется труд А.Г. Колесниковой об образе врага в советском детективно-приключенческом кино периода холодной войны, в котором сделан немаловажный акцент на роли исторической памяти в формировании экранных образов врагов⁷. Подобная проблематика, затрагивающая период 1920–1930-х гг., представлена некоторыми статьями. Так, И.Л. Казакова в работе о конструировании фигур политического дискурса в кинематографе 1920-х гг. приходит к выводу, что основным мотивом того периода становилась демонстрация советскому человеку образа новой жизни в противовес ушедшей дореволюционной эпохе, формируется образ «нового человека»⁸.

¹ Беленький И.В. История кино: киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М. 2019. С. 142.

² Лебедев Н.А. Ленин, Сталин, партия о кино. М.; Л., 1938. С. 37.

³ Иезуитов Н.М. Пути художественного фильма. 1919–1934. М. 1934. С. 146-151.

⁴ Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. М. 1947. Т. 1: Немое кино. С. 38.

⁵ Беленький И.В. История кино: киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М. 2019. С. 149.

⁶ Зоркая Н.М. История отечественного кино. М. 2014. С. 224.

⁷ Колесникова А.Г. «Бой после победы»: образ врага в советском игровом кино периода холодной войны. М. 2015. С. 143.

⁸ Казакова И.Л. Конструирование фигур политического дискурса в советском кинематографе

Наиболее полно тему образа внешнего врага раскрывают работы В.Э. Багдасаряна, А.В. Козырьянова и А.А. Черниловского. В.Э. Багдасарян рассматривает образ на примере исторических картин 1930–1940-х гг. где, например, поддерживает тезис Н.М. Зоркой о намеренной демонстрации силы русского оружия в фильме «Александр Невский», а также подчеркивает, что основной акцент он делает именно на военной угрозе с запада⁹. В свою очередь А.А. Черниловский, проводя анализ «оборонных» картин, приходит к выводу, что кинематограф того периода формировал у зрителя представления о противнике как о слабом враге, постоянно противопоставляя его силе советского человека¹⁰. А.В. Козырьянов же отмечает общее распространение военной тематики в советском кинематографе конца 1930-х гг., которая проникала даже в невоенные фильмы, из-за чего и в них часто появлялись отсылки к будущей войне и вырисовывался образ внешнего врага¹¹.

Однако образ политических и военных противников Советского Союза в кинематографе 1930-х гг. изучен недостаточно. В работах подробно не рассматриваются такие аспекты, как внешний вид врага, его реакция на успехи и поражения, а также мотивы действий.

Формирование определенных стереотипных образов в советском кино начинается с приходом к власти большевиков, которые смогли разглядеть специфику кино как вида искусства и начать использовать его в целях массовой пропаганды своих идей. Так, еще в начале 1920-х гг. в беседе с А.В. Луначарским В.И. Ленин произносит знаменитую фразу: «... из всех искусств для нас важнейшим является кино»¹². В последующие годы советская кинематография стала отражать сюжеты, разъясняющие населению внутри- и внешнеполитический курс страны.

Важной вехой в истории советского кино становится проведение 15–21 марта 1928 г. I Всесоюзного партийного совещания по кинематографии. Наиболее значимыми результатами этого совещания для кинопромышленности стали переход к плановому и централизованному производству как самих картин, так и техники для их создания, и определение ряда новых общественно-политических задач кинематографа, в частности кино должно было отражать реальность нового устоявшегося государства.

1920-х гг. // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 3 (32). С. 88.

⁹ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 37.

¹⁰ Черниловский А.А. Советские художественные фильмы 1920–1930-х годов о будущей войне с фашизмом и японским милитаризмом // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1. С. 67.

¹¹ Козырьянов А.В. Оборонная тематика в советских кинокартинах и мультипликации 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 77.

¹² Луначарский А.В. Беседа с В.И. Лениным о кино // Луначарский о кино: Статьи. Высказывания. Сценарии. Документы. М. 1965. С. 40–41.

Также на совещании впервые выдвинули требование о создании картин, отражающих обороноспособность страны¹³. В 1935 г. на тот момент начальник Главного управления кинопромышленности Б.З. Шумяцкий призвал создавать «героическое, проникнутое глубоким оптимизмом и глубокой идейностью произведение, создать образы, которые могут вести зрителя за собой, которые могут указывать этому зрителю путь, – это значит создать произведение социалистического реализма, произведение, активно переделывающее мир», особенно подчеркивая, что «героика – основной и решающий признак такого произведения»¹⁴.

Таким образом, I Всесоюзное партийное совещание положило начало становлению жанра социалистического реализма в кинематографе, который окончательно утвердился во всей советской культуре в 1930-х гг. Важно учитывать, что утвердившийся в стране соцреализм, изображающий идеального и безупречного советского человека (строителя коммунизма), всегда положительного героя, требовал создавать в противовес ему образ врага, который наделялся бы всеми противоположными качествами, что формировало бы у зрителя представления о правильных и неправильных поступках.

Непосредственное влияние на репрезентацию образа врага в кино и на культурную политику СССР оказало общее обострение международной обстановки в 1930-е гг. В этот период угрозой для страны составляла Германия, где в 1933 г. у власти оказались нацисты, объявившие о необходимости пересмотра итогов Первой мировой войны и, к тому же, являвшиеся ярыми врагами коммунизма¹⁵. Как пишет В.Н. Богданов, «антикоммунизм являлся одной из основ национал-социалистической идеологии, объявившей себя единственной силой, способной противостоять коммунизму»¹⁶. А в 1936 г. антикоминтерновский пакт с Германией подписала Япония, что, по сути, означало создание военного блока против СССР. Поэтому далее, до самого начала Великой Отечественной войны, в советском киноискусстве наблюдается тенденция к появлению и распространению фильмов, направленных на подготовку населения к возможной войне.

Кинематограф формировал представления о противнике, пользуясь определенными жанрами. Популярными были шпионские картины, исторические киноленты, также появился новый жанр пропагандистского кино – так называемые «оборонные» фильмы¹⁷. Особенность последних заключалась

¹³ Пути кино. Первое всесоюзное партийное совещание по кинематографии / под ред. Б.С. Ольхового. М. 1929. С. 443.

¹⁴ Шумяцкий Б.З. Советская кинематография сегодня и завтра: Доклад и заключительное слово на 7-м Всесоюзном производственно-тематическом совещании, 13 и 15 декабря 1935 года. М. 1936. С. 85.

¹⁵ Козырьянов А.В. Оборонная тематика в советских кинокартинах и мультипликации 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2(52). С. 72.

¹⁶ Богданов В.Н. Цели Германии в войне против СССР // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 3. С. 117.

¹⁷ Козырьянов А.В. Оборонная тематика в советских кинокартинах и мультипликации 1930-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 74.

в том, что они представляют собой предсказание грядущей войны: в основу их сюжета были положены боевые действия, происходящие в настоящем или недалеком будущем, герои этих фильмов – военные, Красная армия, сражающаяся с внешним врагом¹⁸.

Появление на экранах подобных картин начинается с выхода в 1936 г. фильма Александра Мачерета «Родина зовет» (первое название – «Лицо героя»), впервые описавшего сценарий будущей войны. Стоит отметить, что уже на этапе создания руководство «Мосфильма» возлагало на него большие надежды, но, скорее, не как на произведение искусства, а как на результат производственного процесса: перед кинофабрикой стояла задача в короткие сроки снять масштабную картину, опыт которой помог бы оценить «маневренную способность фабрики, оперативность, четкость, организованность ее работы»¹⁹. Однако, уже после выхода картины на экраны, в газете «Правда» было отмечено ее идейно-пропагандистское значение для советского зрителя и озвучена надежда, что она «послужит толчком к дальнейшей творческой работе над созданием крупных кинопроизведений на тему о великой любви советского народа к своей родине»²⁰. Фильм начинается с показа повседневности летчика-истребителя Сергея Новикова и его образцовой семьи. Поворотной становится сцена в доме культуры при авиазаводе, когда директор публично объявляет о начале войны. После этой речи все присутствующие в зале поднимаются на защиту Родины, в том числе мать, дочь и сын-пионер главного героя.

Необходимо отметить, что данная картина напрямую не называет врага, с которым в фильме сражаются советские люди. Зритель может понять, что под врагом здесь подразумевается нацистская Германия лишь по сценам воздушного боя или сценам атаки бомбардировщика, в которых на самолетах противника видна свастика²¹. Образ врага в данном фильме довольно скудно представлен видеорядом. Мы не наблюдаем ни немецких солдат, ни командования, показана только боевая техника. Из сцен воздушного боя ясно, что противник нацелен на разгром промышленного потенциала страны – это видно, например, в сюжете уничтожения советского завода немецким бомбардировщиком, который сбрасывает химические бомбы. При этом периодическая печать более многословна в конструировании образа врага. Так, статья в «Правде», описывающая сюжет фильма, несколько раз называет самого врага «фашистом», а в отношении его нападения использует эпитет «коварное», сравнивая противника с «вором»²².

¹⁸ Козырьянов А.В. Оборонная тематика в советских кинокартинах и мультипликации 1930-х гг. ... С. 74.

¹⁹ Абольник О. Лицо героя // Кино. 1935. № 41 (693). С. 3.

²⁰ Ерухимович И. Родина зовет! // Правда. 1936. № 129 (8735). С. 4.

²¹ Родина зовет (1936) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2904539364903621744> (дата обращения: 14.11.2024).

²² Ерухимович И. Родина зовет! // Правда. 1936. № 129 (8735). С. 4.

Основную информацию о враге можно выявить из диалогов персонажей. Директор авиазавода описывает врага так: «Волк сбросил овечью шкуру. Только что без объявления войны, без предупреждения, порвав, как ничтожный клочок бумаги, все свои обязательства, враг перешел нашу границу. Он пытался внезапным налетом прорваться к нам в тыл и поразить наше сердце. Он не сумел прорваться, он просчитался, его эскадрилья сметена нашими воздушными частями. Враг посягнул на нашу землю, на наш мирный труд, на революцию, на коммунизм»²³. Таким образом, из данной речи понятно, что кино изображает противника бесчестным в самой своей основе.

Фильм создает образ хотя довольно абстрактного, но однозначного «зла»: зритель может наблюдать сцену, где при бомбардировке погибает малолетний сын главного героя²⁴, что демонстрирует кровожадность и бесчеловечность намерений противника. Из-за отсутствия сцен, где была бы показана другая сторона конфликта, мотивы действий немецкой армии остаются не раскрытыми. Основной упор делается на показе обороны, защите границ, кино четко формулирует призыв к советскому зрителю – необходимо сплотиться против врага для защиты Родины и достижений революции, мобилизовав все ресурсы, – но сам враг остается мало конкретизирован.

Следующим оборонным фильмом стала картина Петра Малахова «Глубокий рейд» (другое название – «Гордые соколы») 1938 г. Картина была создана студией «Мостехфильм», специализирующейся на производстве учебных и научно-популярных фильмов, что объясняет доминирование в «Глубоком рейде» сцен воздушного боя и демонстрации советской техники над общим сюжетом и образами героев. Однако это не помешало фильму получить хвалебные рецензии в газете «Кино», где отмечалась политическая значимость фильма в связи с его выходом к двадцатилетию Красной Армии и Военно-Морского Флота²⁵, а также в «Правде», которая рекомендовала распространить его и выпустить на широкий экран²⁶. В «Глубоком рейде», как и в предыдущем фильме, в центре сюжета – воздушный бой советской и вражеской авиации. Картина начинается с показа мирной жизни городка, находящегося на западной границе Советского Союза, при этом его название не называется. Внешний враг достаточно плохо конкретизирован, первое упоминание о нем, как и прежде, мы слышим по радио из официального заявления советского правительства о начале войны²⁷. Из речи диктора можно узнать о нападении на страну неких «имперских» сил.

²³ Родина зовет (1936) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2904539364903621744> (дата обращения: 14.11.2024).

²⁴ Там же.

²⁵ Волгин В. Патриотический фильм // Кино. 1938. № 6 (840). С. 1.

²⁶ Головин З. Глубокий рейд // Правда. 1938. № 34 (7359). С. 6.

²⁷ Глубокий рейд (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11291567640822066591> (дата обращения: 15.11.2024).

Более точного определения противнику не дается, однако зритель может понять, что речь идет о нацистской Германии из последующих сцен и визуализированных образов. Такая же малоконкретная терминология звучит и в сценах обращения немцев друг к другу: они обращаются к вышестоящим командирам как «господин командор», «господин генерал», «господин фельдмайор» и т.д.²⁸

Частичная конкретизация образа врага в фильме происходит только в сценах, отражающих обстановку и отношения внутри «имперского» высшего командования, в них же характеризуется облик противника: его манеры, внешний вид. Форма, в которую в фильме одеты офицеры воздушного флота, действительно очень похожа на немецкую, однако отсылает скорее к годам Первой мировой войны и лишь несколько схожа с той, которую носили в Третьем рейхе. Это еще раз говорит о том, что, не называя противника напрямую, фильм отсылает зрителя к тому, что ожидать агрессию следует именно со стороны Германии.

Также важно отметить то, о чем говорят «имперские» офицеры. В самой первой сцене, где «командующему имперским воздушным флотом» сообщают о провале нападения на Советский Союз, так как «внезапность ударов не принесла ожидаемых результатов», он приказывает продолжать наступление и сломить Красную армию силой, не оставляя уверенности в дальнейшем успехе операции²⁹. В целом, в начале картины вражеское командование достаточно редко посещают мысли о возможности неудачи, они абсолютно уверены в своем превосходстве. Так, в следующей сцене, ожидая вылета (который по приказу командующего должен был стать внезапным для Советского Союза), офицеры эскадры спокойно проводят время за ужином, выпивкой и светскими беседами, потому для них становится неожиданной контратака Красной армии. Основные силы «имперских» войск уничтожаются, а война продолжается на территории врага.

По мере развития сюжета заметно, что успехи советской авиации с каждым разом все больше деморализуют противника. Так, один из офицеров в разговоре о необходимости защиты крупного промышленного города от атаки Красной армии прямо говорит: «Я не хочу умирать»³⁰. В этой сцене он показан полностью разочаровавшимся в «имперских» силах, потерявшим веру в успех. Тем не менее стоит заметить, что в данной картине враг не изображается однозначно слабым. Его бомбардировкам подвергается ряд пограничных городов, что создает, хотя небольшую, но все-таки панику среди населения³¹. К тому же, и во время контрнаступления советская авиация несет потери, из-за чего далее персонажи продолжают героически исполнять поставленную задачу.

²⁸ Глубокий рейд (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11291567640822066591> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Данная картина, пытаясь объяснить психологию врага, (хотя, вновь не называя конкретных причин нападения), представляет зрителю два важных образа – фанатиков, не замечающих очевидного, до последнего уверенных в удаче и рядовых исполнителей, которые по мере развития сюжета начинают разочаровываться в действиях своих командиров. Противники не вызывают страха, несмотря на внезапность их нападения и наносимые разрушения, они, скорее, предстают излишне уверенными в собственных силах и технике, но оказываются не готовыми выстоять в сражениях с Красной армией, и все попытки оказываются провальными. Последующие неудачи уничтожают врага морально: поражения заставляют его трусливо и в панике покидать свои территории. Таким образом, зрителю должно стать очевидно, что коварные планы врага рушатся о его же духовную слабость и переоценку собственных возможностей, тогда как советские войска предстают полной противоположностью – силой, которая успешно противостоит «предательскому» нападению.

По мере развития оборонного кино можно заметить тенденцию к большей конкретизации внешнего врага, с которым сталкивается Советский Союз. В следующем фильме того же года «Если завтра война...» в самом начале, где демонстрируется мирная жизнь советского города, диктор по радио упоминает о «... тревожном положении, создавшемся на границах, в результате совместной акции трех держав. Это провокационное движение фашистских агрессоров является прямой угрозой миру, прямой угрозой Советскому Союзу»³². Далее следует сцена, в которой описываются события, происходящие по другую сторону границ СССР. Здесь армия страны-противника готовится перейти границу с «великой честью», попутно озвучивая свои захватнические планы и мотивацию³³. Общение между солдатами и офицерами происходит на немецком языке и сопровождается русскими субтитрами. Таким образом, кино называет того, кто стоит во главе агрессии, – нацистскую Германию.

Необходимо обратить внимание на такой аспект, как внешний облик армии врага. Как и в предыдущем фильме, здесь видно, что советский кинематограф значительно искажает форму немецких солдат и офицеров, придавая ей уже привычный с момента Первой мировой вид. Данная картина усиливает эту тенденцию: в характерном шлеме с пикой сразу узнается солдат немецкой армии. В обмундировании также присутствуют элементы французской и английской формы. Отсылкой же к Третьему рейху может служить свастика, однако и она не имеет единообразия в своем изображении, поэтому на технике противника зритель может видеть ее финский вариант, а на обмундировании врага – искаженный, но узнаваемый немецкий в виде трискелиона³⁴.

³² Если завтра война... (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7491302630984529951> (дата обращения: 11.11.2024).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Представление армии врага как армии времен Первой мировой войны можно видеть еще и в ее непосредственных действиях – применении химического оружия. Похожая сцена была в фильме «Родина зовет», здесь этот сюжет повторяется.

В сравнении с другими оборонными картинами, фильм «Если завтра война...» достаточно уникален тем, что не привязан к какому-либо конкретному локальному сюжету, в нем нет основных действующих лиц, поэтому героем выступает единый советский народ, сражающийся против врага. Значительную часть от общего хронометража картины составляют кадры документальной хроники, на которой запечатлены учения Красной армии³⁵, руководители государства и представители разных национальностей Советского Союза, вставшие на защиту Родины. В картине можно видеть контрнаступление Красной армии единым фронтом и всеми силами, что должно вызывать чувство единства у зрителя.

Необходимо подчеркнуть, что враг этого фильма – нацистская Германия, но не немцы как таковые. Герои многократно произносят: «Смерть фашизму!», а в конце картины, когда фашисты терпят поражение, против них (высшего немецкого руководства) начинаются протесты рабочих во многих городах Германии³⁶. Тем самым кино заявляет, что грядущая война – это покушение политического и идеологического врага на социалистический строй, однако это покушение обернется крахом из-за противодействия Советского Союза, которое в свою очередь вдохновит немецкое население на сопротивление фашизму внутри страны. Один из режиссеров картины в интервью «Литературной газете» рассказывал о ее создании: «Перед нами стояла задача показать в фильме «Если завтра война...» первые 3–4 дня в нашей стране в случае попытки агрессоров нарушить нашу границу, наше мирное строительство. Что же будет тогда в нашей стране, если это случится? От пограничника, который ночью первый видит врага и дает ему отпор, до миллионов трудящихся нашей страны все встают на защиту социалистического отечества»³⁷. Текст на одном из последних кадров фильма красноречиво дополняет вышесказанное: «Первое нападение врага получило сокрушительный отпор. Так может начаться война, которая приведет к гибели капиталистический мир»³⁸.

Последующие фильмы полностью переходят от абстрактного изображения врага к конкретике. В 1939 г. на экраны выходит целый ряд как оборонных, так и других картин, в которых показаны советские солдаты, и во всех подобных фильмах враг абсолютно конкретен – им является нацистская Германия. Однако элементы завуалированности, размытости образа все же

³⁵ Мороз А. Патриотический фильм // Правда. 1938. № 38 (7363). С. 4.

³⁶ Если завтра война... (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7491302630984529951> (дата обращения: 11.11.2024).

³⁷ А.К. Если завтра война... // Литературная газета. 1938. № 7 (714). С. 5.

³⁸ Если завтра война... (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7491302630984529951> (дата обращения: 11.11.2024).

остаются, хотя в куда меньшей степени, чем было ранее. Это можно заметить на примере следующих двух картин – «Танкисты» и «Эскадрилья № 5». Несмотря на всю определенность изображенного в них противника Советского Союза, не оставляющую сомнений зрителю, кто конкретно подним подразумевается, в фильмах до сих пор используется достаточно странная терминология при обращении немецкого командования друг к другу. Так, в «Эскадрилье № 5» к командующему обращаются как «ваше превосходительство»³⁹, а в «Танкистах» Гитлера называют не иначе как «верховный правитель»⁴⁰.

Эволюция образа заметна на примере внешнего вида врага. В этих фильмах немецкая армия гораздо больше соответствует своему времени. Тем не менее главным идентификатором, который позволяет распознать во враге нацистскую Германию, становятся транслируемые идеи. Например, в фильме «Танкисты» противник характеризуется с помощью произносимой им фразы «мы, арийцы». В тех же сценах проговариваются и планы немецкого командования по «уничтожению красных»⁴¹, в них можно заметить постоянные отсылки к опыту Первой мировой войны. Командующий немецкой армией рассуждает о значимости предстоящего события, которое он «ждал двадцать лет», о длительной и тщательной его подготовке⁴². То есть, грядущая война в данном фильме представляется как логичное продолжение Первой мировой войны, а враг, в свою очередь, жаждет взять реванш за предыдущее поражение. В картине в целом даются частые отсылки на сюжеты Первой мировой войны, причем именно от лица врага. Интересны сцены: одна, где враг рассуждает о том, что красным следует вспомнить опыт генерала Самсонова, когда им придется принять неизбежное поражение; другая, когда разгромленной оказалась немецкая армия, ее командование уже само желает обратиться к трагическому опыту генерала⁴³.

Стоит отметить, что в «Танкистах» враг наиболее многогранен, проговариваются его мотивация и планы, а также советское командование отдает ему должное как противнику, понимая всю серьезность и опасность сложившейся ситуации. В отличие от других фильмов, здесь победа достается не так просто: по сюжету план нападения на СССР немцы готовили на протяжении двадцати лет, а военные тактики были проверены при нападении на другие страны⁴⁴. В связи с этим Красная армия вынуждена совершать невозможные вещи, чтобы одержать верх над врагом. Немецкая армия, терпя поражения, начинает отступать, а командование в панике готово пойти на любые меры, чтобы как-то

³⁹ Эскадрилья № 5 (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14859148132787646641> (дата обращения: 05.11.2024).

⁴⁰ Танкисты (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8036830879687966469> (дата обращения: 08.11.2024).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

остановить наступление Красной армии. Также в фильме существует сцена, развивающая идею об излишней уверенности врага в собственном превосходстве и говорящая о поражении противника даже на уровне его представлений о ведении войны. В ней Красная армия впервые отбивает атаку, и война продолжается уже на территории противника, немецкий главнокомандующий не придает этому большого значения, а на опасения руководства отвечает: «не все ли равно, где уничтожать врага»⁴⁵. Он не разделяет советскую доктрину об уничтожении врага на чужой территории, что приводит впоследствии к провалу всего плана. Таким образом, фильм вновь подчеркивает превосходство Советского Союза уже в стратегическом отношении.

Таким образом, в данном фильме решающую роль в победе Советского Союза сыграли не столько слабость и неготовность к войне со стороны немцев, сколько техническое превосходство и сила духа советских солдат. Враг показан сильным противником, вероятно, самым сильным из всех, что существуют в мире, поэтому победу можно одержать, только превзойдя его. Картина, в связи с ее выходом к двадцать первой годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота, имела большой успех и неоднократно появлялась в выпусках «Правды»⁴⁶, «Кино»⁴⁷, «Комсомольской правды»⁴⁸, «Вечерней Москвы»⁴⁹ и др. с хвалебными рецензиями.

Тем не менее главным мотивом, проходящим через все фильмы, остается представление о том, что фашизм является центральным злом, против которого необходимо бороться советским людям. Наиболее полно этот сюжет раскрывается в фильме «Эскадрилья № 5». В начальных сценах мирной жизни на примере советской авиации показана подготовка к предстоящей войне. В сцене, где один из главных героев летчик Нестеров высказывает желание жениться, его товарищ относится к этому с опаской, ссылаясь на беспокойное время⁵⁰. И эта подготовка оказывается не напрасной, ведь советской разведке становятся известны точные день и время нападения врага (здесь фильм оказывается практически пророческим – нападение происходит в один из летних дней в два часа ночи). Естественно, планы немцев по внезапному нападению и разгрому Советского Союза полностью проваливаются, и Красная армия продолжает вести боевые действия на территории врага. Вследствие падения самолета, главные герои оказываются в глубоком тылу противника, где не перестают ему сопротивляться.

⁴⁵ Танкисты (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8036830879687966469> (дата обращения: 08.11.2024).

⁴⁶ Мороз А. Танкисты // Правда. 1939. № 44 (7729). С. 6.

⁴⁷ Шепелев Б. Танкисты // Кино. 1939. № 8 (902). С. 3.

⁴⁸ Иванов Б., Рабинович А. Танкисты // Комсомольская правда. 1939. № 35 (4218). С. 4.

⁴⁹ Танкисты // Вечерняя Москва. 1939. № 35. С. 3.

⁵⁰ Эскадрилья № 5 (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14859148132787646641> (дата обращения: 05.11.2024).

Последующие сцены неоднократно подчеркивают, что врагом являются именно фашисты. Так, герои сталкиваются с немецкими коммунистами-подпольщиками, готовящими диверсии в тылу, объединяются с ними, и начинают вести совместную борьбу⁵¹. При встрече советские летчики произносят характерную речь: «Дорогие германские товарищи, наша встреча – необычайная встреча. Но она также говорит о том, что вы, пролетарии Германии, не сложили оружия в борьбе с нашим общим врагом – фашизмом»⁵². Другой важной сценой становится допрос немецкого солдата-коммуниста, на котором он, не сломившись под пытками и не выдав товарищей, был расстрелян⁵³. Здесь можно увидеть, как образу врага добавляются черты коварного тирана и фанатика, жаждущего истребления коммунизма. Таким образом, в данном случае коммунизм и фашизм выступают противоборствующими силами. Обычные немцы, какими их показывает фильм, не могут быть сторонниками армии-агрессора, поэтому, находясь на территории врага, главные герои пользуются активной поддержкой со стороны простых людей.

Фанатизм немецкого командования данная картина демонстрирует также достаточно ярко. Несмотря на полный провал операции по внезапному нападению на Советский Союз, командование не теряет надежды. Так, о слепой вере и недалекости немцев говорит сцена, где главнокомандующий полностью игнорирует подозрения своего подчиненного в том, что прибывшие в штаб офицеры не являются теми, за кого себя выдают (фактически это переодетые советские летчики)⁵⁴. В итоге это заблуждение главнокомандующего приводит к тому, что главные герои совершают диверсию практически в самом сердце немецкой армии, а сами возвращаются на Родину.

Таким образом, в фильмах «Танкисты» и «Эскадрилья № 5» враг приобретает новые черты. Теперь его мотивы, представления о ведении войны, действия раскрываются полнее. Конкретизация персонажей добавила образу врага отрицательных черт, которые противоречат представлениям о справедливости и гуманности. Тем не менее враг не выглядит ужасающим, так как все его действия, в сравнении с решениями, которые принимает Красная армия, достаточно просты, плохо рассчитаны, а иногда и глупы, что хорошо видно на примере сюжета фильма «Эскадрилья № 5»⁵⁵. Во многом именно из-за примитивно изображенного образа противника, эта картина, знаменитого режиссера Абрама Роома, была сильно раскритикована прессой⁵⁶.

⁵¹ Эскадрилья № 5 (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14859148132787646641> (дата обращения: 05.11.2024).

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Зеленев А. Эскадрилья № 5 // Кино. № 18 (912). С. 3.

В 1939 г. производство оборонных фильмов прекращается, в связи с заключением между СССР и Германией Договора о ненападении.

Оборонные фильмы конца 1930-х гг. достаточно однотипны и имеют схожее сюжетное развитие. Картины начинаются с демонстрации счастливой мирной жизни советских граждан, которая нарушается вероломным нападением со стороны Германии. Главные герои в скором времени мобилизуются на защиту родины, и Красная армия успешно отражает атаку противника, продолжая вести боевые действия уже на его территории.

Интересно что советские военные в картинах, как правило, представлены в первую очередь летчиками и авиацией. Такое сценарное решение можно объяснить тем, что в 1930-е гг. была популярна концепция итальянского генерала Джулио Дуэ, заключающаяся в том, что ход будущих войн станут определять армады бомбардировщиков, которые в свою очередь приведут к уничтожения городов и заводов противника⁵⁷. Так, в начале одного из фильмов была вынесена эпиграфом характерная цитата К.Е. Ворошилова: «Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен»⁵⁸. Таким образом, враг атакует, в первую очередь, с помощью авиации, и именно она выполняет главные задачи нападения, а советские герои-летчики, соответственно, отбивают атаку. В фильмах по-разному изображают опасность противника, тяжесть наносимого им ущерба, но все они схожи в одном – Советский Союз отделяется малой кровью, и, контратакуя, уничтожает военную мощь Германии, не оставляя ей возможности нанести повторный удар.

Фильмы, делая акцент на силе и мощи Красной армии, рисуют совершенно не страшного внешнего врага, который не в силах противостоять подготовленным к будущей войне советским людям. Противник не готов к ней технически – советской военной техники, во-первых, больше, во-вторых, она способна выполнять такие вещи, которые немцы расценивают на грани фантастики (в фильме «Танкисты» главнокомандующий немецкой армией, не в силах понять, каким образом советские танки смогли пройти через обрыв, восклицает: «танки не летают!»⁵⁹). Он не готов к войне и морально – сила духа советских людей оказывается значительно крепче, их не пугает ни внезапность нападения, ни потери (которые, конечно, редки, но все же есть), тогда как враг, как правило, значительно теряет веру в победу после столкновения с Красной армией. Естественно, война с таким врагом представляется быстрой и достаточно легкой. Местами (например, в «Эскадрилье № 5») продумывание им своих коварных

⁵⁷ Черниловский А.А. Советские художественные фильмы 1920–1930-х годов о будущей войне с фашизмом и японским милитаризмом // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 1. С. 67.

⁵⁸ Глубокий рейд (1938) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11291567640822066591> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵⁹ Танкисты (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8036830879687966469> (дата обращения: 08.11.2024).

планов выглядит даже смешно и нелепо. Нацистская идеология в контексте войны затрагивается крайне косвенно, маркером являются лишь слова «арийцы», «раса» и т. д., но не более. Современные особенности немецкой армии не подчеркиваются, в связи с этим наиболее подходящей аналогией к ней является немецкая армия времен Первой мировой войны. Кинокартины принижают значимость противника, изображая его слабым, иногда даже глупым, недалновидным. Он часто просчитывается, а главное, быстро поддается панике, что обуславливает быстрые успехи Красной армии. Но важно подчеркнуть, что фильмы придают такой образ именно немецкому фашизму и его непосредственным сторонникам (как правило, это высшее командование), но не всем немцам. Поэтому, когда в фильмах идет разговор о том, что война ведется против Германии, то подразумевается именно, как выразился герой фильма «Эскадрилья №5», «общий враг – фашизм»⁶⁰.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абольник О.* Лицо героя / О. Абольник // Кино. – 1935. – № 41 (693). – С. 1–4.
2. *А. К.* Если завтра война... / А. К. // Литературная газета. – 1938. – № 7 (714). – С. 1–6.
3. *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930-1940-х годов / В.Э. Багдасарян // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31–46.
4. *Беленький И.В.* История кино: киносъемки, кинопромышленность, киноискусство / И.В. Беленький. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 402 с.
5. *Богданов В.Н.* Цели Германии в войне против СССР / В.Н. Богданов // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С. 114–123.
6. *Волгин В.* Патриотический фильм / В. Волгин // Кино. – 1938. – № 6 (840). – С. 1–4.
7. Глубокий рейд (1938) [Электронный ресурс] // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11291567640822066591> (дата обращения: 15.11.2024).
8. *Головин З.* Глубокий рейд / З. Головин // Правда. – 1938. – № 34 (7359). – С. 1–6.
9. *Ерухимович И.* Родина зовет! / И. Ерухимович // Правда. – 1936. – № 129 (8735). – С. 1–6.
10. Если завтра война... (1938) [Электронный ресурс] // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7491302630984529951> (дата обращения: 11.11.2024).
11. *Зеленов А.* Эскадрилья № 5 / А. Зеленов // Кино. – № 18 (912). – С. 1–4.

⁶⁰ Эскадрилья № 5 (1939) // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14859148132787646641> (дата обращения: 05.11.2024).

12. *Зоркая Н.М.* История отечественного кино / Н.М. Зоркая. – М.: Белый город, 2014. – 511 с.
13. *Иванов Б., Рабинович А.* Танкисты / Б. Иванов, А. Рабинович // Комсомольская правда. – 1939. – № 35 (4218). – С. 1–6.
14. *Иезуитов Н.М.* Пути художественного фильма. 1919–1934 / Н.М. Иезуитов. – М.: Кинофотоиздат, 1934. – 150 с.
15. *Козырьянов А.В.* Оборонная тематика в советских кинокартинах и мультипликации 1930-х гг. / А.В. Козырьянов // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 2 (52). С. 72–82.
16. *Колесникова А.Г.* «Бой после победы»: образ врага в советском игровом кино периода холодной войны / А.Г. Колесникова. – М.: РГГУ, 2015. – 231 с.
17. *Луначарский А.В.* Беседа с В.И. Лениным о кино / А.В. Луначарский // Луначарский о кино: Статьи. Высказывания. Сценарии. Документы / вступ. ст. С.С. Гинзбурга. – М.: Искусство, 1965. – С. 39–41.
18. *Лебедев Н.А.* Очерки истории кино СССР / Н.А. Лебедев. – М.: Госкиноиздат, 1947. – Т. 1: Немое кино. – 304 с.
19. *Моров А.* Патриотический фильм / А. Моров // Правда. – 1938. – № 38 (7363). С. 1–6.
20. *Моров А.* Танкисты / А. Моров // Правда. – 1939. – № 44 (7729). – С. 1–6.
21. Пути кино: Первое всесоюзное партийное совещание по кинематографии / под ред. Б.С. Ольхового. – М.: Теа-кино-печать, 1929. – 465 с.
22. Родина зовет (1936) [Электронный ресурс] // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/2904539364903621744> (дата обращения: 14.11.2024).
23. Танкисты // Вечерняя Москва. – 1939. – № 35. – С. 1–4.
24. Танкисты (1939) [Электронный ресурс] // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8036830879687966469> (дата обращения: 08.11.2024).
25. *Черниловский А.А.* Советские художественные фильмы 1920–1930-х годов о будущей войне с фашизмом и японским милитаризмом / А.А. Черниловский // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 64–67.
26. *Шепелев Б.* Танкисты / Б. Шепелев // Кино. – 1939. – № 8 (902). – С. 1–4.
27. *Шумяцкий Б.З.* Советская кинематография сегодня и завтра: Доклад и заключительное слово на 7-м Всесоюзном производственно-тематическом совещании, 13 и 15 декабря 1935 года / Б.З. Шумяцкий. – М.: Кинофотоиздат, 1936. – 158 с.
28. Эскадрилья № 5 (1939) [Электронный ресурс] // Яндекс Видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/14859148132787646641> (дата обращения: 05.11.2024).

УДК 930.253:621.311.21.(47)

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
ЧЕБОКСАРСКОЙ ГЭС (ПО МАТЕРИАЛАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ)**

К.Ю. Григорьев

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу архивных документов, связанных со строительством Чебоксарской гидроэлектростанции (ГЭС), которая является пятой ступенью в системе Волжского каскада гидроэлектростанций. Рассматриваются фонды Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики, содержащие уникальные документы, отражающие процесс строительства, подготовку к затоплению водохранилища и экологические аспекты. Особое внимание уделяется фондам, связанным с переселением населения и компенсациями, а также документам, касающимся выработки электроэнергии до и после ввода ГЭС в эксплуатацию. Статья подчеркивает важность архивных источников для понимания исторического контекста строительства Чебоксарской ГЭС и ее влияния на жизнь местного населения, а также на экологическую ситуацию в регионе. Исследование актуально не только для Чувашской Республики, но и для всей страны, поскольку энергетические ресурсы играют значительную роль в экономической политике.

Ключевые слова: Чебоксарская гидроэлектростанция, социально-экономическое развитие, экологический аспект, затопление водохранилища, переселение населения, экологическая история, энергетическая политика

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.

Принята к публикации: 13 мая 2025 г.

**SOURCES ON THE HISTORY OF CHEBOKSARY
HPP CONSTRUCTION (BASED ON
THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE
OF MODERN HISTORY OF THE CHUVASH
REPUBLIC AND THE STATE HISTORICAL
ARCHIVE OF THE CHUVASH REPUBLIC)**

K.Yu. Grigoriev

*Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of archival records related to the construction of Cheboksary hydroelectric power station (HPP), which is the fifth stage in the system of the Volga cascade of hydroelectric power plants. The funds of the State Historical Archive of the Chuvash Republic and the State Archive of Modern History of the Chuvash Republic are considered, containing unique documents reflecting the construction process, preparation for the flooding of the reservoir and environmental aspects. Special attention is paid to funds related to population resettlement and compensation, as well as documents related to electricity generation before and after the commissioning of the HPP. The article highlights the importance of archival sources for understanding the historical context of Cheboksary HPP construction and its impact on the lives of the local population, as well as on the environmental situation in the region. The study is relevant not only for the Chuvash Republic, but also for the whole country, since energy resources play a significant role in economic policy.

Keywords: Cheboksary hydroelectric power station, socio-economic development, environmental aspect, reservoir flooding, population resettlement, environmental history, energy policy

Received: 2 April 2025

Accepted: 13 May 2025

Чебоксарская гидроэлектростанция является пятой ступенью в системе Волжского каскада гидроэлектростанций. С вводом в эксплуатацию данного гидроузла завершается масштабная реконструкция реки Волги, которая началась еще в 1930-х гг. в рамках реализации схемы «Большая Волга» под руководством инженера из области гидромеханики А.В. Чаплыгина. Проект предусматривал решения ключевых проблем Волжско-Камского каскада по трем основным направлениям:

1. Транспортное. В конце XIX в. было замечено ежегодное обмеление Волги, что негативно сказывалось на судоходстве, которое развивалось в достаточно быстром темпе. Кроме того, стремительный рост советского потенциала в первой половине XX в., заключавшийся в развитии всех отраслей народного хозяйства, возносил значение Волги на новый уровень. Река становилась важнейшей для экономики государства транспортной артерией. Поэтому комплекс гидроузлов, предусмотренный проектом, был направлен в первую очередь на увеличение судоходных глубин до 3,5 метров на всем протяжении водного пути, включая глубоководные выходы к Москве и Балтийскому морю. Идея обеспечивала возможность использования более экономичных крупнотоннажных судов. Дополнительную экономию обеспечивало спрямление фарватера на изгибах и уменьшение скорости течения, что также способствовало улучшению условий для навигации.

2. Энергетическое. В силу быстроразвивающейся индустриализации в СССР, возникла острая необходимость получения большого количества электрической энергии. По составленному проекту задача практически полностью решалась именно за счет строительства гидроэлектростанций на Волге, способных обеспечить экономику страны дешевым и доступным ресурсом.

3. Ирригационное. Обширные хлеботородные районы степного Поволжья периодически страдали от опустошительных засух, которые могли происходить до 30–40 раз за столетие. Основной причиной такого рода событий являлось частое стихийное явление в виде суховея – ветра, дующего в продолжении нескольких

дней подряд из пустынь Средней Азии. Подъем уровня Волги и наличие электроэнергии открывали возможности для орошения районов, что позволяло не только избавиться от засух, но и значительно повысить урожайность¹.

Однако по ряду причин проект не был полностью реализован в довоенный период, а завершился только после ввода в эксплуатацию последнего гидросооружения – Чебоксарской ГЭС, в 1981 г. на отметке 63 м. Примечательно, что строительство гидроэлектростанции до сих пор считается незавершенным, поскольку по проектному уровню ГЭС должна была функционировать на отметке 68 м, что вызывает разногласия между соседними регионами, в силу незаконченных работ по установлению технических сооружений инженерной защиты в зонах затопления². Безусловно, данный аспект является одним из самых актуальных в настоящее время, т. к. влияет не только на развитие электроэнергетики страны в целом, но и несет собой массу экологических проблем антропогенного воздействия на окружающую среду.

Немаловажным ресурсом для исследования выступила статья Н.Г. Русиновой «Особенности проектирования и строительства Чебоксарской гидроэлектростанции», которая раскрывает основные причины незавершенного строительства гидроузла. Среди них автор уделяется особое внимание недостаточному финансированию проекта, которое значительно затянуло процесс, при этом упоминаются и другие существенные аспекты – особенности грунтовых земель, на которых планировалось возвести фундамент: «Гидроузел располагается не на скальных, а на мягких грунтах, поэтому были приняты инженерные решения, направленные на укрепление основания сооружений для обеспечения прочности и устойчивости»³.

Однако в данной работе главное внимание уделяется проведению архивоведческого анализа документов по строительству гидросооружения, опираясь на фонды Государственного исторического архива Чувашской Республики и Государственного архива современной истории Чувашской Республики.

Первоначально необходимо дать общую характеристику архивов, в частности, остановиться на этапе комплектования учреждений. Государственный исторический архив Чувашской Республики представляет собой одно из самых старейших архивных учреждений Чувашии. Формирование его фондов началось еще в феврале 1923 г. Первым же официальным документом, связанным с его деятельностью, стало постановление СНК СССР «Об утверждении

¹ Яковлев А.С. Большая Волга: очерки. М. 1933. С. 7.

² Русинова Н.Г. Проблемы Чебоксарского водохранилища на современном этапе // Исторический поиск. 2024. Т. 5. № 4. С. 62.

³ Русинова Н.Г. Особенности проектирования и строительства чебоксарской гидроэлектростанции // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. № 4 (28). С. 361.

Положения о Государственном архивном фонде (ГАФ СССР) и сети государственных архивов СССР». Исходя из этого, в марте 1941 г. на базе отделов Архивного управления Чувашской АССР был образован Центральный государственный архив Чувашской АССР, который позже преобразовался в Государственный исторический архив Чувашской Республики⁴ (ГИА ЧР).

На данный момент в ГИА ЧР находятся на хранении свыше 3 тыс. фондов, 1,2 млн дел и 35 тыс. фотодокументов⁵. В справочно-информационном фонде имеется около 43 тыс. книг, газет и журналов. Документы предоставляют собой полную информацию об истории Чувашии с XVII в. по настоящее время. Среди них выделяются уникальные рукописные книги, списки царских грамот, ревизские сказки, материалы о жертвах политических репрессий, а также личные документы Героев Советского Союза и выдающихся деятелей в области культуры, здравоохранения, науки и пр. Нельзя также не упомянуть и о постоянных связях, взаимодействиях учреждения с архивистами соседних регионов – Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской и Башкирской автономных республик, Горьковской, Ульяновской и Кировской областей, что благоприятно сказывалось, как на развитии архивного дела в Чувашской республике в целом, так и на ценности архивных документов, связанных непосредственно со строительством Чебоксарской ГЭС. Как было сказано ранее, огромную роль во «Всесоюзной ударной стройке Чебоксарской ГЭС»⁶ сыграл экологический аспект. Взаимосвязи с близлежащими регионами выступили неким сдерживающим фактором в оценке положительных и отрицательных сторон строительства ГЭС, поскольку немалочисленные экологические проблемы возникли, в частности, на территориях соседних субъектов уже современной России.

При работе в ГИА ЧР было обнаружено несколько необходимых для проведения исследования фондов, которые дали детальное представление о строительстве ГЭС, затронули немаловажный аспект – экологический и позволили сделать сравнительную характеристику выработки электроэнергии за определенные периоды, в том числе, на этапах строительства и после ввода в эксплуатацию:

- Фонд Р-2309, опись 1 – «Производственное объединение энергетики и электрификации»;

⁴ Постановление об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР. Принят: Совнаркомом СССР 29 марта 1941 г. // ЭБИБД. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/423263-postanovlenie-locale-nil-723-sovnarkoma-sssr-locale-nil-ob-utverzhdanii-polozeniya-o-gosudarstvennom-arhivnom-fonde-sssr-i-seti-gosudarstvennyh-arhivov-sssr-locale-nil-g-moskva-29-marta-1941-g> (дата обращения: 31.03.2025).

⁵ Государственный исторический архив Чувашской Республики: история и современность // Архивы Чувашской Республики. URL: <https://giachr.kaisa.ru/archives/giachr/history> (дата обращения: 31.03.2025).

⁶ Князев Ю.А. Зарево над Волгой: Хроника 125 дней Всесоюзной ударной стройки – Чебоксарской ГЭС. Чебоксары. 1981. 112 с.

- Фонд Р-2309, опись 2 – «Производственное объединение энергетики и электрификации»;
- Фонд Р-2659, опись 1 – «Отдел по подготовке зоны затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС».

При написании работы уделялось особое внимание документам фонда Р-2659, поскольку затопление водохранилища являлось неотъемлемой частью не только строительства, но и экологической истории, которая явно не носила положительный характер. В фонде хранятся документы отдела по подготовке зоны затопления Чебоксарской ГЭС за апрель 1970 – май 1997 гг. Первым шагом к образованию отдела стало постановление Совета Министров РСФСР № 137 от 24 марта 1970 г. «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места строений и сооружений в связи со строительством Чебоксарской ГЭС», после чего 8 апреля 1970 г. был создан данный орган. Его основными функциями являлись:

1. Организация работ по переселению населения и выносу строений, попадающих в зону затопления;
2. Разработка планов по строительству и капитальным вложениям;
3. Организация оценочных комиссий по определению размера компенсаций местным жителям;
4. Прием жалоб и заявлений граждан, неудовлетворенных выплатами и пр.

К ключевым задачам отдела необходимо отнести осуществление приема заявлений граждан. Здесь можно проследить как раз-таки влияние строительства ГЭС на жизнь обычного человека, который оказывался в весьма невыгодном положении, поскольку компенсация не всегда полностью покрывала материальный ущерб, вызванный затоплением. Кроме того, невозможно не затронуть моральный ущерб, который не представляется возможным восполнить. Утрата места проживания, которое имеет свою определенную историю, является малой родиной, хранит память предков, не может быть компенсирована никаким образом в рамках одного человека или семьи. Однако в рамках государственной политики это нормальное явление, и его возможно оправдать.

Остановимся на одном из таких документов. Житель г. Чебоксар гражданин Н.А. Болотов пишет: «В связи с затоплением нашей улицы, где я проживал, мне с семьей дали квартиру по вышеуказанному адресу. Дом мой был плановый, и оценен по страховой сумме 4 000 руб. С 1954–1985 гг. я платил ежегодно по обязательному страхованию и за земельную ренту. Платил я налог в течение 31 года. Когда дали квартиру в городе, то с меня взяли обязательство, чтобы я свой дом с надворными постройками убрал, что я и сделал, при этом на убыток в 7000 руб. При строительстве дома было потрачено 10000 руб. Волгострой – это мероприятие государственное, но надо учитывать мой труд, вложенный в строительство дома. Всю свою жизнь, вся моя семья из зарплаты

откладывала деньги на дом, а деньги в сумме 7000 руб. полетели на ветер. А поэтому я прошу хотя бы частично возместить мне понесенный убыток. Ведь вина не моя, что подошла вода к моему дому»⁷.

Это еще раз доказывает, что компенсация велась не в полной мере, и порой оценка ущерба не производилась должным образом. Однако ответ последовал незамедлительно: «Вашу просьбу, о возмещении убытков, удовлетворить не представляется возможным»⁸.

Изначально отдел являлся юридическим лицом, финансирование которого осуществлялось из республиканского бюджета, и просуществовал таким образом до 1998 г., когда и был ликвидирован. 18 мая 1998 г. отдел был реорганизован путем присоединения к Министерству промышленности, энергетики и транспорта Чувашской Республики, а документы, имеющие историческую ценность, были отнесены к государственной части Архивного фонда Чувашской Республики⁹.

Документы данного фонда представляют собой постановления и распоряжения, протоколы заседаний Совета Министров Чувашской Республики, сметы, штатные расписания, бухгалтерские балансы, отчеты предприятий и организаций, статотчеты, письма, жалобы, заявления граждан, переписки по вопросам основной деятельности, планы капитальных вложений, документы по инженерной защите зоны затопления, справки и пр.

Следующим значимым источником является фонд Р-2309, который включает в себя документы «Производственного объединения энергетики и электрификации Чувашской республики «Чувашэнерго»». Фонд позволил произвести оценку выполнения плана, поставленного государством министерству энергетики Чувашской АССР. Хронологические рамки двух описей (1 и 2) были определены 1957–1988 гг. и 1988–1993 гг. соответственно.

Говоря о документах фонда, первоначально следует упомянуть о краткой истории этой организации. Энергетическое управление «Чувашэнерго» находилось в ведомстве Совета народного хозяйства Чувашского экономического административного района (1957–1965 гг.), после чего Чувашское районное энергетическое управление перешло в ведение Министерства энергетики и электрификации СССР, в связи с упразднением Государственного производственного комитета по энергетике и электрификации СССР и образованием общесоюзного Министерства энергетики и электрификации СССР¹⁰.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-2659. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–5.

⁸ Там же. Д. 62. Л. 6.

⁹ Постановление Кабинета Министров Чувашской республики от 18 мая 1998 г. N 149 «Об Отделе по подготовке зоны затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС при Кабинете Министров Чувашской Республики» // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2162365/> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁰ Закон об изменении системы органов управления промышленностью

В 1980 г. в состав Энергоуправления была включена строящаяся Чебоксарская ГЭС, которая на тот момент имела собственный промышленный баланс. Следующей значимой датой стал 1992 г., а именно распад СССР, после которого в российской энергетике произошли значительные изменения. На базе существующих главных управлений по эксплуатации электрических станций, подстанций и линий электропередач Министерства энергетики и электрификации СССР было создано РАО «Единая энергетическая система России» и 70 территориальных акционерных обществ в области энергетики и электрификации. Эти изменения носили антимонопольный характер и учитывали особенности энергетической системы страны, где более 50 энергосистем испытывали дефицит, а лишь 20 имели избыток энергии. Чувашская энергосистема стала дочерней организацией РАО «ЕЭС России». А уже в 1993 г. на базе районного энергетического управления «Чувашэнерго» было создано ОАО «Чувашэнерго».

Документы организации были распределены соответствующим порядком – поделены на разные отделы:

1. Секретариат;
2. Плановый отдел;
3. Отдел капитального строительства;
4. Производственно-технический отдел;
5. Отдел бухгалтерского учета и финансов.

Важным направлением в изучении по теме исследования выступает производственно-технический отдел. В нем хранятся отчеты по выполнению планов выработки электроэнергии, которые дают сделать сравнительный анализ полученной электроэнергии Чувашской республики в целом, и непосредственно самой Чебоксарской гидроэлектростанции.

Однако следует сделать выборку периодов изучения. Первым – было решено определить выработку электроэнергии регионом до строительства ГЭС – годовой отчет по основной деятельности за 1964 г. (Оп. 1. Д. 203), затем проследить увеличение объемов после ввода в эксплуатацию гидросооружения – годовой отчет по технико-производственным показателям за 1987 г. (Оп. 1. Д. 1683), а уже на последней стадии выявить динамику роста после стабильного функционирования ГЭС – годовой отчет по технико-производственным показателям за 1989 г. (Оп. 2. Д. 9).

В годовом отчете по основной деятельности за 1964 г. отражена работа всей электросети Чувашской АССР. Электроснабжение осуществлялось по одноцепной межсистемной магистральной воздушной линии 220 кв.

и преобразовании некоторых других органов государственного управления. Принят Верховным Советом СССР 2 октября 1965 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. / сост. К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М. 1968. Т. 5. 1962–1965 гг. С. 654.

Чебоксары – Киндери, а также от трех параллельно работающих электростанций Чуваэнерго: Чебоксарской ТЭЦ-1, Заволжская и Алатырская ТЭС. Кроме того, упоминается большое количество мелких сельскохозяйственных электростанций в тех районах, которые не были охвачены сетями электросистемы. Как указывается в документе, выполнение плана производства электрической, в том числе, и тепловой энергии на 1964 г. был выполнен в полном объеме – выработка электроэнергии составила 262,8 млн кВтч¹¹.

Если же смотреть отчет за 1987 г., то здесь явно прослеживается увеличение выработки электроэнергии, и она достигает 6,8 млрд кВтч¹². Однако приводятся данные объединения энергетики, а не непосредственно самой ГЭС. При этом тотальный подъем нельзя не отметить. На первый взгляд, кажется, что показатели не могут быть реальными – повысить выработку с 262 млн до 6,8 млрд, является не таким простым процессом, но если произвести анализ, то можно сделать вывод, что выработка электроэнергии за 23 года увеличилась в 25 раз. Учитывая, что параллельно со строительством Чебоксарской ГЭС, были введены в эксплуатацию несколько ТЭЦ, то цифры выглядят вполне правдоподобными. Это подтверждает и статья в периодической печати Чувашской Республики под названием «С первым миллиардом!», опубликованная в газете «Советская Чувашия» 13 июля 1982 г. В ней Чувашский обком КПСС, Президиум Верховного Совета Чувашской АССР и т. д. поздравляют коллег, в частности, директора Чебоксарской ГЭС А.Г. Юдковского, с выработкой первого миллиарда кВтч¹³.

Рост же выработки электроэнергии прослеживался и в дальнейшем. В отчете 1989 г. зарегистрированные показатели составили уже почти 7 млрд кВтч¹⁴.

Продолжая тему одной из главных организации по деятельности Чувашской республики в направлении электроэнергетики – «Чуваэнерго», невозможно не затронуть архивные документы ГАСИ ЧР, свидетельствующие о строительстве Чебоксарской ГЭС, ее функционировании и действующей природоохранной деятельности.

Началом комплектования Государственного архива современной истории Чувашской Республики принято считать 1921 г. Именно в этот период бюро Чувашского обкома РКП(б) приняло решение о создании комиссии, которая займется сбором материалов по истории партии и революционного движения в регионе. В августе 1935 г., по указанию Чувашского обкома ВКП(б), был основан Единый Партийный архив.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. Р-2309, Оп. 1. Д. 203, Л. 14.

¹² Там же. Д. 1683. Л. 4.

¹³ С первым миллиардом // Советская Чувашия. 1982. № 182. С. 31.

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-2309. Оп. 2. Д. 9. Л. 15.

В него вошло достаточно большое количество документов обкома КПСС и ВЛКСМ, партийных и комсомольских укомов волостных, городских, районных комитетов, редакций газет и журналов, первичных партийных организаций. Однако большинство документов поступало под грифом «секретно».

Позже, 1 октября 1991 г., постановлением Совета Министров Чувашской АССР, на основе партархива был создан Центральный государственный архив общественных объединений Чувашской Республики. А уже 15 октября 2004 г. на базе Центрального государственного архива общественных объединений и Государственного архива социально-правовой документации был образован Государственный архив современной истории Чувашской Республики¹⁵.

Сейчас на хранение в архиве находятся свыше 4 тыс. фондов и более 700 тыс. дел, охватывающих период с 1918 по 2010 гг. Кроме того, архив регулярно пополняется документами как ликвидированных, так и действующих государственных учреждений, общественных организаций, политических партий и движений, а также в его стены постоянно поступают личные фонды граждан.

Для написания данного исследования был привлечен один из главных фондов, в первую очередь, освещающий процесс строительства Чебоксарской ГЭС за период 1968–1972 гг. – фонд Р-3211, опись 1 (ОАО «Чувашэнерго»).

Все документы фонда представлены, в большинстве своем, технической документацией, что позволяет понять основные характеристики будущего сооружения и разобраться в его основных направлениях деятельности.

Продолжением изучения документов ГИА ЧР явилось выявление документов фонда Р-3211 ОАО «Чувашэнерго». Главной особенностью выступает его наполненность технической документации, которая раскрывает одну из ключевых аспектов исследования – исторический очерк, который позволяет полнее изучить экологическую сторону вопроса.

В этом направлении выделяются протоколы технических совещаний с 1964 по 1969 гг. отдела дирекции строящейся Чебоксарской ГЭС. Эти документы попадают, в основном, под период окончательного проектирования ГЭС, то есть до 1968 г. По итогам данным собраний принимались решения относительно подготовительных работ. Первоочередной задачей стало обеспечение жильем домами рабочих-строителей, их семей, а также развитие инфраструктуры для дальнейшего существования вблизи территории, где в будущем планировалось проводить работы. Эти совещания в последствие и послужили

¹⁵ 76 лет назад образован Государственный архив современной истории Чувашской Республики // Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. URL: <https://culture.cap.ru/memory/2011/10/1/76-let-nazad-obrazovan-gosudarstvennij-arhiv-sovre> (дата обращения: 31.03.2025)

одним из главных факторов основания г. Новочебоксарск. Было принято решение о строительстве подсобно-производственных баз и жилья для гидростроителей в таких районах, как:

1. Под производственные базы (между заводом силикатных изделий и деревней Ивановка; северо-западнее дер. Яндашево; южнее Ивановского кирпичного завода);
2. Под строительство жилья и коммунально-бытовых сооружений микрорайоны № 1 и № 3 с общей жилой площадью 130 тыс. кв. метров города Спутник и пр¹⁶.

Членами, так называемых совещательных комиссий, являлись, в основном, инженеры, начальники и их заместители дирекции строящейся Чебоксарской ГЭС. При этом принимали участие председатели райсоветов близлежащих территорий, которые занимались организационными вопросами по утверждению планов распределения земель и поселений, и, что немаловажно, прослеживается присутствие начальников Химкомбината, который также сыграл немаловажную роль в становлении г. Новочебоксарск и строительстве ГЭС. Чебоксарский химкомбинат (ныне ПАО «Химпром») начали строить в 1960 г. Как и позже Чебоксарской ГЭС, строительству комбината присвоили звание всесоюзной ударной комсомольской стройки¹⁷.

Примечательно, что дирекция строящейся Чебоксарской ГЭС была создана, как отдельный структурный орган, после чего в 1971 г. вошла в подчинение институту «Гидропроект» им. С.Я. Жука ГлавНИИпроекта Министерства энергетики и электрификации СССР, который занимался строительством Чебоксарского гидроузла, а уже позже в 1980 г. перешла в ведомство Районному Энергетическому Управлению Чувашэнерго.

В делах этого же фонда можно проследить совместные усилия отделов по строительству Химкомбината и ГЭС, поскольку именно на данных заседаниях планировалось создание автодороги «Чебоксары-Новочебоксарск»¹⁸.

Однако строительство Чебоксарской ГЭС не прошло бесследно для окружающей среды. Процесс вызвал изменение речной экосистемы Волги в районе водохранилища, что в свою очередь внесло коррективы в основные характеристики и состав почвы окрестностей подтопляемых территорий. Так, например, исследователями из Чувашского государственного университета им. И.Я. Яковлева и Российского государственного аграрного университета МСХА имени К.А. Тимирязева была проведена экспертиза загрязненности токсичными веществами почвы береговой зоны реки Волги в окрестностях

¹⁶ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. Р-3211. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

¹⁷ История ПАО «Химпром» // «Химпром». URL: <https://www.himprom.com/company/history.php> (дата обращения: 31.03.2025)

¹⁸ Там же. Ф. Р-3211. Д. 5. Л. 40-41.

Чебоксарской ГЭС, а именно в городах Чебоксары, Новочебоксарск и Мариинский Посад. В ходе исследования с 10 по 15 июня 2014 г. были взяты 30 проб почвы для сравнения с предельно допустимыми концентрациями (ПДК). По результатам работы было определено превышение уровня ПДК по содержанию свинца, бензапирена, формальдегида в несколько раз как на правом, так и на левом берегах¹⁹.

Таким образом, источники по строительству Чебоксарской ГЭС, в частности, хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики и Государственном архиве современной истории Чувашской Республики, представляют собой уникальный информационный ресурс для исследователей, и могут всецело передать детальную хронологию событий. Немаловажным фактором выступает составляющая часть этой темы – экологическая история, которая также затрагивается в документах данных архивов. Конечно же, они имеют больше повествовательный характер, показывают предпринятые меры по предотвращению негативных экологических последствий для природы близлежащих регионов и не отражают результатов после завершения строительства. Однако данное исследование, в большинстве своем, было направлено на рассмотрение хронологии постройки через призму архивных документов, поэтому экологический аспект остается на рассмотрение в историографии постсоветского периода. Тема Чебоксарской ГЭС актуальна для изучения не только в рамках Чувашского региона, но страны в целом, поскольку энергетический ресурс является неотъемлемой частью экономической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. 76 лет назад образован Государственный архив современной истории Чувашской Республики // Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. URL: <https://culture.cap.ru/memory/2011/10/1/76-let-nazad-obrazovan-gosudarstvennij-arhiv-sovre> (дата обращения: 31.03.2025).

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2309 (Производственное объединение энергетики и электрификации). Оп. 1. Д. 203, 1683; Оп. 2. Д. 9.

3. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 3211 (ОАО «Чувашэнерго»). Оп. 1. Д. 5.

4. ГИА ЧР. Ф. Р-2659 (Отдел по подготовке зоны затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС). Оп. 1. Д. 62.

¹⁹ Иванов С.А., Дмитриева О.Ф., Кульмакова Н.И., Дмитриев Ю.О. Загрязненность токсичными веществами почвы береговой зоны реки Волги в окрестностях Чебоксарской ГЭС // Экология человека. 2016. №5. С. 6

5. Государственный исторический архив Чувашской Республики: история и современность [Электронный ресурс] // Архивы Чувашской Республики. URL: <https://giachr.kaisa.ru/archives/giachr/history> (дата обращения: 31.03.2025).

6. Закон об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления. Принят Верховным Советом СССР 2 октября 1965 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет / сост. К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 5. 1962-1965 гг. – 750 с.

7. Иванов С.А., Дмитриева О.Ф., Кульмакова Н.И., Дмитриев Ю.О. Загрязненность токсичными веществами почвы береговой зоны реки Волги в окрестностях Чебоксарской ГЭС Загрязненность токсичными веществами почвы береговой зоны реки Волги в окрестностях Чебоксарской ГЭС / С.А.Иванов, О.Ф. Дмитриев, Н.И. Кульмакова, Ю.О. Дмитриев // Экология человека. – 2016. – №. 5. – С. 3–8.

8. История ПАО «Химпром» [Электронный ресурс] // «Химпром». URL: <https://www.himprom.com/company/history.php> (дата обращения: 31.03.2025).

9. Князев Ю.А. Зарево над Волгой: Хроника 125 дней Всесоюзной ударной стройки – Чебоксарской ГЭС / Ю.А. Князев. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1981. – 112 с.

10. Постановление Кабинета Министров Чувашской республики от 18 мая 1998 г. N 149 Об Отделе по подготовке зоны затопления водохранилища Чебоксарской ГЭС при Кабинете Министров Чувашской Республики» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2162365/> (дата обращения: 25.04.2025).

11. Постановление об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов СССР. Принят: Совнаркомом СССР 29 марта 1941 г. [Электронный ресурс] // ЭБИБД. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/423263-postanovlenie-locale-nil-723-sovnarkoma-sssr-locale-nil-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-gosudarstvennom-arhivnom-fonde-sssr-i-seti-gosudarstvennyh-arhivov-sssr-locale-nil-g-moskva-29-marta-1941-g> (дата обращения: 31.03.2025).

12. Русинова Н.Г. Особенности проектирования и строительства чебоксарской гидроэлектростанции / Н.Г. Русинова // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – №4(28). – С. 359–363.

13. Проблемы Чебоксарского водохранилища на современном этапе / Н.Г. Русинова // Исторический поиск. – 2024. – Т. 5. – №. 4. – С. 59–65.

14. С первым миллиардом // Советская Чувашия. – 1982. – № 182. – С. 31.

15. Яковлев А.С. Большая Волга: очерки / А.С. Яковлев, предисл. А.В. Чаплыгина. – М.: ОГИЗ Молодая гвардия, 1933. – 77 с.

УДК 930:929(47)+930.253(0.032)

**МСТИСЛАВСКИЙ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
(1876–1943): МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
И ТВОРЧЕСТВУ**

А.М. Захарова

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Российская
государственная библиотека (РГБ),
Москва, Россия*

С.В. Злодеева

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

С.Я. Нисенбаум

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Аннотация: Сергей Дмитриевич Мстиславский (Масловский), один из малоизученных советских революционных и литературных деятелей, оставил после себя богатое эпистолярное наследие, затрагивающее довольно широкий круг тем. При этом в настоящее время значительное число источников, связанных с его жизнью и творчеством, не было введено в научный оборот и остается неизвестным для исследователей. В археографическую публикацию включены 7 документов за 1920–1940-е гг. из личного фонда С.Д. Мстиславского (РГАЛИ. Ф. 306), заполняющие лакуну в изучении его биографии и литературного пути. Публикуемые источники вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: С.Д. Мстиславский, С.Д. Масловский, Февральская революция, Октябрьская социалистическая революция, писатель, автобиография, РГАЛИ

Поступила в редакцию: 2 февраля 2025 г.

Принята к публикации: 15 июня 2025 г.

MSTISLAVSKY SERGEY DMITRIEVICH (1876–1943): MATERIALS FOR BIOGRAPHY AND CREATIVE WORK

A.M. Zaharova

*Russian State University for the Humanities
(RSUH), Russian State Library (RGB),
Moscow, Russia*

S.V. Zlodeeva

*Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia*

S.Ya. Nisenbaum

*Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia*

Abstract. Sergey Dmitrievich Mstislavsky (Maslovsky), being one of the little-studied Soviet revolutionary and literary figures, left behind a rich epistolary legacy covering a fairly wide range of topics. At the same time, a significant number of sources related to his life and work have not been introduced into scientific circulation and remain unknown to researchers. The archaeological publication includes 7 documents from the 1920s and 1940s from the personal fund of S.D. Mstislavsky (RGALI. F. 306), filling a gap in the study of his biography and literary path. Published sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: S.D. Mstislavsky, S.D. Maslovsky, February Revolution, October Socialist Revolution, writer, autobiography, RGALI

Received: 2 February 2025

Accepted: 15 June 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мстиславский (настоящая фамилия – Масловский) Сергей Дмитриевич (23 августа 1876, Москва – 22 апреля 1943, Иркутск) – политический деятель, участник революционного движения, писатель, публицист, этнограф. Имел также псевдонимы Сергей Бахарь, Мстиславский и др. Мстиславский родился в семье русского военного историка и профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора Дмитрия Федоровича Масловского (1848–1894). Получил начальное образование в первой московской частной гимназии Ф.И. Креймана. После учился в Санкт-Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета, который окончил в 1901 г. и начал работать библиотекарем в Библиотеке Военной Академии. Во время обучения принимал участие в научных экспедициях в Среднюю Азию и на Кавказ, а также успел опубликовать несколько работ¹.

Одновременно с этим С.Д. Мстиславский начал принимать активное участие в политической жизни страны – участвовал в студенческих волнениях 1899 г., из-за чего был отчислен из Университета, но позже восстановился и смог его окончить. Впоследствии вступил в партию эсеров. В начале 1900-х гг. начал публиковаться в нелегальной прессе: изначально это были прокламации и статьи, а в 1906 г. была напечатана первая книга Мстиславского – «Краткое руководство к уличному бою». В дальнейшем занимался военно-революционной деятельностью, в частности, организацией вооруженного восстания. В 1905-1906 гг. был председателем Боевого Рабочего союза и Всероссийского Офицерского союза, членом межпартийного Боевого комитета. В 1910-1911 гг. находился под арестом в Петропавловской крепости. Во время Февральской революции Мстиславский состоял в штабе восстания; как комиссар Петроградского Совета был командирован для ареста Николая II и его семьи. Позднее стал участником советской делегации на Брест-Литовской мирной конференции. После убийства Вильгельма фон Мирбаха, посла Германской империи в РСФСР, в 1918 г. вышел из партии левых эсеров и вошел в ЦК украинских борьбистов. С 1921 г. Мстиславский отошел от активной политической деятельности и перешел на профсоюзную работу, оставался беспартийным до конца жизни. Подробности своей политической деятельности в дни революций Мстиславский описал позже в своих мемуарах².

Важную часть биографии Мстиславского занимает его литературная деятельность. После издания описанных выше прокламаций и «Руководства» он также продолжал активно публиковаться в нелегальной прессе. Изначально фокусировался на публицистике – с 1912 г. входил в редакцию журнала «Заветы»,

¹ См.: *Мстиславский С.Д.* Гальча: (Первобыт. население Туркестана). М. 1901. 16 с.; *Он же.* Суворовский музей. Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея, при Николаевской академии Генерального штаба. СПб. 1901. 68 с. и др.

² *Мстиславский С.Д.* Пять Дней. Начало и конец Февральской Революции. 2-е изд. Берлин. 1922. 93 с.

куда регулярно писал статьи. После закрытия журнала Мстиславский сосредоточился на подготовке военных обзоров для изданий «Дно», «Русских Ведомостей» и др., а также подготовил два издания брошюры «Рабочая кооперация» (1916; 1917). Помимо этого, Мстиславский был членом редколлегий газет «Дело Народа», «Земля и Воля» и др. В советский период работал в Большой советской энциклопедии, был редактором журналов ВОКС, «Книга о книгах», «Федерация», ЛОКАФ; читал лекции по рабочему движению на Западе в Педагогическом институте им. Литкенса и других учебных учреждениях.

Однако наибольшую известность Сергей Дмитриевич получил как беллетрист. Самые ранние его работы – рассказ «Живец» (1910), «Песни из плена» (1912) и рассказ «Аэрникон» (1913). В 1930-е гг. выходит ряд крупных литературных произведений Мстиславского: «Крыша мира», «На крови», «Восстание сусликов», «Повесть о Черном Магоме», «Как прапорщик Дронов брал Смольный», «Буревестники», «Партионцы», «Силы небесные», «Мюриды» («Судьба гор»), «Грач – птица весенняя», «Приключения святого халата», «Я» («Цепь») и множество др. Некоторые произведения впоследствии перерабатывались в сценарии для театральных постановок и оперных либретто. Мстиславским были написаны и несколько исторических романов: «Союз тяжелой кавалерии», «Без себя» (Деникинщина на Украине), а также пьесы: «На крови», «Шах и Мат», «Буревестники».

Несмотря на широту работы и большую вовлеченность С.Д. Мстиславского в политические события, происходившие в России в начале XX в., в исторической науке его жизнь и деятельность были достаточно мало освещены исследователями или отражены подробно только с точки зрения изучения его творчества. Среди немногочисленных исследований стоит отметить диссертацию А.Ф. Седовой³, в которой была проанализирована литературная биография Сергея Дмитриевича, его методы и подходы через оптику изучения развития советской литературы. Автором также были исследованы более частные аспекты творчества Мстиславского в ряде статей⁴. Также стоит отметить статью О.А. Шашковой⁵, в которой, на базе изучения документов из личного фонда С.Д. Мстиславского в РГАЛИ (Ф. 306),

³ Седова А.Ф. Сергей Мстиславский – прозаик: идейно-эстетическая эволюция писателя: диссертация ... канд. фил. наук: 10.01.02. Ташкент. 1974. 201 с.

⁴ Седова А.Ф. Некоторые особенности изображения героя С. Мстиславского // Научные труды ТашГУ. Вып. 444: По страницам русской и зарубежной литературы. Ташкент. 1973. С. 57–68; Она же. О некоторых особенностях изображения героя-романтика // Научные труды ТашГУ. Вып. 396: Вопросы литературы. Ташкент. 1971. С. 131–149; Она же. Роль мира природы в раскрытии мировоззренческих позиций героя по роману С. Мстиславского «Крыша мира» // Научные труды ТашГУ. Вып. 474: По страницам русской и зарубежной литературы. Ташкент. 1974. С. 102–116; Она же. Становление писателя // Научные труды ТашГУ. Вып. 389: По страницам русской и зарубежной литературы. Ташкент. 1970. С. 107–121.

⁵ Шашкова О.А. Литературная стезя Сергея Мстиславского (Масловского). Жизнь революционера в Советской России // SCHOLA-2024: Сб. научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М. 2024. С. 268–272.

рассмотрена главным образом его политическая и творческая деятельность. Отдельные сведения о С.Д. Мстиславском как писателе представляется возможным найти в справочных изданиях⁶.

Данная публикация включает в себя документы С.Д. Мстиславского, отложившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в его личном фонде под номером 306. Фонд поступал в архив частями: сначала, в 1941 г., из Литературного музея; затем путем продажи документов семьей после смерти писателя в 1943 г.

В публикацию включены биографические материалы С.Д. Мстиславского, а также документы, связанные с его литературной деятельностью в 1920–1940-е гг. Документы расположены в тематико-хронологическом порядке: сначала автобиографии, затем справки о литературной и редакторской работе и документы, связанные с творческой деятельностью Мстиславского.

Орфографические ошибки и явные описки исправлены в тексте, в примечаниях отдельно это не оговаривается. Сокращенно написанные слова приводятся полностью, если они не являются общепринятыми сокращениями. Восстановленные части слов заключены в квадратные скобки. Авторские подчеркивания отмечены в тех же местах, что и в оригинале документа. Вставки пропущенных автором слов и предложений как в самом тексте, так и на полях добавлены в соответствующие места в текст и отмечены курсивом. В связи с тем, что в большинстве своем документы являются рукописными, в тексте встречаются авторские помарки (густо зачеркнутый, неразборчивый текст). Непрочтенные, неразобранные слова отмечены отточием в квадратных скобках.

Каждый документ сопровождается заголовком и легендой. Научно-справочный аппарат публикации включает, помимо предисловия, примечания по тексту и по содержанию. В текстуальных примечаниях разъясняются особенности текста (приписки, пропуски, отдельные неправильно употребленные слова и т.д.). В примечаниях по содержанию поясняются исторические события, явления и процессы, приводятся краткие биографические сведения об упоминаемых в документах людях.

В исследовании впервые публикуются и вводятся в научный оборот материалы о жизни, деятельности и творчестве С.Д. Мстиславского (Масловского), чья биография мало освещена в научной литературе, хотя масштаб его деятельности как политика, революционера, а также писателя – весьма велик.

⁶ Гроссман Б. Мстиславский Сергей Дмитриевич // Литературная энциклопедия. М. 1934. Т. 7. URL: <https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-5211.htm> (дата обращения: 05.02.2025); Березницкий Я. Мстиславский Сергей Дмитриевич // Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ) М. 1967. Т. 4. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-a021.htm> (дата обращения: 05.02.2025).

1.

АВТОБИБЛИОГРАФИЯ С.Д. МСТИСЛАВСКОГО

[1923] г.

Мстиславский-Масловский, Сергей Дмитриевич.

46 лет, женат, шесть детей.

Печатные работы (книги): 1) Гальча (Предварит[ельный] отчет о командировке в Горную Бухару) Петроград. 1901 (брош[юра]); 2) Библиография Афганистана. Петроград. 1903. 3) Война и евреи. Петроград. 1911; 4) Брестские переговоры. Изд[ания] 1 и 2^e. Санкт-Петербург. 1918; [5) Не]⁷ война, но восстание. Изд[ание] 1–3. Москва. 1918; 6) Пять дней. Москва. 1922; 7) Крем[левский]⁸ дневник (Убийство Мирбаха и Конец партии левых) (печат.); 8) Деники[н на]⁹ Украине (печат[ное издание]); 9) Проф[союзное] движение в Австрии (7 печ[атных] л[истов])¹⁰; 10) Проф[союзное] движение в [...] ¹¹ (9 печ[атных] листов) – приняты к печати Профинтером; 11) Рабочая кооперация. Изд[ание] [...] ¹² – Москва, 1917–1918; 12) Дневники. Петроград 1914 (конфисковано)¹³.

Работы, оставшиеся не напечатанными: 1) Таджики. (Опыт антропологи[ческой] характеристики) (представл[ена] в 1898 г. в Петроградском университете, золотая медаль); 2) Биб¹⁴[лиография] войн 1805, 1806–[180]7, 1812, 1904–1905 [гг.] (были приняты к напечатанию Обществом Ревнителей военных знаний)¹⁵.

Переводы: 1) Жорес. Новая армия. М. 1918; 2) Золя. Труд. М. 1918.

Статьи: в Русском биографическом Словаре (Истор[ического] общества) – биографии Суворова, Толли, Тотлебена, Репниных, Шереметева и др; в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, Военной Энциклопедии – статьи по библиографии и библиотековедению; популярно-научные статьи в ряде журналов 1900-ых годов, под различными, случайными псевдонимами. В 1910–1911 гг. – статьи по вопросам внутренней политики в «Русском Богатстве»¹⁶; в 1911–1914 [гг.] – [...] ¹⁷ обзора жизни русской жизни в «Заветах»¹⁸, в 1914–1917 [гг.] –

⁷ Фрагмент листа утрачен.

⁸ Фрагмент листа утрачен.

⁹ Фрагмент листа утрачен.

¹⁰ Над текстом подписано.

¹¹ Фрагмент листа утрачен.

¹² Фрагмент листа утрачен.

¹³ Над текстом подписано.

¹⁴ Фрагмент листа утрачен.

¹⁵ Общество ревнителю военных знаний – военно-научное общество, созданное в 1898 г. в Петербурге по инициативе группы офицеров во главе с военным историком А.З. Мышлаевским для пропаганды военных знаний, разработки вопросов военной теории и истории.

¹⁶ «Русское богатство» – ежемесячный общественно-политический, литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1876–1918 гг.

¹⁷ Над текстом подписано.

¹⁸ «Заветы» – ежемесячный литературно-политический журнал эсеровского толка, издававшийся

военные обзоры в «Дне», «Русских ведомостях», публицистические и литературные критические статьи в «Деле Народа»; Земле и Воле¹⁹, Знамени Труда, Борьбе (1917–1920 [гг.]).

Редакционные работы: К 1910–1914 [гг.] редактировал: «Летопись военной печати» [...]журнал «Заветы»; 1917–1918 [гг.] – совместно с А. Белым и Ив[ановым –Разумником] – Скифы²⁰. С 1917–1918 [гг.]– ²¹Земли и Воли, Знамя Труда, в 1919? [г.] – Борьба, и [...] труда²² «Зори» ([...] Всеукраинским) литературным комитетом) [...]. С 1921 [г.]– [...] ответственным редактором неперiodических изданий Профинтерна.

Учебные общества. Был действительным членом и принял участие в работе²³ Московского общества любителей естествознания и этнографии, антропологии общества; Общества источниковедения; библиографического общества; Русско-Военно-Исторического, общества библиотековедения – и с 1921 [г.] – товарищ председателя Вольной философской ассоциации

Учебно-административная работа: С 1901–1917 [гг.]– в учебном составе Николаевской Военной Академии, в 1918 [г.]– заведующий библиотечной секции Московского Совета; в 1919 [г.]– заведующий библиотечной отделением Украинского Наркомпроса, председатель Всеукраинского Литературного Комитета, член коллегии Всеиздата, член коллегии Народно-Комиссии пропаганды; заведующий отделом искусств; 1919 [г.]: заведующий отделом книги Киевского Губнаробра [...]: в 1920–1921 [гг.] – заведующий Политпросветом Н[...].

В 1919 г. – был председателем Всеукраинского Литературного Комитета; руководил (в 1920 [г.]) литературной студией Киевского Губнаробраза.

Лекторская деятельность: читал лекции: 1) по библиотековедению – на курсах в Москве и Киеве, 2) по истории и социальным вопросам – в Киеве ([...] лектором Губнаробраза и Политуправления XII серии [...]).

Национальные командировки: к журналам в Бухару и на Памиры – в 1896, 1897, 1898, 1899 гг. [...]поездка на чуму в Анзоб – в 1898 [г.]; в Брюссель – на международный конгресс по библиографии. и [документации] – в 1910 [г.]; на международный конгресс по востоковедению в Алжире, в 1904 [г.] – на Северном Кавказе – (Балкария, [...], Эльбрус – в 1907 [г.]).

в Санкт-Петербурге в апреле 1912 – августе 1914 гг.

¹⁹ «Земля і воля» – официальный орган Украинской социал-демократической партии (УСДП), действовавшей в Галиции и Буковине.

²⁰ «Скифы» – литературный сборник, подготовленный издательством «Революционный социализм» и издававшийся в 1917–1918 гг. в Петрограде. Авторы, принявшие участие в написании статей сборника, разделяли идеологию так называемого «скифства» – русского философско-политического течения социалистической направленности, близкого к левым эсерам. Они рассматривали революцию как мессианское антибуржуазное русское народное движение. Их увлекали поиски нового всеобщего духовного (неохристианского) единения в противовес буржуазному обывательству.

²¹ Далее зачеркнуто: «Дело».

²² Над текстом подписано.

²³ Над текстом подписано.

Напеч[атано в] 1918-1921 [гг.]

Книги и брошюры²⁴. «Брестские переговоры». Изд[ания] – 1–2, Петроград, 1918²⁵, «Не война, но восстание», Изд[ания] – 1–2. Москва. 1918; «Рабочая кооперация». Петр[огр]ад. Изд[ания] – 1–2. Раскрепощение книги. (б[ез] л[истов]). Изд[ательство] Моссовета. Для статей по политике, раб[очему] вопросу и литературе – в газетах: «Знамя Труда» (январь–июль 1918 г.), Борьба (Киев) 1919 [г.]–редактором которых я был и в журналах «Наш путь» № 1–2, (входил в состав редак[ции]) и «Зори» (Киев) – орган печ[ати] Всеукраин[ской] литер[атурной] коми[ссии], председателем которого был в 1919 г.

1922–1923 [гг.] Пять дней (начало и конец февраль[ской] револю[ции]) – Изд[ания] – 1–2. Мо[сква]–Берлин: Рабочие движение в Великобритании (15 печ[атных] листов) и «Рабочее движение в Австрии» 18 печ[атных] листов) – закончены набором к выходу в любом гос[ударственном] издат[ельстве]. Ряд статей по раб[очему] движению на Западе – в «Красном Интернац[ионале] Профсоюзов»²⁶ [...] и «Вестнике Труда», Проф[ессиональном] Движении (М.Т.С.П.С.) и газетах: Труд и Гудок.

В рукописи: 1918–1921 [гг.]

Перевод Жореса «Новая Армия» (по заказу – это перевод Э. Золя – Труд). Рукоп[ись] сдана была Моссовету – дальнейшая судьба – мне неизвестно, т[ак] к[ак] я уехал из Москвы. Деникинцы на Украине (20 л[истов]) – печатает[ся] в изд[ательстве] «Былое» и переводит[ся] на украин[ский] язык; Кремлевский дневник (Убий[ство] Мирбаха и конец партии левых) – 1922–1923 [гг.] Мировое рабочее движение (История [...] раб[очего] движения [...] – 15 печ[атных] листов, Доклад в Н[арком]Пр[ос] [...] Повесть о рев[олюции] 1 ч[асть] 20 п[ечатных] л[истов]²⁷, «Крыша Мира» – роман о юн[ости]. Классовая война в Германии, [...] Народовольцы [...], Очерки по раб[очим] дв[ижениям] в М[оскве] и П[етрограде] [...].

РГАЛИ. Ф. 506. Оп. 8. Ед.хр. 502. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись.

2.

АВТОБИОГРАФИЯ С.Д. МСТИСЛАВСКОГО

1940 г.

Мстиславский, Сергей Дмитриевич

²⁴ Над текстом подписано.

²⁵ Над текстом подписано.

²⁶ Красный интернационал профсоюзов (Красный Профинтерн, Профинтерн) – международная организация радикальных профсоюзов, созданная в Москве в июле 1921 г. в ходе конгресса профсоюзов, которые не вошли в Амстердамский интернационал.

²⁷ Над текстом подписано.

О литературной деятельности, как «профессии», я никогда, за все долгие годы своей общественной работы, не думал, хотя огромная сила литературы всегда была для меня ясна: я скорее переоценивал ее, как «жизнетворческую силу», чем недооценивал. Но «литераторское» самоограничение «словом», разлучение «слова» и «дела» в строительстве жизни и борьбе, эту жизнь определяющей и движущей, - являлись в представлении моем еще от самых юношеских лет актом «трусовости перед жизнью», перед ее опасностями, трудами и – радостями: отказом от полноценного творчества.

Конечно, «слово» есть в то же время и «дело»: противопоставлять их – нельзя; но нельзя и рвать их органическую необходимую связь, потому что только в деле и от дела получает слово верный, оправданный импульс к писанию, мысль, целеустремленность, пафос, которые делают слово творческим и живым. Это не следует, конечно, понимать в том смысле, что писать можно только о том, что непосредственно «делаешь» или лично пережил: каждое дело, каждое переживание дает ключ к целому ряду явлений, открывает возможность широких обобщений; но путь к обобщениям этим – и к видению завтрашнего дня, без которого нельзя верно и твердо писать о сегодняшнем, - видению «знающему», а не иллюзорному, дается только полным – и делом, и словом – участием в социальной практике класса. «Профессиональный писатель» звучит так-же нелепо, как прозвучало бы «профессиональный оратор». Литературное произведение должно сложиться в самом процессе «дела» как естественная, органическая его часть, как мощное оружие в борьбе за это дело, но отнюдь не как «замена»: оно не должно быть «самоцелью», ради которой и применительно к которой – «в порядке собирания материала» - строится жизнь «мастера слова».

Такой «профессионально-писательский» подход к жизни, смотрение «на людей, на их жизнь и борьбу», как на «материал» – сквозь призму «будущего произведения», - с совершенной четкостью сформулированный поздним Брюсовым:

[...] сквозь окно

«Три революции мог наблюдать я жадно»²⁸, – виделся мне предельно чуждым. Напротив: в детские годы глубоко запало в сознание мильтоновское: «самая жизнь поэтому должна быть истинно поэмой». Я толковал эту мысль – по Гётевскому Фаусту: «Im Anfang war die Tat» («в начале было дело»)²⁹: только от дела – путь к слову. И поскольку каждое литературное произведение есть политический, по существу своему, акт, - писатель не мыслится вне прямого, не словом только, но и делом, – участия в политике.

²⁸ Цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Вступление» («Жизнь кончена, я это сознаю...»), написанного 20 марта 1919 г. Цитировано по: *Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. М. 1974. Т. 3: Стихотворения. 1918–1924. / подгот. текстов и примеч. М.В. Васильева и др. С. 391.*

²⁹ Цитата из: *Гете И.В. Фауст. Ч. 1. М.; Л. 1932. С. 68.*

Положение это справедливо для всех жанров литературы: виды и жанры – равноправны и равноценны, в том смысле, что каждый из них – публицистика, очерк, поэма, роман, драма, киносценарий – в зависимости от цели и обстановки – может оказаться наиболее действенным – для данного задания – оружием. И мастер слова должен, стало быть, руководиться в выборе жанра именно целесообразностью его, соответствием поставленной им себе очередной задаче, а не какой-либо «профессиональной специализацией»: литературная технология не столь сложна, чтобы «владея словом», будучи способным к образному мышлению, определяющему художника, – нельзя было овладеть любой литературной формой – в меру своего словесного мастерства.

Постепенному утверждению этого взгляда, определившего в дальнейшем весь мой писательский путь (в частности, очень позднее – в 35 лет – начало постоянной и планомерной литературной работы, и разнообразие жанров, в которых я работал), в решающей мере способствовало резкое противостояние подпольной революционной литературы, участием в которой началась моя писательская деятельность, и «аполитичного» «чистого искусства», с крупнейшими представителями которого приходилось встречаться в «надпольной» жизни. Но уже при том – первоначальном – «выборе жизненного пути» мне казалось непререкаемо-ясным, что ставить себе задачу «стать писателем» нельзя; поэтому несмотря на наличие «биологических» писательских данных, сказавшиеся еще на школьной скамье, мысли о «самоцельной» литературной деятельности не шло; были мысли только о «жизни самой».

Жизнь эта сложилась на долгий период под определяющим влиянием моего – стародворянского – происхождения, воспитания – чиновного и «светского» окружения, в котором довелось жить, и трудных лет эпохи, в которую я формировался и рос (родился я в 1876 г.)

Отталкивание от среды, к которой я принадлежал по рождению, без замены ее – долгое время, – какой-либо иной, сделало меня крайним индивидуалистом, одиночкой. Возможность, в течение десятилетий почти, по своему социальному положению и связям, видеть «кулисы» царского правительства, «старого государства», изнанку блестящего гвардейского и светского быта, салонов и канцелярий; непосредственное (в иных случаях даже интимное) общение 1900^x годах с рядом руководителей городского и земского движения, лидерами наших радикалов и либералов; знакомство (во время поездок в Германию и Францию) с западной «демократической» – радикальными и соц[иал]-дем[ократическими] кругами, привели, в конечном и общем итоге, не только к ненависти к царизму, но и к отрицанию даже и «демократического» государства: по убеждениям своим в течение всей почти активной политической своей жизни я примыкал к «революционному синдикализму», теорией которого очень

увлекался в 1900^x годах и с практикой которого ознакомился (при посредстве Лягарделля³⁰) в бытность мою в Париже.

Теми же общими условиями (усугубленными воздействием литературы), возвращена была и третья характерная для меня черта: романтизм. Черта эта сказалась и в «слове», «и в деле»: так, отказ от Парижского корпуса и Александровского Лицея – и уход в университет, – притом на естественный факультет, для тогдашнего моего круга однозвучный «базаровщине» – по традиции безбожный и «красный» факультет, – был именно «романтическим жестом», лишенным еще четко-осознанного политического содержания; таким же «романтическим» было и участие в политических «университетских беспорядках» 1899 г., за которое я был, в числе прочих, исключен из университета, с 4го курса (сдать государственные экзамены в связи с этим удалось только два года спустя).

Жизненные интересы мои были направлены в те годы полностью по научной линии. Еще на 3^м курсе я получил золотую медаль за конкурсное сочинение и по окончании университета стал готовиться к профессуре. Имел несколько научных командировок в Среднюю Азию (в том числе на Анзобскую чуму 1899 [г.]³¹) и на Кавказ, напечатал несколько научных работ³². Вместе с тем я усиленно занимался литературой, много читал, широко используя знание шести языков, дававшее возможность изучать классиков и западных писателей в оригинале; в университете параллельно с естественными науками я слушал лекции по философии, истории литературы и истории. Но писал я в эти годы исключительно «для себя»: импульса к литературным выступлениям тогдашняя моя жизнь не давала.

Подступы к Пятому году привели меня к перелому, резко переместив³³ из сферы научной в сферу активной общественной работы. В 1904 [г.] я связался с эсеровским подпольем, за которым и закрепился надолго: мне – индивидуалисту, синдикалисту и романтику – были, естественно, ближе всего террористы и боевики соц[иалистических] революционеров. К тому же при отсутствии сколько-нибудь серьезной политической подготовки «боевая» специальность была мне более по плечу, а военные мои связи и служба в постоянном учебном составе Академии Генерального Штаба (где я заведовал библиотекой, музеем,

³⁰ Юбер Лягарделль (фр. Hubert Lagardelle) (1874–1958) – французский политик, теоретик и лидер национал-синдикализма.

³¹ Анзобская чума – эпидемия чумы в кишлаке Анзоб Самаркандской области Российской империи. Когда врачи узнали об эпидемии, в кишлаке из 387 жителей осталось в живых только 150. Для исследователей представляют интерес проводимые мероприятия по ликвидации чумы. Подробнее см.: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (материалы и очерки). М. 1960. С. 242–243.

³² Среди опубликованных научных работ: *Мстиславский С.Д.* Гальча: (Первобыт. население Туркестана). М. 1901. 16 с.; *Он же.* Суворовский музей. Описание памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея, при Николаевской академии Генерального штаба. СПб. 1901. 68 с.; *Он же.* Библиография Афганистана. СПб. 1908. 123 с.; *Он же.* Летопись военной печати. СПб. 1911. 113 с.

³³ Далее зачеркнуто: «меня».

типографией и др[угими] вспомогат[ельными] учреждениями), преуказывали военно-революционную организаторскую деятельность Я специализировался на вопросах вооруженного восстания; работал боевым инструктором в рабочих дружинах за заставами, организовывал офицерские кружки (Петербург, Москва, Выборг). В 1905–1906 [гг.] был председателем Питерского «Боевого Рабочего Союза» (объединения районных боевых дружин) и председателем Всеросс[ийского] Военного (позднее «Офицерского») Союза, членом «Междупартийного Боевого Комитета» по подготовке восстания в Питере; принимал участие в подготовке Кронштадтского восстания и т. д. На почве этой состоялась летом 1906 [г.] моя первая встреча с В.И. Лениным: мне приходилось «консультировать» по военным и боевым вопросам и большевистскую организацию, связь с которой установилась через тов[арища] Красина, входившего от большевиков в «Междупартийный Комитет».

На этой работе пользование оружием слова ощущалось уже как необходимость: я стал писать прокламации и статьи в подпольной прессе; в 1906 [г.] отпечатана была (нелегально, конечно) первая моя книжка – «Краткое руководство к уличному бою». С 1906 по 1910 [гг.] я редактировал ряд подпольных изданий, в том числе орган «Всер[оссийского] Офицерского Союза» – «Народная армия», который приходилось за отсутствием сотрудников в тогдашние годы тяжелой реакцией заполнять в значительной части собственными статьями.

Весной 1910 [г.] я был арестован и посажен в Петропавловскую крепость по обвинению в подготовке восстания войск Финляндского военного округа, во главе которого я должен был по заведомо ложному утверждению Охранного отделения стать в качестве «диктатора». Через год дело это было прекращено постановлением Окружного суда – «за недостаточностью улик».

Практическая общественная и революционная работа после провала 1910 [г.] естественно оказалась временно весьма затруднительной: с тем большей интенсивностью стал я работать «словом»: уже с периода крепостного сидения начинается регулярная литературная работа, почти исключительно публицистическая; кроме очерков и статей мною до революции напечатаны были только три беллетристических вещи (написанная в крепости-рассказ «Живец» (1910)³⁴ и «Песни из плена»³⁵, и рассказ «Аэрникон»³⁶) очерками печатались первоначально в «Русском богатстве», но с крепкими купюрами; более свободную от редакционного воздействием трибуну я получил лишь в 1912 [г.] – с организацией лево-народнического журнала «Заветы», в редакционный состав которого я вошел редактором отдела внутренней политики. В «Заветах» я писал ежемесячно, из номера в номер. (Серия очерков «Свое и чужое», статьи о В. Гаршине, Б. Шоу и др.).

³⁴ Живец // Русское Богатство. 1910. № 12. С. 89–100.

³⁵ Песни из плена // Заветы. 1912. № 8. С. 62–71.

³⁶ Аэрникон // Заветы. 1913. № 12. С. 13–42.

«Заветы» были закрыты правительством в самый день объявления империалистической войны. Сборник «Дневники», которым редакционное ядро «Заветов» попыталось продолжить свою работу, был конфискован в типографии до печати, ввиду резко антивоенного характера его. Возможность «легально» писать по вопросам текущей политики, т[аким] обр[азом] была «пресечена»; нелегального органа, в котором я мог бы сотрудничать, не было; писательская работа моя во время войны свелась к писанию военных обзоров (в «Дне», «Русских Ведомостях» и др.) и довольно широкому участию в кооперативной прессе (брошюра «Рабочая кооперация»³⁷, вышедшая 2^{мя} изданиями, и ряд статей) – в связи с переходом моим на работу в кооперацию, – единственную область, где по условиям военного времени для меня возможна еще была организационная деятельность среди рабочих; я был мобилизован, но допуск в действующую армию был мне распоряжением Ставки воспрещен по политической неблагонадежности, и я оставался в Петербурге, числясь при Академии. Я принял близкое участие в организации Петроградского Союза рабочих потребительских обществ и был первым его председателем, председательствовал в Неторговом Отделе Северного Областного союза кооперативов и т. д. Работа эта привела к установлению известных связей: в частности, по предложению группы рабочих-путиловцев, стоявших на интернационалистских позициях, мною был написан «Ответ рабочих» на известное письмо Вандервельде, распространенный в гектографированном виде³⁸.

Незадолго до февраля несколько руководителей Союза было арестовано; освобожденные из «Крестов» в день Февральского переворота они вызвали меня в Таврический дворец – на формирование штаба восстания; мне поручено было руководство боевыми действиями в городе. В последующем я был кооптирован в Исполнительный комитет, работал в Солдатской секции Совета и в «Союзе офицеров-социалистов» (тов[арищ] председатель). 9го марта 1917 [г.] был командирован в качестве «чрезвычайного комиссара Совета» в Царское Село для ликвидации назначенной Временным Правительством отправки быв[шей] императорской фамилии в Англию, и замены фиктивного ареста

³⁷ Рабочая кооперация / С.Д. Масловский (С.Д. Мстиславский). Пг. 1917. 48 с.

³⁸ Вероятно, речь идет о письме Эмиля Вандервельде, известного бельгийского политического деятеля, социалиста и председателя II Интернационала, написанном в самом начале Первой мировой войны и обращенном к российскому пролетариату с просьбой поддержать военный конфликт. (Письмо впервые опубликовано: *Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг.* / сост. С.В. Тютюкин. М. 1996. С. 351–352). Письмо распространялось среди левых политических партий и организаций и вызвало негативную реакцию российской социалистической и коммунистической общественности. Она выразилась в ряде «ответных писем», адресованных Э. Вандервельде. Так, например, помимо письма С.Д. Мстиславского, свои «ответы» составили ЦК РСДРП(б) и редакция журнала «Наша заря» меньшевиков-ликвидаторов. См.: *Пирейко А.В.* тылу и на фронте Империалистической войны. Воспоминания рабочего. Л. 1926. С. 8; *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986).* Т. 1. 1898–1917 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1983. С. 458–460.

Николая Романова³⁹ – арестом действительным. Был председателем Солдатской секции Всероссийского совещания Советов. По партийной линии, будучи одним из лидеров левого «интернационалистского» крыла партии, был членом Петроградского Комитета, тов[арищ] председателя Северного Областного комитета, членом редколлегий газет «Дело Народа» и «Земля и Воля» и т. д. Быстрое и резкое обострение межфракционной борьбы внутри партии [эсеров], начавшееся на первой, Мартовской конференции⁴⁰, которой я выступал вторым докладчиком по вопросу о войне от интернационалистов, против Гоца и Керенского; прокламация «левых» о поддержке июльского выступления большевиков, написанная мною и напечатанная, вопреки запрещению соглашательского ВЦИКа, в типографии Академии, выборным директором которой я в это время был; статьи и выступления против июльского наступления Керенского; статья «Прямым путем», ставившая вопрос о немедленном выходе из войны, и т. д. – привели к организованной кампании «правых» против меня и постепенному вытеснению как из руководящих органов партии, так и со столбцов [эсе]ровских газет. Выпуск газеты «Народная Армия» (орган Союза офиц[еров]-социалистов), которую я редактировал в первый после февральский период, прекратился, т. к. Врем[енное] Правительство запретило доставку газеты в действующую армию и тем самым закрыло отпуск бумаги и приток средств. Только перед самым Октябрем организация левыми собственной газеты «Знамя Труда» – вернула меня к редакторской и публицистической работе.

Кроме партийной и «думской» работы (был председателем Рождественской районной думы), я принимал участие в формировании Красной гвардии и в дни Корниловщины был комендантом Красной Гвардии Рождественского района.

Октябрьская революция открыла возможность работы полным напряжением сил. На 2^м Всероссийском (Октябрьском) Съезде Советов я был председателем фракции социалистов-революционеров и после раскола ее вошел в президиум Съезда от «левых». При организации партии левых с[оциалистов]-р[еволюционеров] (интернационалистов) вошел в

³⁹ Речь идет об аресте в Царском селе 7–9 марта 1917 г. бывшего императора Николая II и его семьи, а также политическом противостоянии Временного правительства в лице Государственной Думы и Петроградского Совета. Активное участие в этом принимал С.Д. Мстиславский, назначенный чрезвычайным комиссаром Петроградского Совета. Решение об аресте было принято на фоне попыток Временного правительства организовать отъезд Николая II в Великобританию, и «мягких», с точки зрения Совета, условий содержания под стражей членов императорской семьи. По итогам переговоров двух центров власти бывшего императора и его семью оставили в Царском селе, не заключив в Петропавловскую крепость и запретив выезд семьи Романовых в Великобританию. См.: Мстиславский С.Д. Пять Дней. Начало и конец Февральской Революции. 2-е изд. Берлин. 1922. С. 41–61; Князев М.А. К вопросу об отъезде Николая II и царской семьи в Англию после падения монархии в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 62–69.

⁴⁰ Речь идет о Первой Петроградской конференции партии социалистов-революционеров, которая состоялась 2 марта 1917 г. Среди прочих вопросов, на конференции обсуждалась организация литературной комиссии и издательской деятельности партии. См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. Февраль-октябрь 1917 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. 2000. С. 26–27.

состав ее Центрального комитета. По советской линии работал, гл[авным] обр[азом], в области «исконной» моей военной и боевой специальности был председателем комиссии организации партизанских войск ВЦИК, начальником Главного Штаба партизанских войск при Комитете Революционной обороны в Петрограде, а в дальнейшей Комиссаром всех партизанских отрядов и формирований РСФСР, работал во ВЦИКе, членом которого был до 5го съезда⁴¹; входил в качестве уполномоченного ВЦИК в состав первой Брестской мирной делегации, и т. д. На Таганрогском съезде Советов Украины (весной 1918 [г.]) избран был в состав первого Советского правительства Украины – Народного Секретариата (Народный Секретариат по военным делам); во время наступления австро-германцев к Ростову назначен был командующим обороной фронта Воронеж-Зверово. После эвакуации украинского правительства в Москву принимал участие в шедшей под руководством А.С. Бубнова (также входившим в состав «девятки» – Народного Секретариата) подготовке восстания на Украине и совместно с А.С. составил «Руководство для военно-революционных Комитетов», отпечатанное на русском и украинском языках.

Убийство Мирбаха, сопутствовавшие ему события, приведшие к резкому разрыву между мною и большинством Ц[ентрального] К[омитета], заставили меня – после нуждавшейся попытки ликвидировать «Кашковскую группу» на осеннем съезде «левых», выйти из партии; временно оставшись «вне политики», я стал на работу в Моссовете, в Отделе народного образования. При организации украинской партии левых с[оциалистов]-р[еволюционеров] (борьбистов) я вошел в состав ее Ц[ентрального] К[омитета], переехал в Киев, где и работал до осени 1919 [г.] на ответственных должностях в Наркомпросе, Наркомпропе, Губпрофсовете и Всеиздате (зав[едующим] редакционным отделом). Был председателем Всеукр[аинского] Литературного комитета.

Весь период этот был вместе с тем периодом чрезвычайно интенсивной (иногда 2–3 статьи в день) публицистической и редакционной работы (газеты «Знамя Труда» и «Борьба», журналы «Наш путь», «Заря» и др.), на которой по-прежнему лежала печать синдикалистских и «повстанческих» моих установок. За это же время вышли книжки – «Брестские переговоры» (2 издания), «Не война, но восстание» (3 издания).

Во время Деникинщины остался в Киеве на подпольной работе. При восстановлении Советской власти был избран в состав Временного правительства – Всеукр[аинского] Военно-революционного Комитета, но в должность эту не вступил, оставшись в Киеве, где вошел в губисполком,

⁴¹ V Всероссийский съезд Советов (Пятый Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов) проходил с 4 по 10 июля 1918 г. в Москве; съезд принял Конституцию РСФСР 1918 г. См.: РСФСР. Съезд Советов (5; 1918; Москва). Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4–10 июля 1918 г. / РСФСР. М. 1918. 254 с.

приняв заведование Отделом искусств и книги; основная работа, которую пришлось в этот период вести (кроме партийной и редакционной в газете «Борьба»), шла гл[авным] обр[азом] по линии реорганизации театрального дела.

При наступлении поляков руководил мобилизацией партийцев на фронт и «за фронт» (работал в Закордоте⁴²), а в дальнейшем находился при Реввоенсовете XII армии. Участвовал в качестве делегата от Киевщины во 2-м Всеукраинском Съезде Советов⁴³, на котором выступал содокладчиком т[оварища] Зиновьева по международному вопросу.

По окончании польской кампании, неправильно расценив дальнейшие в связи с переходом к «мирному строительству» перспективы развития революции (ошибка, усугубленная затем неправильным истолкованием перехода к нэп), я отошел от активной политической деятельности, вышел из партии, и перешел на профсоюзную работу: сначала в Доркпрофсож'е⁴⁴ Юго-Зап[адной] ж[елезной] д[ороги] (зам[еститель] зав[едующего] Политпросветом), а с 1921 [г.] – в Красный Интернационал Профсоюзов (редактором неперIODических изданий Профинтерна); в 1925 [г.] – перешел в большую Советскую энциклопедию, пом. главного редактора; в 1930-31 [гг.] был редактором журналов ВОКС⁴⁵.

Уже в первые «профинтернские» годы мною была осознана ошибочность моей установки и необходимость серьезнейшего «переворужения», потребовавшего долгой и систематической работы, которую я и сейчас не могу считать законченной.

В области литературной – переход к профсоюзному «делу» естественно привел и к новому направлению «слова»: за шесть лет 1920–1925 [гг.] – мною был опубликован ряд книг и статей по вопросам международного рабочего движения. Наряду с этим я читал лекции по рабочему движению на Западе, в Центрпрофшколе и Педагогическом институте им. Литкенса, руководил редакционно-издательским циклом в Брюсовском институте, а после его закрытия – на Высших госуд[арственных] литерат[урных] курсах, где, кроме того, вел мастерскую прозы.

В те же годы передо мною весьма настойчиво стал вопрос о целесообразности литературного использования прошлого – за полвека почти общественной работы накопленного опыта. В связи с этим я перенес центр тяжести литературной моей работы с привычной мне публицистики на беллетристику

⁴² Зарубежный отдел ЦК КП(б) Украины (укр. Закордонний відділ ЦК КП(б)У, Закордот ЦК КП(б)) – структурное подразделение ЦК КП(б) Украины для ведения агентурно-разведывательной и информационной деятельности.

⁴³ II Всеукраинский съезд Советов проходил с 17 по 19 марта 1918 г. в г. Екатеринославе (ныне – г. Днепр). Съезд объединил все советские образования и силы на территории Украины в единую Украинскую Советскую Республику со столицей в г. Харькове.

⁴⁴ Дорожный комитет профессиональных союзов (Дорпрофсож) – профсоюзная организация, в которой работал С.Д. Мстиславский в 1920 г. в Киеве.

⁴⁵ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) – советская общественная организация, основанная в 1925 г. В 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

и драму, поскольку именно эти формы представлялись наиболее действенными, наиболее способными «доходчиво» и четко восстановить в образах этот акт прошлой жизни и прошлой борьбы. В этом плане начата была мною серия романов «На тропе», в которой я поставил себе задачу показать на фоне российской жизни с середины 90^х годов эволюцию центральных лиц серии: от индивидуализма, порожденного специфическими условиями старого строя, к всестороннему и гармоническому раскрытию личности в коллективе, в условиях строя, к которому мы идем. Серия была спланирована в пяти книгах: две первые – «Крыша Мира» и «На крови» вышли в 1925–1928 гг., третья часть – «У старцев» (охватывающая период реакции 1900^х годов и жизнь тогдашнего революционного подполья в противопоставлении «религиозному подполью» в мистику ушедшей интеллигенции) – давно уже в работе. Следующие две части – «Борьба за огонь» и «Записки моего внука», – находятся еще в стадии первоначальных набросков.

В том же плане использования материалов прошлого «дела» написаны романы: «Союз тяжелой кавалерии» (популярный, из эпохи 1917–1918 гг.) и «Без себя» (Деникинщина на Украине), и находится в работе «Первый год» (начало гражданской войны, Украина и Москва). «Прологом» т[ак] ск[азать] к основной моей серии должен служить законченный уже роман «Партионцы» (Народовольцы 1884 г.)

На исторические же темы написаны мною пьесы: «На крови», «Шах и Мат», «Буревестники».

Работы на историческом материале (которые я считал для себя обязательным в первую очередь, поскольку «владеющих словом», знавших прошлую эпоху на личном жизненном опыте очень немногo) – работа по «переворужению» и, в известной мере, причины бытового порядка, не давали мне в течение последних лет возможности «переключиться» на ту «практическую» – «делом» – общественную работу, в которой для меня ключ к современной, в точном значении слова, тематике. В силу этого в данной области, я писал лишь на отдельные, частные темы (статьи и очерки в «Известиях» и «Октябре», журналах ВОКС, повесть «Восстание сусликов» в ж[урнале] «Пламя»). Равным образом и в последних по времени моих работах – авторских рассказах («Повесть о Черном Магоме», «Потерянный и возвращенный рай» и не отданные еще в печать «[...]») и пьесе «Судьба гор», написанных на материале трех поездок в Австрию, я шел еще «по линии наименьшего сопротивления», поскольку материал взят в области, где еще силен хорошо мне известный старый быт и проще процессы идущих сдвигов. Крупная же, и направленная, наконец, по линии наибольшего сопротивления работа – на тему о сегодняшнем этапе революции и новых в процессе социалистического строительства взрослых и возрастающих людях, задуманная и набросанная в черновом плане в прошлом году в бытность мою на маневрах

(роман «Броневые») – закончена будет только после моего «переключения», поскольку для меня по-прежнему единственным верным творческим методом является сочетание действие «дела» и «слова».

И огромность перспектив, широко раскрытых перед советской литературой, тем, на мой взгляд, и определяется, что в условиях нашей революционной эпохи и советского строя, столько непримиримо далекого от тех государственных форм, от которых я уходил в синдикализм сорок лет назад, – перед «владеющим словом» открыты воистину безграничные возможности творческого труда – именно на путях того сочетания «дела» и «слова», которое одно в силах создать полноценное произведение искусства.

Библиография

I До Октябрьской революции.

Книги:

- 1) Краткое руководство к уличному бою. СПб. 1906 (нелегально).
- 2) Афганистан (библиография). Сборник Ср[едне] Аз[иатского]. Отдела Общества Востоковедения. [...]. II). СПб. 1908.
- 3) Война и евреи (против законопроекта об исключении евреев из армии) (анонимно, под ххх). СПб. 1912.
- 4) Рабочая кооперация. СПб. 1916. (2^е издание. 1917).

Очерки и рассказы.

- 1) Живец (рассказ). Рус[ское] Богатство. 1910, № 12.
- 2) Песни из плена. Заветы. 1912, № 8.
- 3) Аэрникон (рассказ, под псевдонимом Сергей Бахарь). Заветы. 1913, № 12.
- 4) Очерки: «Марсова потеха», «Помпонная идеология», «Без евреев» – в «Рус[ское] Богатстве» 1911–1912.
- 5) Очерки «Свое и Чужое» в «Заветах» 1912–1914 гг.

Статьи

в нелегальной прессе («За Народ», «Народная Армия», «Военный Союз» и др.) кооперативный и военные обзоры в газетах «День», «Русские Ведомости» и др.

II После Октябрьской Революции

Книги

- 1) Брестские переговоры (из дневника) СПб. Изд. «Скифы»: 1е 1917, 2е 1918.
- 2) Не война, но восстание. Изд[ания] 1–3, М., 1918, «Рев[олюционный] Социализм».

- 3) Пять дней (начало и конец Февральской революции). 2 издания. СПб.–М.–Берлин. Изд[ательство] Гржебина (переводы на украинский, французский и английский языки).
- 4) Классовая война в Германии. М., 1924. ГИЗ.
- 5) Рабочая Англия. М., 1924. ГИЗ.
- 6) Очерки мирового рабочего движения. М., 1925. ГИЗ.
- 7) Профсоюзы и их международное объединение. М.–Л., 1925. Гудок.
- 8) Крыша мира (роман), Изд. 1е М., Недра, 1925; 2е 1927, ГИЗ; 3е 1930, ГИЗ; 4е Федерация
- 9) Гибель царизма. Л., 1927. Прибой.
- 10) Октябрьские дни. М., 1927. Гудок
- 11) На крови (роман). Изд. 1е. М., 1928. ГИЗ; Изд. 2е. М., 1930. Федерация.
- 12) На крови (пьеса). 1928. (постановка театра им. Вахтангова).
- 13) Шах и мат (пьеса). 1928 (шла в провинции).
- 14) Профсоюзы на Востоке. Л., 1928. Лен. Губпрофсовет.
- 15) Союз тяжелой кавалерии (роман). М., 1929. ГИЗ (печатался, до выхода отдельным изданием, в «Рабочей Газете» и «Пионерской Правде»).
- 16) Без себя (роман). М., 1930. ЗИФ.
- 17) Буревестники (пьеса). (принята МХАТ с 2, но постановка не осуществилась; шла в Баку и на Украине).
- 18) Черный Магома (рассказы о старой уходящей Аварии) М., Федерация. 1932.
- 19) Судьба гор (пьеса). М., 1932.
- 20) Приключения святого халата (антирелигиозный фильм, по заказу Востоккино). М., 1931–32.

Рассказы и очерки

1. За красной звездой (Сборник «За красной звездой», Киев, 1919).
2. Записи о Ленине (Сборник «О Ленине», т. IV) М., 1925.
3. Повесть о Черном Магоме. Ж[урнал] Октябрь. 1928.
4. Семидневный субботник. Очерк. Ж[урнал] «Октябрь» 1929.
5. Кладоискатели на Хибинах. Очерк. Ж[урнал] Октябрь, 1929.
6. Воспоминания о Пятом годе. Ж[урнал] «Каторга и Ссылка», М., 1928.
7. Военно-революционные организации 1905–1907 гг. М. Ж[урнал] «Каторга и ссылка». 1929.
8. Деникинщина на Украине (серия очерков). «Былое».
9. Восстание сусликов (повесть). Ж[урнал] «Пламя».
10. Смена подполий. Ж[урнал] ЛОКАФ, 1931. № 11.
11. Справедливый абрек. «Огонек», 1931.
12. «Потерянный и возвращенный халат». Кр[асная] Новь, 1932, № 5.
13. Поединок (отрывок из романа «Партионцы»). Прол[етарский] Авангард, № 3, 1932.

Статьи:

в журналах и сборниках: «Скифы» (1917), «Зори» (1919), «Наш путь» (1918); «Экран» (1922), «Красный интернационал профсоюзов» (1922–1926), «Вестник труда» (1922–1926), «Книга о книгах» (1924); «Жизнь искусства» (1928), ВОКС (1930–31), «Прожектор», «Огонек», «Красная панорама».

Ряд крупных статей в тт. 1–17 «Большой Советской энциклопедии», ряд монографий по рабочему движению – Австрии, Великобритании, и т. д. в Справочнике Профинтерна «Международное Профессиональное движение» т. I–VI.

Статьи в «Красном Интернационале» и журналах ВОКС выходили в английском, немецком, французском переводе. Статья о гильдейском социализме вышла отдельной брошюрой на арабском языке.

в газетах

«Народная Армия» (1917), «Дело народа» (1917), «Земля и воля» (1917), «Знамя труда» (1917–1918), «Борьба» (1919–1920), «Известия ВЦИК» (1928–29) «Труд» (1922–1926), «Гудок» (1922–26), «Красная Газета» (1925–1929), «Бакинский рабочий» (1927).

Редакционная работа

Ответств[енный] редактор: газеты «Народная Армия» (1917), журнала «Зори» (1919), детского журнала «Ковер-самолет» (1919), библиографического журнала ГИЗ'а «Книга о книгах» (1924); редактор неперіодических изданий Профинтерна (1924–1925); пом[ощник] главного редактора ДСЭ (1925–1930); редактор журналов ВОКС (1930–1931); редактор изд[ательства] «Федерация» (1932).

Член редакц[ионных] коллегий: сборника «Скифы» (1917–18); газет: «Дело народа» (1917), «Земля и Воля» (1917), «Социалист-революционер» (1917), «Знамя Труда» (1917–1918), «Борьба» (1919); журнала ЛОКАФ (1931–32).

РГАЛИ. Ф. 506. Оп. 1. Ед. хр. 512. Л. 1–17. Подлинник. Рукопись.

3.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА С.Д. МСТИСЛАВСКОГО
О ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ И РЕДАКЦИОННОЙ РАБОТЕ**

[1925] г.

Справка

о литературной и редакционной работе⁴⁶

С.Д. Мстиславского

⁴⁶ Подчеркнуто волнистой линией.

В 1902 [г.] поместил несколько очерков (о Средней Азии) в газете «Россия». С 1905го [г.] – регулярное сотрудничество в нелегальной партийной (с[оциально]-р[еволюционной]) прессе. В том же 1905^м [г.] нелегально издана моя брошюра «Руководство к уличному бою». С 1905 [г.] до своего ареста в 1910 [г.] – редактировал подпольный орган Всероссийского Военного Союза («Военный Союз», с 1906го [г.] – «Народная Армия»). В легальной прессе напечатал за этот период ряд статей по библиографии и библиотековедению; издал несколько библиографических работ; сотрудничал в «Русском Биографическом Словаре» Исторического общества. С 1910 [г.] начал работать в «Русском Богатстве» (рассказ «Живец», статьи: «Помпонная идеология», «Без евреев», «Марсова потеха», и др.); с 1912 по 1914 [гг.] вел отдел внутренней политики в журнале «Заветы», членом редакционной коллегии которого состоял до закрытия журнала Министром внутр[енних] дел в день объявления войны. Помимо статей, очерком и критических заметок, в «Заветах» напечатаны были: «Песни из плена» и рассказ «Аэрникон». К 1913 [г.], с связи с агитацией «черных» на исключение евреев из армии напечатал книгу «Война и евреи» (анонимная, под ххх). Осенью 1914 [г.] совместно с А.И. Иванчиным-Писаревым и Ивановым-Разумником составил антивоенный⁴⁷ сборник против войны⁴⁸ «Дневники» (из статей, названных трех авторов), конфискованный полицией в типографии во время печатания. С 1914 по 1917 [гг.] – вел военные обзоры в ряде газет (День, Русские ведомости, Киевская Мысль и др.) под псевдонимами: С. Димитриев, С. М-ский, Белозерский и др. Эпизодически помещал статьи по внешней и внутренней политике в «Дне», работал в кооперативной печати (брошюра «Рабочая кооперация» – 2 издания; и статьи). Совместно с А.И. Иванчиным-Писаревым (после его смерти – с А. Белым) и Ивановым-Разумником редактировал сборник «Скифы». В 1917 [г.] – был редактором газеты «Народная Армия», членом ред[акционной] коллегии газеты «Дело Народа», «Земля и Воля», «Знамя труда», «Социалист-революционер». В том же году выпустил книги: «Брестские переговоры» (2 издания), «Не война, но восстание» (3 издания). В 1918–1919 [гг.] был членом ред[акционных] коллегий газет «Знамя Трета» (Москва) и «Борьба» (Киев), журналов – «Наш путь», «Борьба», редактировал журнал «Зори» – орган Всеукраинского Литер[атурного] Комитета; председателем которого был до занятия Украины Деникиным и моего перехода в подполье. Составил, совместно с А.С. Бубновым «Руководство для военно-революционных Комитетов» – (на русском и украинском языках). Был членом коллегии Наркомпропа и Всеиздата, зав[едующим] русским отделом Всеиздата. Руководил Литературной студией в Киеве («Мастерская слова»). В 1920 [г.] – заведовал Отделом искусств и книги Киевского Губисполкомы; был завед[ующим] Домом Печати в Киеве и руководителем одного из отделов Роста.

⁴⁷ Над текстом подписано.

⁴⁸ Над текстом подписано, в машинописном варианте часть текста отсутствует.

С 1921 по 1923 [гг.] – был редактором неперIODических изданий Профинтерна⁴⁹. В 1924 [г.] редактировал библиографический журнал ГИЗа «Книга о книгах». За эти годы вышли книги: «Классовая война в Германии» (ГИЗ), «Рабочая Англия» (ГИЗ), «Очерки мирового рабочего движения» (ГИЗ), «Пять дней» (начало и конец Февральской революции – изд[ательство] Гржебина), «Записи о Ленине» (IV сб[орник] воспоминаний о Ленине). С 1925 [г.] по настоящее время – помощник Главного Редактора Большой Советской Энциклопедии. В этот период вышли книги: «Гибель династии» (Прибой), «Октябрьские дни» (изд[ательство] Гудок), «Профсоюзы на Востоке» (Ленинградский Губпрофсовет), ряд статей (гл[авным] обр[азом] по вопросам рабочего движения) в Труде, Гудке, Кр[асной] Газете, Бакинском Рабочем и др., равно как и в журналах – Вестник Труда, Красный Интернационал Профсоюзов и др. Написано несколько предисловий и книг по рабочему движению. Напечатал в «Каторге и Ссылке» (1928–1929 [гг.]) воспоминания о 1905, 1906, 1907 годах. С 1929 [г.] – регулярное сотрудничество в газете «Известия» и журнале «Октябрь».

В те же годы читал лекции по редакционному делу в Брюсовском Институте, а затем на Высших Гос[ударственных] Литературных курсах, где руководил редакционно-издательским циклом. В 1928–1929 [гг.] – вел на тех же курсах мастерскую, прозы (и драматургии).

В области беллетристики за это время напечатал романы: «Крыша мира» (2 изд[ания]), «На крови», «Союз тяжелой кавалерии»; в октябре с[его] г[ода] должен выйти (в ЗИФе) роман «Без себя». В ноябре 1928 [г.] поместил в «Октябре» «Повесть о Черном Магоме».

Драмы: «На крови» (театр Вахтангова), «Шах и мат» (запрещена цензурой), «Восстание сусликов» (на рассмотрении в Главреперткоме).

*РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Ед.хр. 502. Л. 3–3 об. Подлинник. Рукопись. Л. 41–41 об.
Копия. Машинопись.*

4.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА С.Д. МСТИСЛАВСКОГО О ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ И РЕДАКЦИОННОЙ РАБОТЕ

[не ранее 1934] г.

Справка

о литературной и редакционной работе

С.Д. Мстиславского

1901 г. – Русский Антропол[огический] журнал. № 2 «Гальча» /
Первобытное население Туркестана/.

⁴⁹ Далее текст из машинописной копии.

газ[ета] «Россия» – Туркестанские очерки.

«Живописная Россия» – статьи о Финляндии и Туркестане.

1904 г. – Русский Библиографический Словарь /Русско-Историч[еского] Общества/. Биографии Толь, Тотлебен, Торماسов, Репнины, Суворов, Шереметьев и др.

1905 г. – Пьеса «Во сне».

1905 г. – В нелегальной прессе «Военный союз» – редактирование и статьи.

1906 г. – 1909 [г.] ... «Народная армия» – редактирование и статьи.

1906 г. – В подпольной типографии напечатано «Краткое руководство к уличному бою». /Издание Петерб[ургского] Боевого Рабочего Союза/.

1908 г. – Афганистан /библиография/. Сборник Средне-Азиатского Отдела Общества Востоковедения. Вып[уск] II. /Отд[ельная] книга/.

1910 г. – Помощник редактора «Известия Имп[ераторской] Николаевской Военной Академии».

Редактор журнала «Летопись военной печати» /Изд[ательство] Военной Академии/.

Статьи в журн[але] «Русское Богатство».

1910 г. – № 12 «Живец» /рассказ/.

1911 г. – № 9 «Марсова потеха».

№ 10 «Поклонная идеология».

1912 г. – № 2 «Без евреев».

1912 по 1914 [гг.] – Член редакционной коллегии журнала «Заветы» / редактор Отдела внутренней политики / «Свое и Чужое» /: в этом отделе – помещен ряд статей /в каждом III/. Кроме того, в том-же журнале помещено:

1912 [г.] – № 8 «Песни из плена» /стих[и] в прозе/;

1913 [г.] – № 12 «Аэрникон» /рассказ/ /[под] псевд[онимом] Сергей Бахарь/.

1912 [г.] – Книга «Война и евреи», СПб /под ^{xx}/.

1914 [г.] – Редактор /совместно с А. Иванчиным-Писаревым и Ивановым Разумником/ сборника «Дневники» /конфискован/.

1914–1917 [гг.] – Военные обзоры в газ[етах] «День», «Русские ведомости», Киевская мысль и др[угие] по псевдонимами С. Дмитриев, С. М-ский.

* * * – Эпизодически статьи по внутренней и внешней политике и кооперации в газ[ете] «День»;

1916 [г.] – Ряд статей в кооперативной прессе под псевд[онимом] С. Черемшанский⁵⁰.

1916, 1917 [гг.] – «Рабочая кооперация» Брошюра. 2 издания. Издат[ельство] «Революционная мысль».

1916–1918 [гг.] – Редактор сборников «Скифы» /2 сборника/. В I Сборнике – передовая, во II – статья об Иванчине-Писареве.

⁵⁰ «Ша» подписано черными чернилами над текстом

1917 [г.] – Редактор газеты «Народная армия».

Статьи – там же.

* Член редакционной коллегии «Дело Народа», «Земля и Воля», «Знамя Труда», «Социалист-революционер».

Статьи – там же /ежедневно. Иногда по 2–3/.

1917–1918 [гг.] – Брошюры: «Брестские переговоры» /2 изд[ание] в изд[ательстве] «Скифы»/, «Не война, но восстание» /3 изд[ание]//.

1918 [г.] – Член ред[акционной коллегии газ[еты] «Знамя Труда» /Москва;/ журн[ал] «Наш путь» /Москва/.

/Статьи там же/.

1918 [г.] – Брошюра – «Руководство для военно-революционных комитетов» /совместно с А. Бубновым/.

1919 [г.] – Член ред[акционной] коллегии газ[еты] «Борьба» /Киев/ – статьи во всех №№.

* Редактор ж[урнала] «Зори» /Киев/.

/Статьи там же/.

Редактор детского ж[урнала] «Ковер-Самолет».

* Редактор сборника «За Красной Звездой» /на русск[ом] и укр[аинском] яз[ыках]/

1921–1925 гг. – Редактор неперIODических изданий Профинтерна

Редактор «Справочника» Международное профдвижение.

в к-рсы помещен ряд крупных статей о профдвижении Англии, Австрии, Востока и т.д.

1924 [г.] – Редактор библиографического журнала ГИЗа «Книга о Книгах» / статьи и рецензии там же/.

1922 [г.] – Статьи о театре в ж[урнале] «Экран».

1922–1926 – Статьи по рабочему и профессиональному движению в ж[урналах] «Кр[асный] Интернационал Профсоюзов», «Вестник Труда», в газетах «Труд», «Гудок».

1922 [г.] – Книга «Пять дней» /начало и конец февральской Революции/ – 2 изд[ание] в изд[ательстве] Гржебина /М[осква] и Б[ерлин]/ Переведена на укр[аинский] яз[ык] в 1925 г.: на англ[ийский] – 1924 [г.]

1924 [г.] – Книга «классовая война в Германии» изд[ательства] ГИЗ.

* – Книга «Рабочая Англия», изд[ательства] ГИЗ.

1925 [г.] – Книга «Очерки мирового рабочего движения» изд[ательства] ГИЗ.

* – «Крыша мира», роман, 1-ое изд[ание] «Недра»; 2 и 3-е ГИЗ, 1927; 1930.

* – «Записи о Ленине» /Сборник «О Ленине», т. IV, ГИЗ/.

1925–1929 г[г]. – Помощник Главного редактора Большой Советск[ой] Энциклопедии /ряд крупных статей в 1-17 томах БСЭ/.

1926 [г.] – Китайский труд на мировом рынке, Рабочее движение в Китае, Рабочее законодательство в Китае – Статьи в сборнике «Рабочий Китай», 1926.

1927 [г.] – Книга «Гибель царизма» изд[ательства] Прибой.

- * – «Октябрьские дни» /брошюра/ изд[ательства] «Гудок.
1928 г. – «На Крови» /роман/ изд[ание] 1-ое ГИЗ, изд[ание]
2-ое [Федерация] 1930 г.
- * – Статьи о театре в ж[урнале] «Жизнь искусства» /Лен[инград]/.
- * – Повесть о Черном Магоме журнал «Октябрь», библиотека «Огонек».
1928 г. – «На Крови» пьеса
«Шах и мат» пьеса
«Профсоюзы на Востоке» /брошюра/ Ленингр[адский] Губпрофсовет.
1929 [г.] – «Союз тяжелой кавалерии», роман, изд[ательства] ГИЗ.
/печатался в «Рабочей Газете» и «Пионерской Правде»/
- * – «Семидневный субботник», «Кладоискатели на Хабинах» –
статьи в ж[урнале] «Октябрь».
1928–1929 [гг.] – Статьи в «Известиях ЦИК»
1928–1929 [гг.] – «Воспоминания о 1905 и 1906 гг.» в ж[урнале] «Каторга
и ссылка».
1930 [г.] – «Без себя» роман изд[ательства] ЗИФ.
- * – «Буревестники» пьеса.
1930–1931 [гг.] – Редактор журналов ВОКС / [на] англ[ийском], нем[ецком],
франц[узском языке] / и статьи там же.
1930 г. – «Буревестники» Либретто оперы о 1905 годе /по заказу театра
им. Станиславского/.
- Статьи в ж[урналах] «Огонек», «Прожектор», «Красная панорама»,
в газ[етах] «Красная Газета», «Бакинский рабочий».
1931–1932 г[г]. – Редактор издательства «Федерация».
1931–1933 г[г]. – Член ред[акционной] коллегии журнала «ЛОКАФ»
и «Знамя».
- 1931 г. – «Потерянный и возвращенный халат» /повесть/
журн[ал] «Красная Новь», 1932 г.
- 1932 г. – «Партионцы» /роман о «Народной Воле»/
журн[ал] «Октябрь»,
журн[ал] «Пролет[арский] Авангард», издат[ельство] «Федерация», 1933 г.,
«Судьба гор» /пьеса/ журн[ал] «Октябрь», изд[ательство]
«Федерация», 1933 г.,
«Черный Магома» / рассказы о старой, уходящей Аварии/, изд[ательство]
Федерация, 1933 г.,
«Чудотворный халат» сценарий для Восток кино /принят, в производство
не пошел».
- 1933 г. – «Как подпоручик Карамышев завоевал Индию» /рассказ/
журн[ал] «Знамя»,
«Последний солдат» /рассказ/, журн[ал] «Знамя»,

«Дочери вдовы Доссамгарат» /рассказ/ журн[ал] «Огонек»,
«Цепь» /пьеса/ представлена на конкурс,
«Силы небесные» /пьеса/ для театра Осоавиахим /разреш[ена]
Главреперткомом, лит[ера] Б/.

1934 г. – «Как прапорщик Дронов брал Смольный» /рассказ/
журн[ал] «Знамя»,

«Разговор о чести» /рассказ/ журн[ал] Знамя № 3,

«Босые пятки» /рассказ/ журн[ал] «Огонек»,

«Право на тему» /Сборник к XVII с'езду партии/

1934 г. – «Ку-ку» /рассказ/, «Божья коровка» /рассказ/, «Женщина, тигры
и орлы» /рассказ/ – для книги: «Откровенные рассказы полковника Платова
о знакомых и даже родственниках» / Сдана в МТП.

Кроме перечисленных – в книгу включены: Разговор о чести,
Последний Солдат, Прапорщик Дронов.

* * *

РГАЛИ. Ф. 506. Оп. 8. Ед.хр. 502. Л. 46–48 об. Машинопись.

5.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «РАССКАЗЫ О СТАРОЙ АВАРИИ»

1932 г.

Послесловие.

«Рассказы о старой Аварии»⁵¹ – один из литературных итогов трех поездок
моих в высокогорную Аварию – в 1928, 1930 и 1931 г.

Аварское нагорье – былой опыт воинствующего исламизма на Кавказе,
родина всех имамов – от Казы-Муллы⁵², Гамзата⁵³, Шамиля⁵⁴ до Нажмуддина
Гоцинского⁵⁵ и основателя горского эмирата Узуна-Хаджи⁵⁶, – и не вошедших
в историю, но пользовавшихся огромным авторитетом не только в нагорье,

⁵¹ Опубл.: *Мстиславский С.Д.* Черный Магома: рассказы о старой, уходящей Аварии. М. 1932. 148 с.

⁵² Казы-Мухаммедимам Гази-Мухаммад (Гази-Магомед, Казы-Магома, Казы-Мулла) бен Мухаммад бен Исмаил ал-Гимрави (Гимринский) ад-Дагистани (1795–1832) – мулла, мусульманский ученый, богослов.

⁵³ Гамзат-бек или Хамза-бек бин Искандар-бек ал-Хузади (1789–1834) – северокавказский военно-политический и религиозный деятель, имам Дагестана и Чечни. Участник Кавказской войны (1817–1864 гг.).

⁵⁴ Шамиль (1797–1871) – имам Дагестана и Чечни (1834–1859), руководитель борьбы горцев Кавказа против российских войск и местных владетелей под лозунгом мюридизма. В советское время был символом консолидации и сопротивления на Кавказе. См.: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2000. 511 с.

⁵⁵ Нажмудин Гоцинский или Нажмудин Доного, Нажм-ад-Дин ал-Хуци (1859–1925) – северокавказский религиозный, военный и политический деятель, ученый-арабист и поэт, муфтий Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Лидер повстанческого антисоветского движения, до Февральской революции – член Дагестанского народного суда.

⁵⁶ Узун-Хаджа Салтинский или Узун-Хаир-Хаджи-хан (1848–1920) – северокавказский религиозный, военный и политический деятель, эмир Северо-Кавказского эмирата, член парламента Горской республики. Участвовал в антироссийском восстании в Чечне и Дагестане 1877–1878 гг.

но и далеко за кавказскими пределами, вплоть до Египта и Аравии – ученых арабистов – алимов, и разного толка шейхов, возглавлявших многочисленные общины мюридов⁵⁷ в далеких горных аулах. Советизация Аварского нагорья была особенно трудна: партии и Советам приходилось шаг за шагом преодолевать фанатическое сопротивление шейхов, мулл, родовичей, крупных барановодов – ломать одновременно и шариат, и адат⁵⁸, и застарелую, исконную вражду аварцев высокогорья к «плоскости» и ее городам, возвращенную вековой экономической зависимостью нагорья от плоскости. Процесс этой ломки и по сей час еще далеко не закончен, хотя все дальше уже в область преданий отходил шейхизм, меняются экономические отношения, а в связи с ним – все интенсивнее идет классовая дифференциация в ауле, резко меняя классовую расстановку сил; крепнут партийные ячейки, ликвидируется неграмотность, арабская школа сменилась советской, все районы имеют уже собственные печатные органы. Борьба идет еще, но с каждым днем старая многовековая Авария – Авария Шамиля и Хаджи Мурата⁵⁹, набегов на Грузию и «плоскость», кровной мести и священной войны – отходит под напором новой Аварии – Советской и партийной.

Два мира – непримиримых: тем самым – два несоединимых стиля: именно так, – в стилях резко отличных, написаны мною рассказы о Старой Аварии, уходящей, – и новой, вступающей на смену. В силу этого различия стилей правильным представилось разбить рассказы эти на две самостоятельных книги: «Черный Магома» – говорит о Старой Аварии о доживающем аварском предании – на фоне наступающей новой; вторая книга даст Новую Авария на фоне уходящей стародавней аварской легенды.

Пользуюсь случаем – выразить искреннюю и крепкую признательностью Дагестанскому ВКП (б) и Дагестанскому правительству, – в первую очередь т[оварищу] Джелалу Коркмасову⁶⁰ – за то широкое содействие, которым было оказано мне при моих поездках.

РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Ед.хр. 164. Л. 1. Подлинник. Рукопись.

6.

ПИСЬМО С.Д. МСТИСЛАВСКОГО В.Я. КИРПОТИНУ О РОМАНЕ «ПАРТИОНЦЫ»

[1933] г.

⁵⁷ Мюридом в одном из направлений ислама называют начинающего ученика, делающего только первые шаги в духовном самосовершенствовании.

⁵⁸ Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в исламе; противопоставляется официальной мусульманской правовой системе – шариату.

⁵⁹ Хаджи Мурат (ок. 1818–1852) – аварский вождь и военачальник, герой аварского народа. Участник Кавказской войны (1817–1864 гг.).

⁶⁰ Коркмасов Джелал-Эд-Дин Асельдерович (1877–1937) – советский государственный и общественный деятель, революционер, дипломат и публицист. В 1932 г. был членом Президиума ВЦИК РСФСР и Ученого Комитета ЦИК СССР.

Дорогой Валерий Яковлевич⁶¹,

никак не могу достать Вас, а есть спешные дела. Поэтому – пишу.

Во 1х – Вам, вероятно, известно, что Главлит⁶² наложил арест на «Партионцев» (больше, чем через год после их напечатания в «Октябре»⁶³ и через пять месяцев после выхода отдельного издания). Издательство не предупредило меня об этом «террористическом акте» в период его подготовки, сообщив мне об этом *post factum*, на совещании, где т[оварищ] Волин⁶⁴ делал доклад о книге, т[оварищ] Цытин не был, за недосугом: между тем, как выяснилось из моего разговора с т[оварищем] Волиным, с которым мне удалось свидеться только после недели бесплодных телефонных разговоров, – конфискации, конечно же, не было бы, если бы мы переговорили своевременно: ибо никаких оснований для ареста книги, само собой разумеется, нет: нельзя же серьезно считаться с выдвинутым Главлитом соображением, что пример народовольцев-террористов может навести на мысль о терроре утесненного ныне социалистическим наступлением классового врага. При личном свидании я расскажу подробнее об этом весьма поучительном для меня разговоре, где мне инкриминировалась напр[имер] фраза Желябова⁶⁵ о своевременности форсирования подготовки к царубийству ввиду всеобщего недовольства, вызванного голодным 80-м годом, эпидемиями и детской смертностью⁶⁶: «у нас в 1932 [г.] – тоже был голод: сама собой напрашивается

⁶¹ Кирпотин Валерий Яковлевич (наст. Рабинович Семен Израилевич; 1898–1997) – советский литературовед, критик, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁶² Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) – орган государственного управления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 гг. Главлит был учрежден декретом Совета Народных Комиссаров СССР от 6 июня 1922 г., в 1933 г. переименован в Управление Уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати. На момент написания данного письма Главлит возглавлял Борис Михайлович Волин (ГА РФ. Ф. Р-9425).

⁶³ Журнал «Октябрь» – советский и российский ежемесячный литературно-художественный журнал, издававшийся в Москве с 1924 по 2019 гг. Изначально был органом печати при Московской ассоциации пролетарских писателей, в 1933–1934 гг. – Оргкомитета Союза Писателей РСФСР, с 1934 г. – СССР. В 1931–1954, 1957–1961 гг. главным редактором журнала был Фёдор Иванович Панферов (1896–1960), известный также как Марк Солнцев, советский писатель, автор пьес о советской деревне, в 1954–1957 гг. был от занимаемой должности за публикацию критической рецензии П.П. Вершигоры, в которой усматривалось умаление партийного руководства.

⁶⁴ Волин Борис Михайлович (при рождении Фрадкин Иосиф Ефимович; 1886–1957) – советский историк и филолог, журналист, партийный и государственный деятель. В 1931–1935 гг. был начальником Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит).

⁶⁵ Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – революционер-народник, член «Народной Воли», одним из непосредственных организаторов убийства императора Александра II. Происходил из семьи крепостных дворовых крестьян, был женат на С.Л. Перовской. Участвовал в неудавшемся покушении 17 ноября 1879 г. на возвращавшегося из Крыма императора Александра II под Александровском, зимой 1880–1881 гг. руководил подготовкой очередного покушения на императора, однако был арестован за два дня до убийства императора. А.И. Желябов был приговорен к смертной казни через повешение по собственной просьбе.

⁶⁶ Данный период был отмечен сложным соотношением экономического роста, развития и модернизации промышленности и негативных факторов (оставшееся непростым положение бывших помещичьих крестьян, голод и др.). См.: *Исаков В.А.* Народовольчество и власть: причины готовности к борьбе и модели постреволюционной власти. 2004. № 3. С. 47–56.

параллель». Или, инкриминировалась фраза Суханова⁶⁷ о Квятковском⁶⁸: «бывают эпохи, когда агнцы становятся тиграм». И здесь усматривается опасность, принятая этой фразы к сведению и руководству.

Прилагая при сем текст «объяснения», очень прошу: 1) подействовать на Волина, в смысле ускорения ликвидации этой несомненной цензурской ошибки: пусть даже книга дискуссионна, – оснований для изъятия это не дает, поскольку политических мотивов для ареста нет; 2) передать текст для напечатания в «Литературной Газете» – целиком или без последней страницы: это в значительной мере посодействовало-бы оздоровлению атмосферы, дав определенные тезисы для полемики, если к ней будет у кого-нибудь охота.

Тема «Партионцев» – конец агония «Народной Воли» – стала для меня на очередь в связи с циклом романов о судьбах индивидуализма, – циклом, над которым я работаю уже давно. Начав с эпохи 1890-1900-х годов, известной мне и по личному политическому опыту (я через «Крышу Мира», «На Крови» и ныне подготовленных к печати «Старцев», подхожу к окончательному крещению было индивидуализма и расцвету личности в коллективе – в эпоху Октябрьской революции («Борьба за огонь») и в социалистическом обществе («Записки моего внука»). Идя, таким образом, к концу цикла, я считаю целесообразным, параллельно с этим, для бóльшего утверждения своих положений, постепенно отводить цикл (с определенной сюжетной взаимосвязкой отдельных частей) – в предшествующие эпохи, вскрывая проблему личности и коллектива на других исторических этапах.

Выбору темы народовольцев – как первой по этой линии посодействовало, косвенно, то обстоятельство, что А.В. Луначарский, в бытность председатель репертуарной комиссии Худож[ественного] Политич[еского] Совет[ского] Историко-Революционного Театра Общества Политкаторжан предлож[ил мне] написать пьесы о Народной Воле. От этого [начинания] я, однако, по ряду причин, отказался уже на первых стадиях своей работы над материалом.

⁶⁷ Суханов Николай Евгеньевич (1851–1882) – революционер-народовец, лейтенант Российского императорского флота. Родился в дворянской семье. Осенью 1879 г. стал членом исполкома «Народной воли», возглавлял её военную организацию. Участвовал в подготовке покушений на Александра II, 28 апреля 1881 г. Н.Е. Суханов был арестован в Петербурге. Будучи приговоренным к смертной казни через повешение, подал прошение о смягчении наказания; как офицер, изменивший присяге, помилован не был, но повешение было заменено расстрелом.

⁶⁸ Квятковский Александр Александрович (1852–1880) – революционер-народник, один из основателей «Народной воли», один из участников убийства императора Александра II; известен под кличкой «Александр I». Родился в семье выходца из Белоруссии дворянина-золотопромышленника, родной брат Тимофей был членом «Народной воли». Принимал участие в подготовке покушения А. Соловьёва на Александра II в Санкт-Петербурге 2 апреля 1879 г. 24 ноября 1879 г. А.А. Квятковский был арестован, после годичного заключения в камере Трубецкого бастиона предан военному суду и приговорен к смертной казни через повешение. Приговор исполнен 4 ноября 1880 г.

Исходя из сформулированного выше задания, я не ставил себе целью дать «историю Нар[одной] Воли», (совершенно так же, как в «На Крови» не ставил себе целью дать «историю» Пятого года): период ее подъема и расцвета, к которому относится то ценное, что партия внесла в движение, и в котором дефекты программного, тактического и организационного порядка, приведшие к постепенной ее изоляции, загнавшие ее в тупик террора, и предопределившие ее распад и смерть, – были еще только симптомами – остался за гранями романа. Я сознательно ограничил действие «первомартовским делом», так как именно на данном этапе жизни Н[ародной] В[оли]⁶⁹ вскрылись с особой ясностью определяющие, характерные черты личностей Желябова, Перовской⁷⁰, Кибальчича⁷¹, Суханова, Рысакова⁷² – и, с другой стороны, выявилась во всей четкости природа тогдашнего «партийного» коллектива, в котором наглухо замкнуты были, в этот период, народовольцы, Тщательная трехлетняя работа, проведенная на документальном «сырье», позволила внести ряд фактических исправлений в само изложение первомартовских событий; она же привела меня и к иному, по сравнению с существующей «традицией» понимания некоторых образов – и в первую очередь, центральной для народовольчества фигуры Желябова.

До сих пор образ Желябова определялся исключительно воспоминаниями о нем ближайших его сотрудников: воспоминаний предельно восторженных. Восторженность эта понятна, поскольку Желябов, державший в своих руках

⁶⁹ Народная воля – российская революционная организация. Была образована в 1879 г. после раскола общества «Земля и воля» на радикальную «Народную волю» и умеренную «Черный передел». Члены партии пытались своими индивидуальными террористическими актами вынудить царское правительство начать действительно демократические реформы. Наиболее активными членами этой партии были: А.И. Желябов, М.Т. Михайлов, С.Л. Перовская, Н.И. Кибальчич и др. См.: Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М. 1997. 194 с.

⁷⁰ Перовская Софья Львовна (1853–1881) – член Исполнительного комитета и Распорядительной комиссии «Народной воли», активный участник создания «Рабочей газеты», была непосредственно руководителем убийства императора Александра II. Происходила из дворянской семьи, была правнучкой графа А.Л. Разумовского, ее отец Л.Н. Перовский был губернатором Петербурга. Софья Перовская была супругой А.И. Желябова.

⁷¹ Кибальчич Николай Иванович (1853–1881) – революционер-народник, член «Народной Воли», один из организаторов убийства императора Александра II. Родился в семье священника. С октября 1875 по июнь 1878 гг. содержался в тюрьме по обвинению в революционной пропаганде среди крестьян Киевской губернии. После освобождения участвовал в подготовке покушений на Александра II – именно он изобрёл и изготовил метательные снаряды, которые были использованы И.И. Гриневицким и Н.И. Рысаковым во время покушения на Екатерининском канале. 17 марта 1881 г. был арестован и приговорён к смертной казни через повешение.

⁷² Рысаков Николай Иванович (1861–1881) – революционер-народник, член «Народной Воли», один из двух непосредственных исполнителей убийства императора Александра II. Происходил из мещанской семьи управляющего лесопильным заводом. 1 марта 1881 г. бросил в бронированную карету императора первую бомбу: император не пострадал, но взрывом были убиты несколько прохожих. Оказавшись перед неминуемой перспективой смертной казни, несовершеннолетний Н.И. Рысаков пытался любым образом ее избежать. Сразу же после ареста дал обширные показания, благодаря которым была раскрыта конспиративную квартиру на Тележной улице, где жили Г. Гельфман и застрелившийся при аресте Н. Саблин. Именно Н. Рысаков дал показания на С. Перовскую, В. Фигнер, И. Емельянова и сообщил следствию, все, что ему было известно о «Народной воле», однако несмотря на это, не был помилован и был повешен 3 апреля 1881 г.

все рычаги, доподлинный и единственный – без замены – вождь партии – был, действительно, неизмеримо выше окружавших его (исключая, на мой личный взгляд, Кибальчича, материал о котором, я, к сожалению, не сумел композиционно включить в роман); но она лишает характеристику Желябова в воспоминаниях народовольцев – должной объективности. Тот сугубо-личный характер, который носит даже изложенный народовольцами фактической стороны партийной работы, не говоря уже об оценках, и который продиктовал одному из новейших наших исследователей резко, но не слишком преувеличенную формулировку: «марксист не верит ни одному слову, из того, что говорят о себе народовольцы», – с особой силой сказался именно в воспоминаниях о Желябове, в трактовке его образа.

Образ этот – в народовольческой литературе статичен. На деле было, конечно, не так. Народовольцы вполне естественно, обошли то глубокое и «обреченное» одиночество, в котором – ключ к пониманию «подлинного Желябова» в последний критический для него и для партии год его жизни. Для меня – в пределах поставленных мною себе задач – именно этот момент, естественно, представлял особой интерес и значимости. Проведя в романе Желябова сквозь офицерский, рабочий, студенческий кружок, отмечая отказ от непосредственной работы в деревне, показывая его в кругу ближайших сотрудников, бывших так резко ему не по росту, подчеркивая всемерно отсутствие не только широкого, но даже и тесного коллектива, способного служить опорой и питательной средой, – я старался показать постепенное нарастание этого чувства «общественного» одиночества выключенный из коллектива личности, определяющего и чувство личного одиночества, столь неоспоримо сказывающегося в предсмертном отдалении Желябова даже от Софьи. Попытки разобрать этот заколдованный круг определили, как я считаю, в значительной мере, и те программные и тактические ошибки, которым отмечен данный этап народовольчества, – «примиренчество» даже в отношении худших предрассудков тех социальных кругов, с которыми искал связи Желябов. Таково столь характерное для практики Н[ародной] В[оли] «[...] примиренчество», приведшее к характерной для литературы Н[ародной] В[оли] перегрузке статей цитатами из «священного писания», попытки оправдать революцию – религией; таковы высказывания Н[ародной] В[оли] о погромах, – как прогрессивном, по существу, явлению; таков и жест Желябова на эшафот, – поцелуй креста, смутивший, насколько мне известно, некоторых из моих читателей. Этот на чисто-политическом расчете построенный жест настолько целостно увязывается с обликом Желябова данного периода, что-если-бы даже свидетели казни не отмечали его вполне единодушно, – я, как писатель, должен был-бы этот жест «увидеть». Он насколько-же естественен и необходимо, – как естественен и необходим отказ от креста «неполитиков» – Софьи и Кибальчича.

Одиночество делает образ Желябова этого периода (в отличие от прежнего Желябова периода подъема Н[ародной] В[оли]) глубоко, по существу своему, практичным. Но трагичность его – снижается для свидетеля эпохи – и, особенно, свидетеля-читателя наших дней – фактом огромной «усталости» Желябова: усталость – может быть понятна и оправдана, может вызвать сочувствие и жалость, но она всегда, неизбежно, ослабляет впечатление «силы». В данном случае, момент этот был особенно значим (тем более для моей темы), поскольку именно в нем надо видеть первопричину фактического самоубийства Желябова, каковым видятся мне «конспиративно не оправданный «приход к Тритоне, приведший к аресту, и последующее требование о приобщении 1-го марта.

Тем-же основным заданием романа определилось и выдвижение на одно из первых мест Рысакова, как антитезы Желябова; тем более, что подтема предательства трактуется в «На Крови» (Гапон) и в «Страцах» (Азеф) и для меня существенно было «протянуть» и по этой линии важную для цикла – общую нить. Роль Рысакова именно в этот период – распада – конечно же не случайна, как не случаен и тот факт, что царубийство – центральный, как будто бы, эпизод истории Н[ародной] В[оли] – осуществлен был руки не коренных народовольцев, – а восторженным мальчиком-романтиком Гриневецким⁷³, безличным Емельяновым⁷⁴, предателем Рысаковым и Тимофеем Михайловиче [Михайлове]⁷⁵, – дважды скомпрометировавших партию – подачею прошения о помиловании и позорным поведением на эшафоте⁷⁶.

⁷³ Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856–1881) – революционер-народник, член «Народной воли», в 1879 г. вступил в народнический кружок и вошёл в «Народную волю», где имел подпольные клички «Михаил Иванович» и «Котик». Распространял нелегальную литературу, затем работал в нелегальной типографии, занимался пропагандой среди рабочих. 1 марта 1881 г. участвовал в убийстве царя Александра II, именно он бросил бомбу, взорвавшую его вместе с царем. При взрыве получил тяжелые ранения не совместимые с жизнью.

⁷⁴ Емельянов Иван Пантелеймонович (1860–1916) – революционер-народник, член «Народной воли». Родился в бедной семье послушника в Бессарабии. В январе 1881 г. И.П. Емельянов стал одним из четырех назначенных исполнителей убийства царя Александра II. 15 февраля 1882 г. И.П. Емельянов был приговорён к смертной казни, а примерно через месяц Александр III утвердил приговор о замене смертной казни бессрочной каторгой. В 1891 г. приговор был смягчен до 20 лет, спустя четыре года Иван Емельянов был помилован.

⁷⁵ Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881) – революционер-народник, член «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II. В середине 1870-х гг. работал чернорабочим на нескольких фабриках Санкт-Петербурга. Вскоре Т. Михайлов стал участником организации «Земля и воля», после ее раскола – членом «Народной воли». Принимал активное участие в удавшемся покушении на царя Александра II 1 марта 1881 г. Спустя два дня был арестован и приговорён к смертной казни.

⁷⁶ Николай Рысаков до последних минут пытался добиться помилования. Его непрерывно допрашивали на следствии, в суде и после вынесения смертного приговора – вплоть до 3 апреля. Он выдавал следователям информацию от других членов организации. 2 апреля 1881 г., за день до казни, предпринял последнюю попытку, направив письмо градоначальнику Баранову с предложением помочь опознать членов «Народной Воли», однако оно осталось без ответа, и это не спасло ему жизнь. Н. Рысаков и Т. Михайлов были единственными из первоартовцев, которые вели себя во время казни довольно нервно. Тимофей Михайлов при подходе к эшафоту попытался выкрикнуть что-то в толпу, однако барабанный бой заглушил его голос. Он что-то выкрикивал в толпу и во время трех попыток повешения. С.Д. Мстиславский, предполагаем, считал такое поведение неприемлемым и позорным для революционера.

Черты обреченности и «агонии» не могли, конечно, не определить при совершенной исторической точности (или, точнее, именно благодаря этой точности) общий мрачный тон книги. Я видел в этом не отрицательные, а положительные, поскольку, с одной стороны, это в полной мере отвечает смыслу выводов, к которым должен привести показ тех взаимоотношений личности и коллектива, которые сложны были процессами, определившими смерть Н[ародной] В[оли]; с другой же стороны, это отвечало и второй подтеме романа – обличению индивидуального террора, как «обреченного» метода политической борьбы, как жеста отчаяния оказавшихся в «[социальном] тупике» людей: подтема эта была так же важна для меня, поскольку я возвращаюсь к ней в других моих романах.

Проведя «Партиоцев» через журнал «Октябрь» за год до выпуска отдельного издания⁷⁷, я рассчитывал вызвать обмен мнений, который мог бы быть использован для проверки моих установок, и исправления недочетов, и – может быть – даже ошибок, вполне естественных в вопросе столь мало разработанном, как история Н[ародной] Воли. Несмотря на то, что трактовка народовольства в «Партионцах» согласуется с тезисами Культпрос[ве]т ЦК ЦКП(б)⁷⁸ и Н[ародной] В[оли], и выводами, к которым привела дискуссия в комакадемии⁷⁹, – я все же ожидал полемики, поскольку, некоторые из моих положений не могли не взволновать ревнителей «традиций», застывших в безоговорочном «апофеозе» народовольчества; ждал я возражений и со стороны группы т[оварища] Теодоровича⁸⁰. Тем более, что хотя для формулировки идеологических, политических и тактических высказываний народовольцев я пользовался (иногда даже в ущерб художественности) подлинными цитатами из статей Н[ародной] В[оли], писем и других документов – беллетристическая форма произведения исключила возможность подтверждения подлинности высказываний и фактов ссылками на источники; и людям, недостаточно знакомым с материалом, отступления от «традиции» могли почудиться научно не обоснованным «произволом романиста». Ведь марксистской, научно разработанной истории Н[ародной] В[оли], которая могла бы помочь ориентировке критиков, по сие время нет.

⁷⁷ См.: Октябрь. 1932. № 8. С. 24-52; №9. С. 79-118; №10. С. 34-73; № 12. С. 99-137.

⁷⁸ Культурно-просветительный отдел при ЦК ВКП(б) был создан в рамках реформы центрального партийного аппарата весной 1935 г. Летом 1939 г. культпросвет был ликвидирован, на его месте создали Отдел культпросветучреждений в рамках Управления пропаганды и агитации (Агитпропа) ЦК КПСС.

⁷⁹ Коммунистическая академия при центральном исполнительном комитете СССР – научно-исследовательское учреждение, действовавшее в 1918–1936 гг. Была организована декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 г. (открыта для слушателей 1 октября 1918 г.) в Москве как Социалистическая академия общественных наук. 15 апреля 1919 г. переименована в Социалистическую академию, а 17 апреля 1924 г. – в Коммунистическую академию. См.: Алексеева Г.Д. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений: (20-30-е годы). Ташкент. 1977. 136 с.

⁸⁰ Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) – революционер, советский государственный деятель, историк революционного движения, первый Народный комиссар продовольствия РСФСР.

Обмена мнений, однако, никакого не произошло; в течение года, прошедшего со времени опубликования романа в журнале, я имел только ряд словесных, лично мне вы сказанных и, может быть, именно потому лестных отзывов, в критической нашей литературе – ни одной строки о романе не появилось. Равным образом, и на выход отдельного издания критика в течение пяти месяцев не реагировала никак; «Литературная газета» в специальном очерке, посвященном историческому роману, добросовестно перечислив даже мелкие, журнальные рассказы, – о «Партионцах» же не обмолвилась и словом. Правда, за те восемь лет, что я работаю в художественной литературе, я привык уже к одобрению в частных разговорах, и «критическому молчанию» в печати, но не могу сказать, чтобы это очень помогло в работе, – тем более в работе над таким сложным вопросом, как избранная мною тема.

РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Ед.хр. 215. Л. 2–4 об. Подлинник. Рукопись.

7.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА С.Д. МСТИСЛАВСКОГО К НАПИСАННОМУ ИМ 21 МАРТА 1934 г. ПИСЬМУ А.М. ГОРЬКОГО

15 июля 1940 г.

К письму А.М. Горького от 21.III.1934 [г].

Письмо Алексея Михайловича является «официальным» (как видно из обращения) ответом на мое «официальное» же предложение; черновик моего письма не сохранился дать статью в сборник о «Литературном языке», подготовлявшимся «Центральной Комиссией по литературному языку» Научного Совета ВЦКНА (Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита⁸¹) при ЦИК СССР, в состав которой я был делегирован Союзом советских писателей. Редактирование Сборника было поручено специальной редколлегии под общим моим руководством. В своем письме я просил А.М. дать общую, – вводную ко всему сборнику статью. Предполагая, что А.М. может не иметь представления ни о составе, ни о работах комиссии, я приложил к письму последние известия Комитета, где опубликованы были работы ряда крупнейших наших лингвистов

⁸¹ 20 октября 1930 г. Президиум ВЦИК утвердил проект Положения о Комитете по введению нового латинизированного алфавита среди национальных меньшинств РСФСР, которое передавало в ведение Комитета руководство местными комитетами РСФСР по введению нового тюркского алфавита. В связи с тем, что до его образования работа осуществлялась Всесоюзным комитетом нового тюркского алфавита, Положение о Всероссийском Комитете было представлено на утверждение Президиума ЦИК СССР. В обязанности Комитета входило содействие организации письменности на новом (латинизированном) алфавите для народов СССР. 10 февраля 1935 г. на заседании Президиума ВЦИК было признано целесообразным объединение работы Всесоюзного и Российского комитетов нового алфавита. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 декабря 1937 г. Всесоюзный Центральный Комитет нового (латинизированного) алфавита был ликвидирован как «выполнивший свою задачу».

по вопросам восточных языков. Сугубая научность этих, действительно переполненных «теоретическими мудростями статей и явилась (как «намекает» и самое письмо А.М.) первопричиною его отказа.

На его письмо я ответил следующим приводимым в копии с черновика письмом:

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

получил Ваше письмо и чувствую себя очень виноватым перед редколлегией Сборника, от имени которой писал, т.к., передавая ее просьбу, не сумел дать правильного представления о нашем начинании. Я не подчеркнул особо, что высокая ценность нашей статьи для Сборника, прежде всего, именно в том, что Вы пишете о культуре слова, как крупнейший практик, а не только теоретик слова. О литературном языке с точки зрения лингвистической даст статью академик Марр⁸².

Второе мое упущение: срок получения Вашей статьи, поскольку она пойдет в набор без всякой редакционной волокиты, может быть определен на 15-20 мая, т. е. почти через полтора месяца. Совершенно невозможно, чтобы Сборник, посвященный важнейшему для писателей и языковедов вопросу, вышел без вашего участия. Боюсь, что присланные мною книги – по содержанию своему действительно слишком специального характера, ввели Вас в заблуждение: Сборник, над которым мы сейчас работаем, рассчитан на широкий писательский и литературоведческий круг и будет носить «определенный характер, как и вся работа комиссии, задача которой – практическая: борьба за культуру языка.

Разрешите надеяться, что Вы пересмотрите Ваше решение, – и первой статьей Сборника будет – как и должна быть – статья писателя.

С. Мстиславский

Окончательный отказ А.М. был передан уже по телефону: А.М. повторил прежние доводы, подкрепив их еще ссылкой на недомогание.

В конечном счете, Сборник не вышел в свет, т. к. Комитет был ликвидирован.

С.М.

15.VII.1940

РГАЛИ. Ф. 506. Оп. 1. Ед.хр. 205. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись.

⁸² Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – востоковед, лингвист, археолог, кавказовед, академик АН (1912). В 1919–1934 гг. председатель Российской академии истории материальной культуры (РАИМК; с 1926 г. – Государственной (ГАИМК)), создатель и директор (1921–1934) Яфетического института (ныне Институт лингвистических исследований РАН). В 1924–1930 гг. Н.Я. Марр являлся директором Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (ныне – Российская национальная библиотека), в 1930–1934 гг. был вице-президент Академии наук СССР (СПФ РАН. Ф. 800).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Алексеева Г.Д.* Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений: (20-30-е годы) / Г.Д. Алексеева. – Ташкент: Фан, 1977. – 136 с.
2. *Аэрникон // Заветы.* – 1913. – № 12. – С. 13–42.
3. *Березницкий Я.* Мстиславский Сергей Дмитриевич [Электронный ресурс] // Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ) М. 1967. Т. 4. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke4/ke4-a021.htm> (дата обращения: 05.02.2025).
4. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: В 7 т. / под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]; подгот. текстов и примеч. М.В. Васильева и др. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 3: Стихотворения. 1918-1924. Поэма «Египетские ночи» и стихотворения, не включавшиеся В.Я. Брюсовым в сборники 1891-1924. – 694 с.
5. *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России (материалы и очерки) / К.Г. Васильев, А.Е. Сегал. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 397 с.
6. *Гете И.В.* Фауст. Ч. 1 / И.В. Гете; пер. с нем. В. Брюсова; вступ. статьи П.С. Когана и А.Г. Габричевского. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1932. – 222 с.
7. *Гросманн Б.* Мстиславский Сергей Дмитриевич [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. М. 1934. Т. 7. URL: <https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le7/le7-5211.htm> (дата обращения: 05.02.2025).
8. *Живец // Русское Богатство.* – 1910. – № 12. – С. 89–100.
9. *Исаков В.А.* Народовольчество и власть: причины готовности к борьбе и модели постреволюционной власти / В.А. Исаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2004. – № 3. – С. 47-56.
10. *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры / Г.С. Кан. – М.: Издательство «Пробел», 1997. – 194 с.
11. *Князев М.А.* К вопросу об отъезде Николая II и царской семьи в Англию после падения монархии в России / М.А. Князев // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 62–69.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1. 1898-1917. – 638 с.
13. *Меньшевики. Документы и материалы.* 1903 – февраль 1917 гг. / сост. С.В. Тютюкин. – М.: РОССПЭН, 1996. – 408 с.
14. *Мстиславский С.Д.* Гальча: (Первобыт. население Туркестана) / С.Д. Мстиславский. – М.: типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1901. – 16 с.
15. *Мстиславский С.Д.* Суворовский музей. Опись памятникам и предметам во временном помещении Суворовского музея, при Николаевской академии Генерального штаба / сост. С.Д. Мстиславский; под ред. проф. А.З. Мышлаевского и Б.М. Колюбакина. – СПб.: Суворов. комис., 1901. – 68 с.

16. *Мстиславский С.Д.* Библиография Афганистана / Сост. В.Ф. Гетце, Б.П. Кареев и С.Д. Мстиславский. – СПб: Тип. И. Флейтмана, 1908. – 123 с.
17. *Мстиславский С.Д.* Летопись военной печати / С.Д. Мстиславский. – СПб.: Типография Товарищества А.С. Суворина, 1911. – 113 с.
18. *Мстиславский С.Д.* Пять Дней. Начало и конец Февральской Революции / С.Д. Мстиславский. – 2-е изд. – Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922. – 93 с.
19. *Мстиславский С.Д.* Черный Магома: рассказы о старой, уходящей Аварии / С.Д. Мстиславский. – М.: Федерация, 1932. – 148 с.
20. Октябрь. – 1932. – № 8. – С. 24–52; № 9. – С. 79–118; № 10. – С. 34–73; № 12. – С. 99–137.
21. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2000. – 960 с.
22. Песни из плена // Заветы. – 1912. – № 8. – С. 62–71.
23. *Пирейко А.* В тылу и на фронте Империалистической войны. Воспоминания рабочего / А. Пирейко. – Л.: Раб. изд. «Прибой», 1926. – 63 с.
24. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с.
25. Рабочая кооперация / С.Д. Масловский (С.Д. Мстиславский). – Пг.: Рев. мысль, 1917. – 48 с.
26. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 306 (Мстиславский Сергей Дмитриевич (наст. фам. Масловский; 1876-1943) - писатель, драматург). Оп. 1. Ед.хр. 164, 203, 215, 312; Оп. 8. Ед.хр. 502.
27. РСФСР. Съезд Советов (5; 1918; Москва). Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4–10 июля 1918 г. / РСФСР. – М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – 254 с.
28. *Седова А.Ф.* Становление писателя / А.Ф. Седова // Научные труды ТашГУ / отв. ред. Ю.А. Мориц. – Вып. 389: По страницам русской и зарубежной литературы. – Ташкент: [б. и.], 1970. – С. 107–121.
29. *Седова А.Ф.* О некоторых особенностях изображения героя-романтика / А.Ф. Седова // Научные труды ТашГУ / отв. ред. Ю.А. Мориц. – Вып. 396: Вопросы литературы. – Ташкент: [б. и.], 1971. – С. 131–149.
30. *Седова А.Ф.* Некоторые особенности изображения героя С. Мстиславского / А.Ф. Седова // Научные труды ТашГУ. – Вып. 444: По страницам русской и зарубежной литературы. Ташкент: [б. и.], 1973. – С. 57–68.
31. *Седова А.Ф.* Роль мира природы в раскрытии мировоззренческих позиций героя по роману С. Мстиславского «Крыша мира» / А.Ф. Седова // Научные труды ТашГУ. – Вып. 474: По страницам русской и зарубежной литературы. – Ташкент: [б. и.], 1974. – С. 102–116.

32. *Седова А.Ф.* Сергей Мстиславский — прозаик: идейно-эстетическая эволюция писателя: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02 / Седова Александра Федоровна; Ташк. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Ташкент, 1974. – 201 с.

33. *Шашкова О.А.* Литературная стезя Сергея Мстиславского (Масловского). Жизнь революционера в Советской России / О.А. Шашкова // SCHOLA-2024: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – М.: Издательство Московского университета, 2024. – С. 268–272.

Сведения об авторах

Арсенидзе Анна Темуриевна, студентка исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; ann212_506@mail.ru

Григорьев Константин Юрьевич, магистрант факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; kostik.grigoriev.01@mail.ru

Захарова Арина Максимовна, магистрантка факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, библиотекарь Научно-исследовательского Отдела редкой книги (Музей книги) Российской государственной библиотеки, г. Москва; arizahar@gmail.com

Злодеева Софья Валерьевна, магистрантка факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; szlodeeva@yandex.ru

Корнеев Андрей Дмитриевич, магистрант Хайфского университета, г. Хайфа, Израиль; akorneev2013@yandex.ru

Нисенбаум София Яковлевна, аспирантка кафедры истории и организации архивного дела факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; nisenbaum.sofiya@yandex.ru

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна, д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; ioad@yandex.ru

General data about the authors

Arseniǰze Anna T., student of the Faculty of History of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; ann212_506@mail.ru

Grigoriev Konstantin Yu., master's student of the Department of History and Organization of Archives of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; kostik.grigoriev.01@mail.ru

Zaharova Arina M., master's student of the Department of History and Organization of Archives of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, librarian of the Research Department of Rare Books (Book Museum) of the Russian State Library, Moscow; arizahar@gmail.com

Zlodeeva Sofya V., master's student of the Department of History and Organization of Archives of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; szlodeeva@yandex.ru

Korneev Andrey D., master's student of Modern German and European Studies on Haifa Center for German and European Studies of the University of Haifa, Haifa, Israel; akorneev2013@yandex.ru

Nisenbaum Sofiya Ya., PhD student of the Department of History and Organization of Archives of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; nisenbaum.sofiya@yandex.ru

Khorkhordina Tatiana I., Dr. of Historical Sciences, professor of the Department of History and Organization of Archives of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; ioad@yandex.ru

Дизайн

М.Ю. Борисов, В.И. Рыбакова

Верстка и коррекция

С.Я. Нисенбаум

Научная редакция

*Ф.А. Белов, А.Г. Мирзоян,
М.А. Родионова, К.С. Шевякова*

